

★ 1997-1998. Начало

Ярослав Багров

Началось всё с полумифической группы БЕЛЕВО. Это был 97 год, осень. Репетировали, естественно, у меня дома – я играл на клавишах, ещё была акустическая гитара и какая-то хуйня вместо барабанов.

«Группа» – это очень громко сказано. Шатались всякие непонятные люди, что-то играли – я временами даже не знал, кто у нас на ударных и так далее. Играть, разумеется, никто не умел, зато всё было в кайф – когда мы рубились и орали изо всех сил, пробиравало до мурашек! Это бесподобное чувство я испытывал впервые и порой мне казалось, что мы все вот-вот свихнёмся от счастья – настолько всё было ново и круто. Вообще, всякими «музы-кальными» делами я начал заниматься года с 93-го – была, например, совершенно мифическая группа МАЯК, потом группа НА ХЕР НАДО, но это было такое дерьмо, что и вспоминать не хочется. А то, что делало БЕЛЕВО, – это, конечно, смешно, но очень много значило в том смысле, что стало более-менее ясно, в какую сторону надо двигаться. Весь этот дурацкий сумбур мне и сейчас приятно вспомнить – это такой ветер юности!

Так вот. Бренчали мы, бренчали и добренчались до того, что 30 октября 1997 года состоялся у нас первый и единственный концерт в Волгоградском Государственном Педагогическом Университете, на котором произошло моё знакомство с Колей Жуковым.

Я сидел за кулисами и что-то наигрывал на неподключенной гитаре, когда ко мне подошёл какой-то кучерявый тип и спросил: «А ты DEEP PURPLE знаешь?» Я, естественно, сыграл рифф из «*Smoke on the Water*», чувак был просто в восторге (оригинальную версию этой песни я впервые услышал много лет спустя). На концерте мы, само собой, триумфально обоссались, а потом вся толпа повалила ко мне домой. Устроили небольшой квартирник, и я снова увидел этого кучерявого – стоит у двери, с интересом слушает.

После этого я впал на несколько дней в невесёлые размышления, итогом которых стало то, что великая группа БЕЛЕВО приказала долго жить. Мне уже давно хотелось делать что-то серьёзное, я даже начал кое-что сочинять – возникло естественное желание собрать людей и создать группу. Я дал объявление в газету, и ко мне стали приходить какие-то совершеннейшие ублюдки, которые, поглядев на меня один раз, больше почему-то не появлялись. Но был среди них такой Толик – в первом телефонном разговоре он сказал буквально следующее: «У меня друзья всё больше по бабам, а я музыкой хочу заниматься...» Этой фразой он как нельзя лучше расположил меня к себе, тем более что в то время я сам был именно таким образом настроен. Договорились с ним о встрече. Открываю дверь – стоит такой гопник: шапка-формовка, куртка «Адидас» и прочее. «Привет, я – Толик». Раздевается, заходит и безо всяких предисловий берёт в руки бас: «Ну давай, показывай песни». Я, конечно, офигел!.. Сыграл ему несколько вещей, а он моментально начал выдавать какие-то крутейшие импровизации – мне даже не пришлось ничего объяснять. Мои наивные соплежуйские песенки в один миг обернулись мощнейшими взрывными хитами, и впоследствии Толик напроочь убил меня признанием, что до этого никогда на басу не играл.

Через какое-то время сижу вечером дома, и вдруг – телефонный звонок. «Привет, это Николай. Помнишь, мы с тобой познакомились на концерте в Педе?» Из разговора выяснилось, что у него есть своя программа и он желает, чтобы мы, то есть БЕЛЕВО, помогли ему записаться. Я говорю: «Ну, приходи – что-нибудь придумаем». Вот, пришёл он ко мне (а пришёл он в шапке с нашивкой «ГрОб», отчего я сразу внутренне ухмыльнулся) и спрашивает: «А где же Б***, К*** (мои экс-соратники по БЕЛЕВУ) и прочие?» Я говорю: «А я их уволил». Ну, сели мы, он начал мне что-то показывать, я начал подыгрывать на клавишах. Надо сказать, что это были совершенно тоскливые, депрессивные вещи, да и на гитаре Коля тогда играть вообще не умел, но мне это показалось любопытным. Не сказал бы, что мне тотчас же захотелось делать что-то подобное – было просто интересно помочь этому человеку.

Вскоре мне снова позвонил Толик: «Давай соберёмся, поиграем». Я говорю: «Есть такой человек – Философ (под таким прозвищем Коля тогда был известен в местной тусовке),

можно с ним что-нибудь попробовать». И вот в один декабрьский вечер Коля принёс ко мне свою гитару и двухкассетник с колонками в двух сумках, следом за ним пришёл Толик и мы начали что-то выдумывать. У меня лежал какой-то усилитель, который кто-то дал для починки моему отчиму – Толик играл через него на трёхструнном басу, оставшемся ещё от БЕЛЕВА, я – на клавишах, а Коля – на гитаре и пел. У Коли были какие-то идеи насчёт некоторых песен, но в основном всё представляло собой спонтанный шаманский хэппенинг – что-то тянули голосами под клавишный фон, а Коля читал (вернее – завывал) бредовые стихи, какие-то песни орали все вместе, придумывая слова на ходу и так далее. Всё это дело писалось «с воздуха» на жуковский магнитофон, отличавшийся весьма непотребным качеством записи. Данная кассета, получившая название **«Якутская Баллада»**, до сих пор хранится у меня в столе. Наименованием своим этот «бутлег» обязан был, видимо, Толику Попкову – в процессе музицирования выяснилось, что он родом из Якутии. В какой-то момент нам показалось, что то, что мы делаем, – это не просто бред и сплошной прикол, а может кое-что получиться... В общем, стали думать, как можно обозвать всё происходящее. Думали-думали, а потом Коля говорит: «Давайте – АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ». Я говорю: «А может, АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ?» На том и порешили.

Тогда же я нашёл одного мужика, у которого было что-то вроде домашней студии. Незадолго до того, как мы с Колей и Толиком собрались вместе в первый раз, я записал у него три песни. Это был мой первый опыт в области звукозаписи, и слава Богу, что эта кассета куда-то бесследно сгинула! «Не спеть правильно ни одной ноты – это большое искусство», – говорили мне тогда.

11 января 1998 г. мы собрались у этого мужика, у Алексея. Коля играл на электрогитаре (которую держал в руках первый раз в жизни), я – на клавишах (и на гитаре в одной песне), а Толик бил в бубен, подпевал и изредка подыгрывал на акустической гитаре, которую, впрочем, почти не было слышно. Писали всё, естественно, вживую, на говнянейшей (как я сейчас понимаю) аппаратуре, но тогда для нас это было пределом мечтаний. В записи помогали звукорежиссёры Серёга и Артём. Серёга был ужасный алкаш и говорил неестественно тонким голосом, что совершенно не сочеталось с его суровой внешностью. Он хорошо знал советский панк-рок и умел играть на гитаре лучше нас троих, вместе взятых. Естественно, присутствие такого человека и употреблявшееся в процессе записи некоторое количество алкоголя способствовали созданию весьма непринуждённой атмосферы. Записывалось всё очень быстро, с первого-второго дубля, и чем дальше – тем больше нам всё это нравилось. Впервые прозвучала в записи песня *«Распорядок Дня»*, довольно известная впоследствии, и я до сих пор считаю, что Коля в тот раз исполнил её столь восхитительно, как больше никогда не удавалось. Также в тот день я впервые услышал его рассказ *«Лошадь»*, от которого меня просто затрясло. Даже хозяин студии (кабацкий лабух) сказал: «Сильно, прямо по-чеховски!»

Так был записан альбом Коли Жукова **«Нараспашку»**. С музыкальной точки зрения это, конечно, была беспомощная чушь, но мы с Толиком были очень довольны – едва успели познакомиться и начали что-то играть, как тут же поучаствовали в «настоящем» альбоме, пускай и в качестве сессионщиков. Коля поблагодарил нас за услуги и пропал из виду, а мы с Толиком продолжили репетировать собственный материал. Считается, что молодой группе прежде всего необходим краткий и звучный «бренд» из одного-двух слов, но нам на это было глубоко насрать – нас вполне устраивало диковинное название, взятое из моей тетради по психологии. АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ – почему бы и нет? Однако никаких перспектив, даже отдалённых, в тот момент совершенно не наблюдалось – ни базы, ни аппарата, ни инструментов (у меня были только клавиши и акустическая гитара, у Толика – и того меньше). И тогда я соскрёб все деньги, что у меня были, и купил усилитель, микшерный пульт и ревербератор – всё, естественно, отечественное, подержанное и частично «убитое». Мне как раз отдали колонки от проигрывателя, я раздобыл два микрофона (советский МД-282 – что называется, «троллейбусный», и самодельный – из телефонной трубки) – вот и готова студия!

Тут же вновь объявился Жуков – да не один, а со своим товарищем по прозвищу Паганель. Это был местный тусовщик, волосатый и очкастый – вылитый Паганель из фильма. Буквально на второй день после знакомства он притащил ко мне электрогитару и бас «Кавказ» – тут всё и понеслось. У Паганеля была куча друзей – хиппующих лодырей обоего пола, и вся эта толпа повадилась ко мне как к себе домой. Практически каждый день с утра до вечера я вынужден был терпеть присутствие самомнительных «ведьм» и «поэтов», которым, как я

вскоре понял, просто негде было тусоваться (на улице холодно было), а у меня к тому же и пожрать можно было на халяву, и поссать-посрать. Так продолжалось около двух месяцев, а потом, когда они в очередной раз припёрлись, я кое-что сделал... Ну, в общем, они больше не приходили.

Но это произошло несколько позже, а пока что мы вовсю репетировали и записывались, вернее – занимались хуйнёй: каждый хватался то за одно, то за другое. О совместном творчестве не было и речи, каждый хотел лишь одного – «играть свои песни». С какими-то идеями глобальными все носились... «Они сюда тусоваться ходят, на шею у тебя сидят, а ты это терпишь», – говорил Толик. «Выкидывай их нахуй и давай играть по-нормальному, а то это не группа, а говно какое-то». Жуков же был, что называется, «на коне» – постоянно приводил разных девиц то с флейтой, то с виолончелью, гнал им телеги и репетировал с ними свои бесконечные песнопения. «Вот и помогай после этого людям», – думал я.

Однако именно тогда мы начали потихоньку вылезать на сцену. Выглядело это следующим образом: выходят три молодых человека – я, Коля и Паганель, поочерёдно поют под гитару, а потом играют пару вещей все вместе. Причём один раз Коля даже играл на басу! Словосочетание «Абсолютно Хорошее Настроение», насколько я помню, в то время ещё нигде не звучало, поскольку мероприятия, на которых мы выступали, являли собой пионерско-комсомольские смотры художественной самодеятельности, и публика там была соответствующая. Однако у нас были гитара и бас, что по тем временам было страшно круто, а Коля купил кларнет и блокфлейту – так что все были полны самых радужных надежд: «Да мы!.. Да мы взорвём! Мы им всем устроим!..»

Всё это, конечно, было очень глупо и смешно, но у нас не было бы и этого, не предоставь нам Паганель свои инструменты. Забегая вперёд, скажу, что гитара лежала у меня ещё с полгода, а бас – больше года, и на них ещё много чего игралось и записывалось. Об альбомах мы тогда не думали – никто толком не представлял, как это делается («Нараспашку» мы уже всерьёз не воспринимали), и всё записывалось просто затем, чтобы не забыть, как что играется. Из всех сохранившихся записей того периода я потом составил сборник «**Босоногие Песенки**».

★ 1998. Сюрреализм в действии

Ярослав Багров

Наступило лето, и вместе с ним грянули первые пиздецы. Толик Попков загремел в армию, в результате чего я лишился единственного нормального музыканта, и как-то само собой вышло, что рядом со мной остался лишь Коля Жуков.

Тут надо сделать небольшое лирическое отступление: к тому времени нам уже изрядно осточертела та туфта, которой мы занимались. Все эти наши романтично-ироничные зарисовки «на бытовом сюжете» и обвинения мира в чём только можно были позавчерашним днём, и чтобы понять это, большого ума не требовалось. Нам до смерти не хотелось делать то, что было уже миллион раз съедено и переварено много лет назад – а тут ещё воинствующий юношеский максимализм... Был, кстати, один прелюбопытнейший случай: в то время у нас в городе ещё существовал некий рок-клуб, и мы с Колей, ничтоже сумняшеся, отправились туда, прихватив с собой кассетку. Пришли, говорим: «Хотим у вас выступить, и вообще...» Там сидел какой-то недоносок, возомнивший себя большим начальником, он послушал кассету и выдал примерно следующее: «Ну, ребята, это всё несерьёзно. Мы чем-то подобным в юности занимались – сидели в общежитии, прикалывались. И к тому же это всё – КИНО один в один». Причём сказал он последнюю фразу по поводу композиции «Пробуждение», представлявшую собой весьма психоделического толка витийствование на клавишах под мрачный, постоянно повторяющийся рифф – сочинил я это в лихорадочном полубреду, когда болел краснухой, и продолжалась она у нас порой минут этак 20. В общем, вышли мы из этого «рок-клуба», kloкоча от ненависти, и тут Коля начал пространно размышлять вслух, что надо изыскивать какие-то новые подходы к творчеству. Одна из его телег, в частности, звучала примерно так: «Представляешь, идут разные звуки, постепенно нагромождаясь друг на друга... Крики, шум, грохот – и всё это хаотически чередуется и даже, на первый взгляд, никак между собой не связано. А потом всё вдруг резко обрывается и такой голос – Ух!.. И приснится же!.. На клавишах можно разные фоны

поделать, я на флейте могу что-нибудь поиграть». По дороге домой беседа, естественно, плавно перешла в философствования обо всём на свете, и я едва не сошёл с ума от надвигания этого нового, огромного и прекрасного мира. Несколько дней я не находил себе места, не мог ни о чём думать – ходил из угла в угол, пытался что-то читать, сидел по ночам на кухне. Всё, во что я верил и о чём мечтал, не имело больше никакого смысла, вопрос был только один – хватит ли сил идти дальше? Мне было 18 лет, то есть я довольно поздно, по сравнению со многими из моих знакомых, пришёл в музыку. Что мне делать, я не знал. Возможность существования «нормальной» группы, с постоянным составом, была в тот момент начисто исключена, я не учился и не работал, близкого общения с противоположным полом тоже, к счастью, не было. И тут я добрался до сартровской «Тошноты». Книга эта, я думаю, перевернула жизнь очень и очень многим, посему распространяться о том, что происходило тогда в моей голове, не буду. Под воздействием шока от прочитанного я написал однажды утром одно музыкальное произведение (а впрочем, чего греха таить – это была песня «Поперёк Горла»), и меня чуточку отпустило. Гораздо позже я наткнулся где-то на мысль, что необходимо всегда отдавать, если взял, то есть как-то отвечать на воспринятую тобой энергетику. Тысячу раз верно, тем более что Рокантен своим примером попросту помог мне ВЫЖИТЬ! Я ходил по улицам, пинал консервные банки, смотрел в небеса и в витрины магазинов – это был Кайф! Можно было сделать что угодно – лечь на дороге, к примеру, или какую-нибудь дрянь из лужи вытащить, и казалось очень странным, что теперь ты – лох, неудачник, вечно замкнутый пессимист, – ИМЕЕШЬ НА ЭТО ПРАВО.

Итак, мы остались одни. Все надежды рухнули (как раз планировался первый нормальный концерт – в Волжском), старые вещи петь не хотелось, а новые идеи были ещё очень сыры и невняты. Как-то раз жарким июльским днём Коля пришёл ко мне и говорит: «Давай что-нибудь позаписываем». Я пожал плечами и вставил кассету в магнитофон (дело в том, что по жуковской инициативе у нас состоялось огромное количество «сессий», обычно кончавшихся тем, что Коля говорил: «Всё не то», и запись уничтожалась): «А что писать-то будем?» Он тут же начал показывать огромное количество странных вещей, которые-то и песнями сложно было назвать. Большинство из них игралось в прямом смысле на одном аккорде или вовсе без таковых, да и тексты в своей непостижимости от музыки не отставали – так что я совершенно спокойно подумал: «Вот Коля и спятил», но в то же время каким-то нутром почуял, что грядёт что-то ТАКОЕ... Запись понеслась вопиюще стремительно, как не было ещё никогда – Коля показывал песню, мы тут же в двух словах договаривались, как примерно это будет звучать, нажималась кнопка на моём «Квазаре» – и готово! Только успевай хвататься за разные инструменты. Вскоре попёрло и из меня – настолько силён был импульс, который дал Коля. Ближе к вечеру всё начало происходить практически БЕЗ НАШЕГО УЧАСТИЯ – случилось то, о чём мы так много говорили и чего с нетерпением ждали. Сказать по правде, я не очень-то верил, что это возможно – «воронка», то есть высвобождение неких глубинных сил подсознания, но факт остаётся фактом, и доказательства тому запечатлены на плёнке. С годами воспоминания тускнеют – слушая сейчас те наши «пируэты», я часто не могу понять, откуда это взялось и как я вообще это играл. При записи песни «После Митинга» Коля так исступлённо вопил, что моя мать вырубил в квартире электричество. Большинство композиций звучало весьма зловеще – мы играли в почти полной темноте, самозабвенно шаманя, и разверзались всё более страшные бездны. Не знаю до сих пор, что с нами творилось, но некоторые вещи мы потом не могли прослушивать сами. На другой день мы «добили» оставшееся на кассете место, глядь – получился альбом. Это, мягко говоря, отличалось от того, что мы играли ранее (и что до сих пор сплошь и рядом гоняет наш доблестный инди-попс), и мы были безумно горды, что наконец нашли что-то новое, чего до нас не делал ещё никто – а посему альбом поимел название **«Дальше Никуда»**.

Так началась наша Великая Сюрреалистическая Эпопея. За один летний месяц 1998 года было записано шесть альбомов, причём на каждый уходило два, от силы – три дня. Что интересно, мы тогда даже не знали значения слова «концептуализм» и конечный результат нашей работы представляли себе очень приблизительно. Однако получилось то, что получилось. Альбомы эти до сих пор не получили широкого хождения, поскольку такого рода музыка не шибко приспособлена для широкого слушателя. Во многом это произошло вследствие нашего банального неумения играть и отсутствия хотя бы мало-мальских понятий об аранжировках. «Работа со звуком» же заключалась в том, чтобы более-менее сбалансировать инструменты по громкости, а что можно как-то отстраивать звук на пульте по частотам или регулировать реверберацию – никто и не помышлял. Запись производилась на магнитофон «Квазар М 303», у которого периодически не нажималась кнопка – и тогда мы

били по ней со всей дури чем-нибудь тяжёлым, а потом засовывали сбоку отвёртку. Источником вдохновения служило буквально всё – поездки в общественном транспорте, прогулки, разговоры, сны, шум машин, старые советские фильмы, сучки на двери туалета. Микрофонную стойку можно было поворачивать под разными углами и вертеть набалдашник, а если при этом на микрофоне стоял ревер, то получались довольно интересные звуки. Коля принёс из дома маленькую сковородку, издававшую при ударе весьма мелодичный звон. Всё рождалось прямо на ходу – достаточно было, например, обнаружить, что старый пионерский барабан со спущенным пластиком звучит почти как шаманский бубен, как тут же появлялась новая песня. Мы не мыслили альбомными категориями, так что у нас совершенно спокойно сочетались самые разноплановые вещи, и я до сих пор считаю, что там нет ничего лишнего. Искусство, как известно, имеет смысл, но переводу на человеческие понятия не подлежит и не поддаётся. То, чем мы занимались в те весёлые и безумные летние деньки, жило и поныне живёт своей самостоятельной и не всегда понятной жизнью. Зачастую поворачиваясь под невообразимыми углами, оно оказывало влияние и на нас – происходила некая «обратная связь», что ли... В конце концов мы и самих себя стали считать чем-то вроде дудки или усилителя. Мужчинам всегда кажется, что они выбирают женщин, хотя на самом деле это женщины выбирают их – примерно так же дело обстоит и с песнями, и в этом нет ничего удивительного.

Одним из самых ярких и страшных событий того лета для меня стало внезапное и ослепительное погружение в воспоминания о детстве. Я очень хорошо помню, как это произошло и какой необъяснимый ужас охватил меня, когда я понял, что жить по-старому не смогу уже никогда. С огромной силой я начал переживать всё заново, все позабытые детские страхи предстали в своей страшной, неизбежной непоправимости. Я отчётливо вспоминал очень многое, о чём ни разу не думал все эти годы, и смотрел на это порой несколько иначе, чем тогда, в детстве. Однажды, например, я с ужасающей ясностью вспомнил момент из раннего детства, когда я осознал, что Я – ЭТО Я. Помнит ли кто-нибудь свою инициацию во всех мельчайших подробностях? Не дай Бог никому – нервным срывом может кончиться. Само собой, чтобы спастись от безумия, необходимо было выплеснуть это всё наружу. Так появились *«Бука»*, *«На Болоте»*, *«Алёша»*, *«Пластилиновый Мячик»*, а впоследствии и многое другое.

Многие общеизвестные факты (да и традиционные взгляды на разные вещи) у нас подвергались не совсем логичному переосмыслению, причём происходило это всегда чисто интуитивно – взять хоть композицию *«Робин Гуд»*, сочинённую непосредственно во время записи. Возможно, в этом присутствовала какая-то своеобразная ирония, ну так что ж – ведь ирония, в отличие от стёба, всегда порождается болью. Сейчас это можно было бы назвать «демифологизацией» или ещё как-нибудь. Коля всегда подчёркивал, что смысл у нас никакого значения не имеет, а самое главное – это чувство, эмоция. Эмоции действительно были просто сильнейшие и не оставляли никакого места здравому смыслу. Нередко я даже подумывал – а не слишком ли далеко мы заходим?

– Слушай, Коля, а ведь мы с тобой скоро так с ума сойдём.
– А это нормально! Мы же к этому и идём, так что ничего страшного!

Коля производил впечатление человека, совершенно точно знающего, что ему нужно, и у которого в жизни ничего, кроме этой музыки, нет – я тогда не знал даже, где он работает и работает ли вообще. Мы никогда не обсуждали, что же это такое – то, что мы записываем. Какое-то негласное понимание было у нас, наверное.

Все эти альбомы, надо сказать, играли впоследствии с нами и нашими немногочисленными знакомыми довольно злые шутки. У одной девушки, которой я дал послушать кассету, чуть ли не в тот же день умер дед, у другой – бабка, кто-то и вовсе временно покинул дом по непонятным причинам.

Мы записывали альбом **«Одушевление Вещей»**, когда произошло следующее: пришли мы с Колей вечером ко мне домой, а дома никого нет. Не было даже собаки! Причём кровать, под которой та обычно лежала, была отодвинута от стены – а это наводило на невероятные предположения.

– Ничего не пойму... Куда же они все подевались?
– Вероятно, вы с ними оказались в разных пространственно-временных измерениях.

– То есть как это?

– Ну, они по-прежнему здесь, дома, только ты их больше никогда не увидишь. Только на улице, может, иногда встречать будешь.

В конце концов я на полном серьёзе решил, что то, что случилось, является предупреждением от неких «высших сил», что ли – залезли вы, молодой человек, туда, куда лазить не положено, и сворачивайте-ка вы свои изыскания от греха подальше. Существует, видимо, некий предел, этакая «грань постижения», а дальше – всё, пиздец. Сунешься – пеняй на себя.

Этот альбом, **«Одушевление Вещей»**, мы записывали во время хэппенингов, которые проводились нами на свалках, железной дороге и много где ещё. В качестве инструментов использовались ржавые металлические отходы, палки, камни, электропила и прочее. Также были задействованы звуки троллейбуса, поезда, интервью с продавщицей религиозной литературы. Мы ходили по городу с сумкой, в которой лежал магнитофон, и записывали через выносной микрофон всевозможные красоты.

Не знаю, как я не рехнулся ночью в полном одиночестве после всего вышеизложенного, но на следующий день мы благополучно завершили начатое – выбрали из вчерашних записей лучшие куски, наложили ревер, где-то поиграли на тазах, цепях, бутылках с водой, где-то записали голоса («А есть ли в этом поезде люди?» – «Конечно, нет, иначе зачем он едет?»). Оригинал альбома Коля потом уничтожил в очередном припадке деструктивизма, и я не знаю, сохранилась ли где-нибудь эта запись. История с исчезновением моих домашних впоследствии проявилась самым банальнейшим образом, хотя кто его знает?..

Постепенно наш «метафизический бунт» подошёл к своему логическому завершению, поскольку неизведанных просторов в этой области для нас (во всяком случае, на тот момент) практически не осталось, к тому же мы поначитались всяких мозговитых сочинений и пришли к печальному выводу, что многие наши безобразия уже были гораздо раньше, а главное – круче. Коля, помнится, охарактеризовал всё это следующим образом: «Один мужик пришёл в публичный дом и говорит – хочу трахнуть 20 баб. Ему говорят – как это?! А он – ничего не знаю, хочу 20 баб. И вот заходит он в комнату, а там – голые бабы, 20 штук. От такого зрелища у него произошло преждевременное семяизвержение, и к тому же он обоссался».

В августе к нам присоединился гитарист Стас Ефросинин, причём в первый же день успел поучаствовать в записи альбома **«Абсолютное Ничего»** (последнего в этой «серии»). Но это уже совсем другая история.

★ 1998-2000. Хлеба и зрелищ

Ярослав Багров

Познакомились мы со Стасом рядом с подземным переходом на Комсомольской. Шёл дождь, и он стоял под зонтом, за спиной – гитара в чехле. Он позвонил по объявлению и соблазнил меня наличием собственной гитары Fender с примочкой, а главное – полным отсутствием опыта и девственно чистыми представлениями об игре в группе.

15 лет ему было. На голову выше меня, прыщавый и белобрысый, он первое время упорно обращался ко мне на «Вы», чем доставил немало весёлых минут. А спустя некоторое время вспоминать о нашем знакомстве без истерического смеха стало и вовсе невозможно.

Я привёл его к себе и – как сейчас помню! – сыграл ему песню **«Что Я Увидел В Парке»**. Он как-то пришибленно на меня посмотрел и сказал: «Я тут Вам почитать принёс кое-что...» Это был **«Дневник одного гения»** Сальвадора Дали.

Итак, начало было положено, колёса закрутились, история поскакала вперёд – мы отлично поняли друг друга с первых слов, и продолжение обещало быть крайне захватывающим. Потом пришёл Коля и говорит: «А что же ты человеку наши великие произведения не поставишь?» И мы вставляли то **«Сюрреализм В Действии»**, то ещё что-нибудь, а Коля нёс всякие телеги. Стас сидел с квадратными глазами и периодически изрекал: «Ну вы и

психи...» – мы наслаждались произведённым эффектом. А потом всё как-то само собой подошло к тому, что мы сейчас как раз пишем альбом, и неплохо бы взять да и что-нибудь такое попробовать. Стас был усажен перед микрофоном, и мы записали песню «Кусочек Лирики». Коля в тот день забыл дома флейту – поэтому играл «на губах».

Мы принялись репетировать – часто, много и с удовольствием, причём иногда делали это на улице, привлекая внимание празднующихся мудозвонов. Стас играл соло, я – ритм, а Коля – всякие фью-фью и ту-ру-ру. Коля скоро под наши знамёна встал новый боец, мы немедленно завалили его всякими кассетами и книжками – что из этого вышло, догадаться не трудно. До того, как попасть в АХН, Стас прилежно занимался на гитаре и сочинял в огромном количестве псевдоклассические пьесы и странноватые песни на английском языке (даже в нотах их записывал), не пил, не курил – это был такой чистый мальчик. Он даже не дрожил тогда! Но вскоре я его этому научил (в смысле – рассказал, как это делается). А потом... Уж не знаю, откуда Стас получил такой мощный духовный толчок – от Башлачёва, от Летова (а от таких трудно не получить), или через религию (он к тому же верующий был), или ещё через что-нибудь, но случилось с ним что-то страшное. То, к чему мы с Колей шли месяцами, уложилось у него в считанные дни – Стас «просто взял да и поверил» настолько безоглядно, яростно и восторженно, как можно только в 15 лет.

Естественно, Стас начал писать песни – корявые, наивные, но очень искренние, злые и бескомпромиссные. Весь он был какой-то «русско-народный», с окающим говорком и словечками «здоровыть», «спасибыть», «тамошно» и пр. Поэтический взрыв Стаса не мог не подстегнуть нас с Колей – в результате мы все трое забрались на какое-то время в дремучее псевдоязычество (я очень скоро понял, что это фуфло, и от этой «духовной практики» у меня осталась лишь пара песен на память).

Итак, нас было уже трое, и чувствовали мы себя в таком составе просто превосходно! 31 октября, через год после нашего с Колей знакомства, состоялся первый наш нормальный акустический концерт в Ворошиловском Доме Творчества и Досуга. Мы сыграли новую (а по сути – первую, да чего уж там – никакую) программу: «Медведь – Липовая Нога», «Они», «Лампочка Перегорела» и прочее. Потом Коля пел свои песни, и Стас тоже. На Стаса, кстати, невозможно было спокойно смотреть – он сидел и орал во всё горло, забывшись до небывалейшей степени, и лицо его в тот момент являло собой нечто совершенно непостижимое. Этот концерт оказался запечатлённым на видео, и на следующий день мы со Стасом шлёпали по осенней грязи к Жукову, чтобы посмотреть кассету. [\[видео\]](#)

А потом неожиданно пришёл в увольнение Толик. Толстая морда, толстая жопа – отъелся на мамкиных-то харчах! В ноябре у нас был маленький концертик в том же ДТД, и Толик присутствовал там пока что в качестве зрителя. После мы вышли в коридор, дабы лицезреть историческое знакомство Толика со Стасом: «Толик». – «Стасик». [\[видео\]](#)

В декабре Стас записал свой сольник **«Избранные Главы»**, запечатлевший все его «хиты» в весьма грязном и идиотском исполнении. Впоследствии эти песни звучали гораздо более полновесно в электричестве, но что может быть прекрасней дерзких исповедей крайне нигилистически настроенного подростка? По таким нелепым и неумелым альбомчикам можно писать научные труды (к слову, по нашим с Жуковым «сюрреалистическим» альбому один человек собирался писать диссертацию, что-то вроде «Психотерапия Наоборот» – не знаю, правда, чем это кончилось), можно хвастаться: «А у меня это есть!», но слушать их лучше не стоит.

Тогда же Стас впервые устроил, что называется, тарарам в полный рост. Был у нас очередной концертик всё в том же Ворошиловском ДТД. Дело было перед Новым годом, и там, помню, был чаёк, конфетки, пирожные всякие. Нас это почему-то страшно оскорбило, и мы решили хорошенько им всем нагадить. В коридоре стояло много стульев, и Коля выстроил из них пирамиду, а когда мы вдоволь наорались и пошли прочь, Стас дёрнул за нижний стул – всё со страшным грохотом обрушилось! Один из стульев сломался, и женщина, пригласившая нас, горько плакала, а какой-то полупоэтик хотел дать нам пизды.

Так мы и жили все полтора года, что нам суждено было быть вместе. Валялись в снегу и в песке, шатались по всевозможным жопням, пили вино и орали песни. Стас звонил мне чуть ли не каждый вечер, и мы делились друг с другом всяческими откровениями. Перефразируя известное высказывание, АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ было для нас образом жизни.

Даже больше: это было состояние души, философия, религия, если угодно. Это было ВСЁ. Это была Родина! Мы со Стасом были, как выражался Толик, «два главных уебана», нас просто распирало от идей – одна маразматичней другой. Столько всего было между нами... Он, Стас, был мне, как это ни банально, кем-то вроде младшего брата. Я его и любил, и ненавидел иногда.

Под Новый 1999 год долгожданный Толик вернулся из армии. Я как раз купил у однокурсника гитару, и мы начали играть в электричестве. С Толиком всё зазвучало, понятно, куда сочнее и мясистее, нежели было до этого. Появилось какое-то подобие аранжировок, мы даже пытались разложить что-то на голоса. Голод был настолько велик, что мы проводили вместе почти всё свободное время – безумно хотелось играть, сочинять, «сражаться», одним словом! Стас был убеждённым сторонником «спонтанного музицирования», у него не было придумано конкретных партий практически ни к одной песне – он каждый раз импровизировал, гуляя вверх-вниз по грифу (недаром Маклафлина любил), за что я его нещадно ругал. Толик же, будучи ярым поклонником СЕКТОРА ГАЗА, мыслил прямолинейно и хитово, а я, хоть и мнил о себе Бог знает что, играть ни хрена не умел (как, впрочем, и сейчас не особо умею) – потому и получалось у нас нечто псевдофольклорное с панковскими замашками и совершенно абсурдное с точки зрения, как пишут в глянцево-журналах, «саунда».

Той же зимой мы предприняли последнюю «акустическую диверсию». Был недалеко от моего дома такой Центр Авторской Песни, где собирались всякие недобитые шестидесятники и их юные экзальтированные почитатели, воспевавшие палатки, изгиб гитары жёлтой, чай из алюминиевых кружечек и прочее говноедство. Естественно, мы, этикие экстремисты-идеалисты, не могли не совершить туда партизанскую вылазку, а посему всеми правдами и неправдами забрались на какую-то очередную бардовскую посиделку и дали там говна с растыканскими плясками и прыжками, громогласно вопя – публика была весьма, скажем так, озадачена... Там ещё был какой-то банкет, что ли, и Толик без тени смущения уселся за стол и сожрал всё, до чего смог дотянуться. [\[видео\]](#)

В этом самом ЦАПе мы познакомились с Джоником, лидером группы СМЕРШ, который впоследствии вытащил нас на первый в нашей жизни электрический концерт. Джоник был юным летовцем («Солженицын – совесть России, а Егор Летов – её голос», или – ещё круче – «Да, Башлачёв был великий бунтарь... Но – не анархист!») и искренне восторгался нашим выступлением «среди всей этой мрази», а когда узнал, кто мы такие, просто рассыпался в дифирамбах – оказалось, что ему доводилось слушать наши домашние записи.

У Джоника была точка в Советском ДЮЦе. Группа его была весьма начинающей, какие-то неясности с составом – в общем, он попросил меня помочь им на басу. Возможность поиграть на нормальной базе, с настоящими барабанами и всем прочим, была настолько заманчива, что я тут же с радостью согласился. Играли они старый добрый панк-рок, три-четыре аккорда – ничего сложного не было. Потом мы заявили туда всей гурьбой, сыграли несколько песен, и Лукьянов (мужик, который там заведовал) вписал нас в намечавшийся весной фестиваль. На барабанах играл некий Санёк – не помню даже, откуда он взялся. В ДЮЦе репетировало множество групп (хэви-метал и тому подобное дерьмо), каждый день был расписан – приткнуться некуда. Но Джоник периодически любезно уступал нам немного времени из своих репетиций, так что мы худо-бедно подготовили программу.

Тогда же нам впервые довелось побывать в более-менее приличной студии. О том, что она есть (в Ворошиловском ДТиД), мы знали давно, однако залезть туда всё не получалось никак. Неутомимый Коля был одержим идеей сделать очень хорошую запись своих песен (на моём-то аппарате, по сути, только живьём можно было писаться – иначе всё проваливалось), дабы оставить о себе, любимом, память на века. Все тогда нянчили свои дурацкие амбиции, о каких-то «сольных проектах» мечтали. Коля всячески подчёркивал, что мы не группа, а «три отдельных автора», которые «просто подыгрывают» друг другу. Три человека – три группы, а Толик – общий басист. Но группа у нас была, как ни крути, всего одна, и всё это здорово пахло детсадовскими разборками на тему «кто в песочнице главный». На практике это выражалось в том, что некоторое время у нас было три вокалиста – я, Коля и Стас (и каждый, разумеется, пел свои песни). Это была старая как мир борьба за лидерство, однако разговоров на эту тему мы избегали, ограничиваясь ревнивой слежкой друг за другом. Не дай Бог кому-то спеть на концерте на одну песню больше остальных – такая вонь поднималась! Сказать, что я от этого охуевал – ничего не сказать. Мы мешали друг другу больше, чем

помогали, и доходило порой до полного идиотизма. Коля хотел сменить название группы на ПУСТОТА или, кажется, ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ, Стас считал, что мы должны называться CROSS (крест), я отстаивал АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ - нервов мне «отдельные авторы» тогда попортили немало.

Так вот. Коля договорился с этой студией и объявил нам, что тогда-то и тогда-то состоится запись его, Коли, сольного проекта. Пара репетиций – и морозным солнечным утром мы явились в студию на втором этаже ДТид. Записывал нас Сергей Дмитриевич Балакин, довольно известный в городе аранжировщик и звукорежиссёр, он весело над нами подшучивал и рассказывал всякие байки про Пономарёву, Курёхина и Сергея Летова, которых знал лично – видимо, мы очень уж стрёмно выглядели, дорвавшись впервые до нормальной студии. В основном всё писалось вживую – мы играли, а Коля пел в специальной комнатке и дудел в свои дудки. Так получился альбом жуковского проекта ЛЕШИЙ И ШОРОХИ В КАРМАНЕ **«Полёт Внутри Одуванчика»**. У Балакина оставалось ещё 40 минут, и мы одним махом, безо всяких дублей, записали пару моих вещей и пару стасовских – то, что под названием **«Свистопляс»** было потом жестоко обосрано в журнале «Fuzz». Да уж, первый блин комом – чего тут говорить.

26 марта 1999 г., Советский ДЮЦ. Наш первый электрический концерт. Стоишь на сцене, трясясь от безумного кайфа (нас потом спрашивали, не под «герычем» ли мы были), и какая разница, что нет примочек, и звук – говно, и металлисты орут «fuck you»?! Лукьянов объявлял: «А сейчас – группа АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ! И первая песня так и называется – «Птица-Перепелица»!..» Мы отыграли, и все стали к нам подходить, восхищаться, жать руки, а какой-то парень сказал: «Это было АХээНно!» После этого никто больше не заикался о смене названия. [\[видео\]](#)

Ударник Санёк канул немедленно после концерта, и мы снова приступили к домашним репетициям. Репетировали втроём – я, Толик и Стас, поскольку Коля Жуков пребывал в тёмных безднах уныния и каждый раз, приходя, говорил: «Э-э-эх... Всё играет...» У Стаса постоянно были какие-то, как он говорил, «трубы» – его то и дело настигала несчастная любовь, и он очень переживал. Стас всегда был предельно честен перед самим собой – приходя на свидание с девушкой, он сразу говорил – «Вообще-то я дурак», и вываливал всё, что он думает об этом мире и себе в нём. Однажды его настолько скрутил депресняк, что он просто физически не мог ничего сыграть и уехал домой. И тогда мы с Толиком написали песню *«Романтика»* – за 5 минут буквально. Очень уж хотелось, чтобы Стасу хоть чуть-чуть полегчало – вот и получилась такая добрая и по-хорошему простая песня.

Мы со Стасом долгое время пытались расширить наш состав и давали в газеты множество объявлений о поиске ударника, флейтиста, скрипача, клавишника и уж не помню кого ещё. Однажды пришёл какой-то хуйлыга, назвавшийся Алексеем, который почему-то решил, что он – ударник. Он толкал тупейшие речи и пытался заклеить девушку, что была у меня в гостях. А когда мы начали играть и этот отморозок стал мимо кассы стучать по бонгам, Стас не выдержал и заорал посреди песни: «Алексей – мудака и ни хрена не петри-и-ит!»

На одной из таких посиделок-репетиций была записана **«Лаж»** – не альбом, а «так просто», с корявыми соляками Стаса и гнусавыми подпевками Толика. Эта единственная кассета того периода («Эпохи Стаса»), запечатлевшая нашу рабочую программу – *«Так И Будем»*, *«Живой»*, *«Убегал Без Оглядки»* и прочее – вскоре куда-то исчезла. И Бог с ней.

А потом был «грандиозный концептуальный акт» – концерт в кинотеатре «Волга» 30 мая 1999 г., полуторачасовой сольник, которому предшествовала всего ОДНА репетиция у меня дома (впоследствии такая подготовка к концертам станет у нас доброй традицией). К тому времени у нас уже был постоянный ударник – Павлик Баскаков, на третьей гитаре (!) и клавишах в некоторых песнях играл давний стасовский знакомец Унтуан (в будущем – Еремей Антипов), ещё была девица с саксофоном, которую притащил Коля... Это был великолепный бардак! Мы расклеили по городу афиши, и пришло на удивление много людей (к концу концерта, правда, осталось человек десять). [\[видео\]](#)

6 июня сыграли в ДК «Судоверфь» (на сцене которого в своё время выступал Александр Вертинский) – не АХН, а ЛЕШИЙ И ШОРОХИ В КАРМАНЕ. Я почему-то играл на басу и был одет в мамин купальник и лосины, а на роже нарисовал помадой здоровенную клоунскую улыбку.

Съездили в Волжский и дали там небольшой несанкционированный концерт. Ходили купаться на Волгу, пили много пива, плясали и орали на улицах. Потом прямо в одежде полезли в фонтаны, бегали там по парку, идиотничали (как нас только менты не забрали!), и Коля как был – пьяный, вода ручьями стекает – пошёл в кабинет к какому-то начальнику и давай ругаться: «Это что же такое, в самом деле! Мы – музыканты, из другого города к вам приехали, а нас тут и не ждёт никто!» В конце концов сыграли на маленькой площадке в этом парке для детей и старух.

Коля вообще очень любил всякие эпатажные выходки. Однажды, например, он ко мне голый появился! Открываю дверь – стоит в чём мать родила, невозмутимый такой. А у нас как раз была чуть ли не первая репетиция с Павликом, и он сидел такой скромный – всё-таки новая группа, новые люди. И тут заходит совершенно голый человек, со всеми здоровается, достаёт кларнет: «Ну что, начнём?» Как Павлик тогда не сбежал – просто удивительно.

1 августа был ещё один концерт в «Волге», совместно с группами ДИОНИС и ЛЕГИОН (названия сами за себя говорят) – самый лучший из всех, что были до этого. Доблестный Павлик применил весь свой арсенал психоделических средств и приёмов: внезапно останавливался в самых неожиданных местах, спонтанно варьировал темпы и ритмы, ронял палочки, падал со стула. В песне «Убить Я» у нас со Стасом гитары одновременно соскочили с ремней – это что-то... Самым непостижимым для рядового слушателя тогдашнего АХН было то, что у нас целых три вокалиста, но тут даже Толик спел свою песню «Слёзы». Коля, правда, в тот раз не пел, но была его песня «Весна» – пел её Стас, а я играл, помимо гитары, на сковородке, стиральной доске и треугольничках. После этого концерта Коля окончательно затосковал, выпал из коллектива и в дальнейшем участвовал в нашей деятельности лишь эпизодически. [\[видео\]](#)

Лето прошло в безудержном гедонизме. Мы со Стасом начали курить, причём курили исключительно «Беломор» – не из-за китча, а просто вкус нравился. Стас-то потом бросил, а я до сих пор курю. Ездили купаться за Волгу – бухали там, изображали из себя нудистов. Как-то вечером на площади перед Театром Эстрады мы в полном составе (Коля, Толик, Стас, Павлик и я) устроили сеанс коллективной мастурбации, воплощая в жизнь песню «Так И Будем» (я, помнится, даже разделся и голый прыгал по площади), а потом пошли в туннель, по которому ходят скоростные трамваи, и прошли под землёй от ЦПКиО до Площади Ленина, вызвав безмерное удивление стоявших на перроне людей. Периодически меня и Стаса забирали менты – и в пьяном виде, и так. Однажды мент в штатском остановил нас возле разрушенного дома, в который мы собирались забраться, обыскал и стал допытываться – кто такие и что здесь делаем. Простодушный Стас прямо ответил: «У нас духовная практика – убивание Я, искоренение в сознании идеала «сильной личности». Мы ходим по таким местам и постигаем самих себя».

Разрасталась почти физически осязаемая, судорожно-сумбурная мифология. Мы слушали огромное количество разных музык, размышляли и обобщали. В конце концов мы пришли к закономерному (хотя и несколько наивному) выводу, что на Западе архетипом, что ли, рок-н-рольной группы была группа THE DOORS (не в смысле наибольшего влияния на развитие рок-музыки, конечно, поскольку много чего основополагающего было и до них – Элвис, например, или «Сержант Пеппер» битловский, а тех, кто в полной мере воспринял мироощущение Моррисона, можно по пальцам перечесть), а у нас – АКВАРИУМ, а если в философском смысле – ДК (таких людей, как Летов, Башлачёв, Янка, о которых так любит порассуждать философствующая ботва, мы в расчёт не брали, потому что было ясно, что это из другой области, что рок к ним имеет такое же отношение, как часть к целому, и нам до них ещё очень и очень далеко, чтобы сметь что-то о них говорить). Мы, кстати, тогда очень любили ДК (у нас был всего один альбом – «Лирика», но мы знали его наизусть), АУ и ранних КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ и ИНСТРУКЦИЮ ПО ВЫЖИВАНИЮ, просто до дыр протирали. Я всё это очень трепетно собирал, доставал где только можно. О том, что в нашей стране до сих пор существует какой-то «андеграунд», я узнал лишь осенью 98-го, когда услышал Ермена и Непомнящего. «Надо же» – думаю. «Не придушили ещё – играют чуваки, песни пишут, никому на хрен не нужные и не известные, безо всякой надежды на завтра. Вот так и надо!» Потом я узнал, что есть ТЁПЛАЯ ТРАССА, Д’ркин, Подорожный... У нас в Волгограде никогда не было ничего подобного (были панковские группы в Красноармейском в середине 90-х – ОСВОД и прочие, но мы этого уже не застали) – вернее, мы ничего подобного не слышали. Те местные группы, что были нам известны, мирно пилили убогий суррогат западной хуиты,

поэтому мы совершенно не интересовались этой тусовкой, да и не общались почти ни с кем из других групп, предпочитая вариться в собственном соку. Это было сознательно – мы ненавидели этот крикливый балаган и не желали быть «волгоградским роком». Мрачно-героическими «борцами за правое дело» мы тоже не были – и побухать любили, и покушать вкусно, играли в «Денди», прикалывались на любую ерунду. О том, в чём же всё-таки смысл того, чем мы занимаемся, зачем существует АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, никто не говорил ни тогда, ни потом – это было просто не нужно. Это и так было понятно. Даже великий стебальщик Толик, весь в доску крестьянский сын и простой пацан – и тот, думаю, как-то по-своему это чувствовал, если не явно, то интуитивно. Наше уебанство вряд ли когда-нибудь принесёт нам кучу бабок и всемирную славу (хотя неплохо бы было, хе-хе...) – да это и не важно. Каждому, как говорится, своё, и нужно делать своё дело, раз уж за него взялся. «Музыка», «Рок» – это у нас была, да и есть, не самая главная часть жизни (такая, чтоб: «А-а-а! Это для меня – всё, и ничего больше нет и быть не может!»), но это часть, с которой живётся настолько иначе, чем без неё, что не страшно и с собой покончить, и с ума сойти.

Сидели мы как-то со Стасом на берегу Волги, и он был, уж не помню почему, какой-то подавленный, бурчал: «Всё – хуйня... Пошло всё на хуй...» Мне надоело это слушать, и я говорю: «А хочешь, тебе сейчас мигом полегчает? Смотри, что я сейчас сделаю!» Разбежался и прыгнул в воду – прямо в одежде. Выныриваю, гляжу – Стас сидит, хлопает глазами. Потом вскочил и тоже кинулся в воду.

Однажды Стас случайно встретил на Набережной ударника группы ДИОНИС Игоря Шалаева, они разговорились – выяснилось, что тот очень уважает и восхищается АХН, а играть «это дерьмо» давно надоело. Потом, как рассказывал Стас, разговор сам собой перешёл на мировые проблемы, и Игорь сказал: «Дух – первичен, материя – вторична». Несомненно, это был «наш человек», и Стас начал водить его ко мне – в воспитательных целях. Мы ходили шататься на берег Волги, на Мамаев Курган, заброшенный судоремонтный завод, обширные свалки в районе «Красного Октября». Курили «Беломор», пили портвейн и обсуждали всевозможные теории прожигания жизни. Мамаев Курган был нашим любимым местом прогулок – там можно было забраться в какие-нибудь заросли и спокойно валяться на траве, не опасаясь ментов и гопников. Однажды вот так, лёжа на склоне позади статуи Матери-Родины, я за каких-то три часа рассказал Стасу всю свою жизнь. Помню, как-то раз я, Стас и неожиданно вынырнувший из небытия Паганель нашли там гнилой арбуз – разбили его и съели. Вместе с Игорем частенько приходил его одноклассник Назар и принимал в наших «экспедициях» активное участие. Игорь увлекался тольтекской магией, а мы со Стасом торчали в то время на Кастанеде (чего уж про Пелевина говорить) и, естественно, претворяли всё это в жизнь путём разговоров с деревьями и медитаций над шишками. Однажды мы со Стасом сидели у костра на «Мамайке», и я сказал, глядя на огонь: «Это и есть наше дело». Стас подкинул в костёр сухих листьев и иголок: «А это – песни».

В ходе подобных изысканий появился проект ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ СВЕЖИЕ ХЛЕБОБУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. Концепции у проекта не было никакой, концепция отсутствовала в принципе. Мечта была такая – разрушить любые концепции! Если серия «сюрреалистических» альбомов в основном представляла собой чистый полёт фантазии, то тут уже началось целенаправленное убивание эстетики, пафоса и прочего лицемерия. Ведь как обычно бывает? Занял человек какую-нибудь позицию и декларирует свои невероятно глубокие идеи, подняв своё знамя как можно выше. И тогда мы написали на нашем знамени все наши бесценные убеждения и бросили это знамя к подножию воображаемого мавзолея, как следует поиздевавшись над ним перед этим.

Началось всё с одной песни – «Я Играю На Пианино». Мы её орали вдвоём со Стасом. У нас тогда не было под рукой баса, поэтому прямо так и записали – под машинку да две гитары примоченные. И пианино, разумеется! Тут всё и понеслось. Мы просто охуели от того, какие просторы, какие сокровища несметные перед нами открылись. Полная свобода!!! Тыкали нам КОММУНИЗМОМ, ДК, Курёхиным, театром абсурда – а мы никогда ни к чему такому не стремились и даже не обсуждали толком, как воплотить ту или иную идею. Делали всё, что только душе было угодно: «Можно вот так, а можно и эдак». Всё время экспериментировали, искали всевозможные нюансы. Не столь важно было, как всё это звучит (хотя все доступные эффекты, приёмы и вообще – всё, способное звучать, мы тоже с удовольствием применяли) – гораздо более ценным было, а для меня и сейчас остаётся, – чувство, нужная выразительность, что ли... ХЛЕБОБУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ не были изначально каким-то

отдельным образованием. Это просто проект АХН был. Даже не проект - иная плоскость, наверное. Просто АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ повернулось новой гранью какой-то. Все те идеи, которые настигали нас в то время и которые мы не могли должным образом воплотить в АХН, потому что приходилось мириться с амбициями других участников (Толик говорил, что всё это уебанство, а Коля Жуков был в восторге лишь от своих собственных сочинений) - мы хотели довести эти идеи до полнейшего завершения, до пиздеца, до маразма! Видимо, хотя бы в ничтожной степени нам это удалось, судя по тому, с какой ненавистью, брызжа слюной, нас клеймили все, кому не лень - в том числе и называвшие себя нашими друзьями. В августе был записан прекрасный в своей ебанутости альбом **«Ни В Пизду, Ни В Красную Армию»**, где приняли участие, помимо меня и Стаса, Назар и Игорь Шалаев.

Осенью стало возможным репетировать в школе у Стаса. Игорь плавно перебрался в АХН вместе со своими барабанами, сменив на этом посту Павлика. Толик твёрдо решил сделаться крутым басистом и приобрёл себе новый классный бас. Стас показывал мне на гитаре разные премудрости - в результате я стал издавать даже какие-то соло. Всё шло отлично, пока вдруг не случилось необъяснимое - Игорь Шалаев навсегда оставил мир рок-н-ролла и всерьёз занялся танцами. Что заставило его так резко сменить стезю, я до сих пор не понял. Замечательный, кстати, был барабанщик - жаль, что мы с ним так и не успели толком ничего сделать. Пришлось звать назад Павлика.

В декабре должен был состояться концерт в клубе «Гороскоп», однако Толик и Павлик отказались играть, сославшись на нашу полнейшую неотрепетированность. Но мы со Стасом рвались в бой и решили выступить во что бы то ни стало. Я взялся за бас, а постучать попросили ударника ПЕРВОГО ПРЕДЕЛА. Чувак сначала согласился, но непосредственно перед выходом на сцену резко передумал: «Да вы что, как же это можно - без единой репетиции?! Это ж верное палево!..» Удручённые обломом, мы сожрали в туалете «Гороскопа» по таблетке теофедрина (это был наш, слава Богу, первый и последний опыт с колёсами), и в тот же вечер я написал песню с цветастым названием *«При Желании Это, Конечно, Можно Считать "Юношеским Максимализмом"»*. С Толиком, кстати, мы тогда чуть было не разругались, но всё благополучно обошлось.

У Стаса был одноклассник Витёк Ягнаков, который, как и Назар, шлялся на все наши репетиции. Он искренне разделял АХиНейско-хлебобулочные взгляды на жизнь и однажды произнёс великую фразу: «Когда слышишь «Убить Я», хочется стены грызть». Разумеется, Витёк был незамедлительно приглашён принять участие в наших растыканствах, и вот тогда-то ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ СВЕЖИЕ ХЛЕБОБУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ и разродились вторым альбомом **«Музыка Для Вас»**! Ничто не может отразить реальность адекватнее, веселее и страшнее самой реальности, так что этот альбом - просто кусок жизни, все наши тогдашние радости и печали, и ничего даже рассказывать не хочется. Несмотря на то, что ХЛЕБОБУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ давно уже трансформировались, помимо нашей воли, в один из многочисленных мифов, окружающих нас, да и дороги участников бесповоротно разошлись - всё равно ТОГДА ЭТО БЫЛО ИМЕННО ТАК! Мы были счастливы просто от того, что мы играем то, что хотим, и ничьи концепции нам не указ. Ломали, искореняли солидные устоявшиеся теории и стандарты. Безжалостно громили все мифы - в том числе и свои, и ничего не предлагали взамен.

Зашёл я однажды к Стасу, а там у него лежал на полке заполненный купончик бесплатного объявления. Купон как купон, только в графе, где надо было писать свои данные, написано было «Григорий Потапов». Я весь просто задёргался: «Это что за имя такое?! Где ты его откопал?!» - «Ну, такое вот имя...» Стас отослал свой купончик и думать про него забыл, а я настолько подрубился на эту идею, что осознал: я и есть «Григорий Потапов», весёлый и растыканский человек-миф. Вернее, не совсем так: и я, и все мы - это части, а Он - целое. В общем, что-то типа Брахмана у индусов. Я даже написал одноимённую песню, и мы со Стасом и Витьком лихо орали её в ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ - по куплету, как Битлз. Впоследствии я только этим именем и представлялся (Стас называл себя «Пётр Зубров», а Витёк - «Георгий Каруд»), чем повергал многих в искреннее недоумение. Был такой случай: пришли мы со Стасом куда-то договариваться насчёт концерта, а там сидели какие-то чуваки и слушали нашу кассету. «О, - говорят, - так вы и есть АХН? А мы тут как раз вас слушаем. Ништяк, пацаны, просто отлично! А у вас состав сейчас тот же самый, что на записи был?» Мы такие: «Ну, не совсем. Ярослав Багров и Стас Ефросинин больше не играют». - «А где же они?» - «А их поезд ушёл».

2 января 2000 г. мы вылезли на сцену клуба «Молотов Гараж». Открылся он совсем недавно, и событие это сопровождалось изрядной шумихой в прессе – писали, что открывается, мол, новый «рок-клуб», «живая музыка» и прочее. На деле же это оказался самый обычный кабак, стилизованный «под совок», и с соответствующей публикой. Ну а чего ещё было ждать? Кабак – он и есть кабак, даже если задом наперёд прочесть. Полнейшее отсутствие эмоционального контакта со зрителями (если, конечно, можно так назвать жрующие и ржущие хари, не утруждающие себя даже аплодисментами), говняный звук, вдобавок ещё наше великое мастерство... Толик пришёл с ужасного бодунища и простоял весь концерт спиной к залу, кривые брейки Павлика были «великолепны» как никогда, что мы играли со Стасом на гитарах – это отдельная история. Ещё был Витёк, который стоял в углу сцены и бил в погремушку. Жуков не играл, хотя его участие планировалось. Оказалось, что он пришёл, а охранники его не пустили: «Нету сегодня никакого концерта» (не факт, впрочем, что он это не выдумал). На афише мы были обозначены как «russian rock», что тоже говорит о многом. Мы сыграли 40 минут из 60, и нам вырубил аппарат. На сцену поднялся какой-то мудака: «Группа ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ закончила своё выступление!..» Денег нам, естественно, не заплатили, да никто особо и не рассчитывал. С тех пор я зарёкся играть в таких кабаках. В этой клоунской системе каждый находится на своём месте – кто-то продаёт гитары, кто-то пишет «хиты», кто-то выпускает альбомы, и всё в порядке. Зараза эта всегда и всюду – «попасть в ящик», «откосить на фестивале» и так далее. Это и есть Индустрия Смерти. Для меня по меньшей мере унизительны все эти «демо», «раскрутки» и прочий подобный попс. Остаться Живым в этой круговерти не только невозможно, но и, по большому счёту, не нужно. Народ приходит отдыхать и веселиться – на кой хрен ему «серьёзные песни»? На сытый желудок отлично идёт лёгкая и приятная попсня. Такое поганое говно мне совсем не по душе, и потом ещё долго было стыдно, что мы позволили себе уподобиться всем этим жеманно-самовлюблённым рыцарям лабуховского фронта. Хотя почему бы и не поиграть для масс за их же деньги? Приятно же порой бывает поиздеваться над говнюками! А на полученные деньги можно, например, купить партию автоматов или ещё что-нибудь полезное сделать.

5 февраля мы выступили на открытии клуба «За Холмы» – это был наш последний концерт в том составе. На ударных был Фёдор из группы ВТОРОЙ ФРОНТ. Мы репетировали с ним на нашей базе, и он говорил: «Ну вы даёте! Я такой музыки и не слышал никогда...» Весь наш пропитый-прокуранный «андеграунд» сменял друг друга на сцене с калейдоскопической скоростью (хотя мало что менялось), по залу шлялась панкующая гопота с унитазами цепочками, кто-то настойчиво пытался угостить нас водкой – обычный полуподпольный сейшен. Эх, вот это мы там устроили! Всё ревели и грохотало, мы страшно дёргались и вопили – такая энергия пёрла! Играли, как в последний раз (да так оно и вышло). Какой-то мужик лет сорока забрался на сцену и плясал вместе с нами. Я думал, с ума сойду.

После «За Холмов» мы с Толиком одновременно свалились с гриппом. Потом мы все собрались у меня, и я сильно поругался со Стасом из-за шнура, который он потерял на концерте. Стас ушёл – как оказалось, навсегда. Идиотская ссора привела к тому, что АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ перестало существовать. За Стасом осталась база – он переманил к себе Колю и Толика, и они начали репетировать. Причём поначалу они назывались АХН!!! То есть я фактически был изгнан из группы, которую сам же и основал. Дело было, конечно, вовсе не в дурацком шнуре, и даже не в том, что мы не подходили друг другу – просто на одном корабле не может быть двух капитанов. А Стас слишком любил свои песни.

Потом были бесконечные вёдра говна в мой адрес со стороны Стаса, мстительно припомнившего все старые обиды. Были пьяные квартирники, задушевные разговоры, стихи и песни. Был концерт «Рок против курения» (или что-то типа того), где Коля Жуков впервые выступил с собственной группой ДЕРЕВЯННОЕ ОБЛАКО. Я там тоже играл (в акустике) и толкнул какую-то телегу о вреде никотина, а потом демонстративно прошёлся вдоль сцены с «Беломором» в зубах. Был записан альбом **«Акустика (Для Маленьких)»** в студии у Артёма, с которым мы пересекались ещё на самой первой сессии в январе 1998-го. Кое-где на духовых подыграл Коля, а на клавишах – Юля Белова, с которой мы познакомились незадолго до этого. Она же и подпела в паре песен. Я съездил на акустические фестивали в Белгород и в Ростов-на-Дону, на которых познакомился с Володей Двадцатьвосьмым и с Денисом Третьяковым. Ничего особенного не происходило – началась полоса безвременья. Оставалось только ждать.

★ 2000. Безутешная радость

Алексей «Слайвер» Подшибякин

Нездоровое влечение ко всяческим рок-н-рольным делам проявилось у меня ещё классе в седьмом под влиянием продвинутых однокашников. С самого глубокого детства я подходил ко всем своим увлечениям с маниакальной скрупулёзностью, полностью отдавая себя любимому занятию. Рок-н-ролл не явился исключением, и к неполным пятнадцати годам своей сознательной жизни я был уже заядлым тусовщиком, злостным прогульщиком уроков, завсегдатаем рок-сейшнов в различных ДК (к сожалению, весьма нечастых в то время) и знал не понаслышке, что такое левая водка, ханка, анаша, вандализм, ментовка, психушка, передоз и другие прелести и чудеса неформальной жизни.

Просмотрев однажды видеокассету «Nirvana: Live & Loud 1993», я вдруг ясно для себя осознал, что непременно должен стать барабанщиком. Поскольку в те смутные времена о каких-то там тренировочных пэдах никто даже слухом не слыхивал, я соорудил в своей комнате подобие ударной установки из стульев и чемоданов, на которых расположил куски резины, пропитанные бензином – для достижения отскока, схожего с отскоком настоящих барабанов. Я врубал на всю квартиру SEPULTURA, METALLICA, JUDAS PRIEST или что-нибудь ещё в этом роде, и со всей дури херачил под музыку по своей адской конструкции, на радость родителям и соседям. Музыка стала для меня способом существования, моей религией, сублимацией всего хорошего и плохого в этом мире. Курт Кобейн говорил: «Все можно пережить, если подобрать нужную песню», – это было про меня!

Наша тусовка собиралась в здании Главпочтамта, что в наше время почти невозможно представить. Тогда же, в конце 90-х, в эпоху свободы, беспредела и всеобщего похуизма, это было нормальным явлением. В здании, помимо собственно Главпочтамта, находился также Центральный телеграф и пункт междугородных переговоров. И в холле, посреди всего этого великолепия, собирались вечерами представители всевозможных субкультур, дабы пообщаться о делах насущных, обменяться какими-нибудь кассетами, побренчать на гитарах и, разумеется, душевно побухать. Поразительно, но сия весёлая компания, кажется, совершенно не раздражала добропорядочных граждан, работающих в здании, и представители органов навещали нас крайне редко, да и то лишь «для порядку», дабы погрозить пальцем и сообщить, что «вообще-то, подобные сборища незаконны, но вы вроде ребята нормальные, только если на вас кто пожалуется, то уж не обессудьте!» Одним из наиболее заметных и деятельных членов тусовки был человек по прозвищу Джоник. Субкультурную принадлежность данного товарища можно было определить примерно как «панкующий толкиенист». Джоник при знакомстве представлялся вокалистом некоей группы СМЕРШ, которую восхвалял и всячески пиарил при каждом удобном случае. Впрочем, ни записей, ни концертов, ни каких-либо других доказательств существования этой великой группы в ту пору обнаружено не было. Ценность Джоника в тусовке заключалась в его крайней осведомлённости о предстоящих сейшнах и квартирниках и прочих спиртосодержащих мероприятиях, а также знакомстве чуть ли не со всеми рок-командами Волгограда и Волжского. К нему я и обратился во время очередного совместного распития с просьбой разузнать, не нужен ли какой-нибудь банде начинающий драммер. Джоник обещался мою просьбу выполнить, хотя я тогда был абсолютно уверен, что он ничего и не вспомнит на следующее утро.

И вот спустя около полугода с момента того разговора, похмельным летним утром 2000 г., в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонивший представился Григорием и весьма официальным тоном сообщил, что меня в качестве барабанщика отрекомендовал ему «некий Джоник», и что он, Григорий, приглашает меня в свою группу **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** на прослушивание, каковое состоится, как только у группы появится какая-нибудь репбаза.

О группе со странноватым названием **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** слышать мне доводилось. Группа была в тусовочных кругах на слуху, о ней частенько писали тогдашние самиздаты. Среди эпитетов и характеристик, звучавших в их адрес в то время, наиболее распространёнными были: «Группа, которая феерически лагает на сцене», «Волгоградский

Гр.Об.», «Скоморохи хуевы» и прочие нежные и ласковые определения. Впрочем, меня всё это нисколько не пугало, ибо о скоморошестве я имел весьма смутное представление, песни Гр.Об. слышал только в исполнении того же Джоника (и они не казались мне чем-то ужасным), а лажу считал делом не страшным и поправимым. К тому же я видел АХН на одном знаменательном сейшне в Жилгородке осенью 1999 г. Их вокалист вёл себя на сцене как настоящий псих, страшно дёргался и кривлялся, а во время одной из песен вдруг стал со всей дури бить себя по ебалу! Мне казалось, что это очень круто! К сожалению, музыкальную составляющую их выступления запомнить мне не удалось, поскольку после концерта началось грандиозное побоище с консервативно настроенными местными цыганами, и по ебалу били уже меня. Как бы то ни было, мои впечатления от АХН были довольно позитивными, и я не видел ничего зазорного в том, чтобы попытаться счастья в этой команде. Да и выбирать-то мне, если честно, тогда не приходилось, и радостно было, что хоть куда-то позвали!

Мы с Григорием договорились о встрече, дабы он мог передать мне записи группы для ознакомления. И вот в назначенный час в условленном месте (у подземного перехода на станции Комсомольская) ко мне подошёл человек весьма странного вида. Странность эта в первую очередь заключалась в том, что внешний вид и поведение Григория не просто не соответствовали моим представлениям об образе лидера панк-группы, а прямо-таки безжалостно мешали с говном все мои подростковые рок-н-рольные стереотипы. Вместо разухабистого «олдового чувака» в булавках и с ирокезом, разящего перегаром на всю округу, я узрел эдакого пучеглазого студента-гуманитария в чистенькой футболке и смешных советских брюках. Речь Григория была весьма грамотной и чистой, но при этом вместо «скушающего» интеллигентского снобизма в голосе слышались какие-то задорные, совершенно детские интонации. В глазах вспыхивали озорные, бесовские огоньки. Наверное, благодаря этим огонькам лидер АХН, несмотря на свой нелепый вид, производил впечатление человека целеустремлённого, полностью убеждённого в собственной правоте и крепко верящего в своё дело.

В те весёлые времена я слушал преимущественно хардовые и металлические команды, но в области панк-рока имел небольшой кругозор. Мне нравились такие панк-группы, как THE OFFSPRING, PENNYWISE, THE EXPLOITED, RANCID, GREEN DAY, я тащился от SEX PISTOLS и был немного знаком с творчеством RAMONES. АХН в местной тусовке имели репутацию безбашеннейших панков, но что-то мне подсказывало, что в музыкальном плане детище этого странного чувака Григория окажется чем-то совершенно иным, нежели вышеперечисленные «классики жанра». Я был весьма заинтригован, и приглашение нового знакомого съездить к некоему Унтуану, выпить чего-нибудь и послушать оригиналы альбомов АХН, принял с радостью и энтузиазмом.

Дома у Унтуана царила жизнеутверждающая атмосфера творческого бардака, а в старом, выдавшем виды, двухкассетнике играл непонятный мне «русский рок» (по-моему, это была АЛИСА). Хозяин жилища и его друзья, именовавшиеся Ага и Назаром, с видом эстетов и знатоков увлечённо обсуждали историю всей этой питерской рок-движухи 80-х, попивая портвейн. Беседа о питерской богеме, с почти религиозными интонациями при смаковании особо легендарных моментов, вызывала у меня чувства, сравнимые, наверное, с жеванием песка, но портвейн (да ещё и в 30-градусную жару) оказал весьма умиротворяющее воздействие, дав мощный заряд здорового похуизма.

Вскоре мне был представлен один из альбомов АХН. Альбом назывался **«Абсолютное Ничего»** и принадлежал к так называемому «сюрреалистическому циклу» группы – проще говоря, состоял из невообразимо пиздецовых композиций, из которых песнями – в обычном смысле слова – назвать можно было только одну-две. Большая же часть альбома представляла собою адскую смесь музыкальных и немзыкальных звуков (использовался шум дождя, шорох «насекомых в спичечном коробке» и т. д.), иногда сопровождаемую зачитыванием стихотворных и прозаических фрагментов весьма специфического содержания. Сие издевательство над моим несчастным подростковым разумом Григорий и Унтуан сопровождали комментариями и «телегами» в самой изысканной манере, лукаво поглядывая на меня и, видимо, наслаждаясь моей реакцией, близкой к полному охуению. «А помнишь того продюсера из Москвы? – вопрошал Унтуана Григорий, – Ведь это он тогда посоветовал вот этот шум добавить!» «А как же! – довольно закатывал глаза Унтуан, – В этом шуме как раз самая изюминка! Конечно, шум довольно попсовый, зато на «Европе Плюс» теперь засветимся, а без этого шума ну никак не хотели брать! Да, мужик дело своё знает!»

Признаюсь честно, ТАКОГО я ещё в своей жизни не слышал! Я сидел в глубочайшей тоске, с чувством, что меня конкретно наебали. Злостно, в особо извращённой форме. Однако мне хватило выдержки дослушать этот безумный альбом до конца и вежливо поинтересоваться у этих психов – а на кой, собственно, хуй им нужен барабанщик, если в их творчестве и музыки-то нет как таковой, и каким образом ЭТО может вообще исполняться на концертах. В ответ мне было объявлено, что на концертах исполняются совсем другие вещи, и тут же был включен альбом **«Акустика (Для Маленьких)»**, практически полностью состоящий из мелодичных и потенциально хитовых вещей (помню, что тогда меня сразу вштырило от *«Да Не Померкнет!»* и *«Кроме Нас С Тобою»*). Тут у меня заметно отлегло от сердца. Конечно, я далеко не сразу въехал в это своеобразное, «пёстрое» звучание АХН того периода, насыщенное (или перенасыщенное) беспорядочными импровизациями флейты и кларнета, какими-то сопелками и дуделками, словно невиданные птицы в каком-нибудь сказочном лесу дружно сошли с ума или нажрались водки. Но в мелодиях и текстах песен я сразу почувствовал некое волшебство. Это трудно объяснить, но я тогда понял, что имею дело с чем-то очень серьёзным и Настоящим. Я чувствовал, что мне нужно врубиться в эту музыку, что в неё стоит врубиться, хотя тогда ещё и подумать не мог о том, что она останется со мной навсегда и радикальнейшим образом повлияет на мою дальнейшую жизнь.

Остаток лета мы провели в поисках репбазы, что было по тем временам делом весьма непростым. Сейчас, зайдя в любой гаражный кооператив, несчастный обыватель рискует немедленно насладиться чудесными звуками музицирования местных Мальмстинов и Бонэмов, доносящимися из нескольких гаражей одновременно. А в те далёкие и суровые времена подобное невозможно было даже представить, ибо доступ к вожаемой аппаратуре имели лишь немногие счастливы, трахающие дочек миллионеров, либо работающие в муниципальных культурных учреждениях. Поскольку миллионерских дочек на всех не хватало, молодым и вдохновенным расписдям вроде нас приходилось обивать пороги всевозможных ДК, ДЮЦев и прочих государственных богаделен, доказывая «художественным руководителям» свою творческую исключительность, покладистость, любовь к Родине и истовую готовность воевать насмерть с такими ужасными пороками человечества, как наркотики, секс и матерщина.

Типичный худрок «рок-кружка» при каком-нибудь ДЮЦе представлял собой стареющего советского жлоба, любящего, хлопнув втихаря рюмашку, пускаться в пространные ностальгические речи о доблестной службе в Советской Армии (халявничал, играя на трубе в оркестре) и о светлых, беззаботных брежневских временах (в студенческом ансамбле яростно ебашил лезгинку на танцах и свадьбах за бешеные бабки). К тому же каждый такой персонаж непременно обладал диктаторскими замашками и считал, что пару-тройку репетиционных часов в неделю группа должна почитать за высшую благодетель, безропотно перенося его идиотизм, самодурство и грубейшее вмешательство в репертуар.

Излишне говорить, что любое вольнодумство (особенно в текстах песен) пресекалось худруками на корню, так что даже поверхностного знакомства с колючими и эпатажными песнями АХН того периода было достаточно, чтобы дать нам от ворот поворот. Хотя если уж быть честным, иногда для этого было достаточно и одного взгляда на наши дурацкие рожи.

Впрочем, к осени вопрос с репбазой благополучно разрешился усилиями тогдашнего басиста АХН Толяна Попкова. Он согласился оказать услуги басиста некоей команде, репетировавшей в Доме Офицеров, а те взамен согласились поделить с нами репетиционным временем. Репетиции шли довольно бодро. Попытаюсь хотя бы приблизительно описать звучание нашего доблестного коллектива на тот момент: Унтуан, оказавшийся (подозреваю, что весьма спонтанно) на должности гитариста группы, играл в лучших традициях столь почитаемого им питерского «рока» 80-х, то есть попросту мочил все песни на блатных аккордах, иногда вставляя соло из трёх-четырёх нот в моменты особого вдохновения. Я незатейливо и оглушительно долбил по барабанам, громяхая не закрывающимся и ушатанным в говно советским хай-хэтом, Григорий, будучи свободным вокалистом, нечеловечески кривлялся и орал своим пронзительным голосом. Центральной же фигурой того великого состава, на мой взгляд, являлся Толян, колоритный парень весьма гопницкого вида, чьи партии во всех песнях представляли собой один большой и концептуальный басовый соляк, то и дело срывающийся на нервно-истерические слэповые синкопы в самых неожиданных и неподобающих местах. Несмотря на удручающее сходство нашего квартета с персонажами небезызвестной басни Крылова, мы умудрились за пару-тройку недель соорудить

относительно слушабельную программу из семи-восьми песен, после чего праздник жизни завершился внезапным закрытием репточки и всеобщим унынием. [\[ВИДЕО\]](#)

Григорий не падал духом. На горизонте замаячил какой-то квартирник, и мы стали с энтузиазмом готовиться к нему. В этом акустическом составе Григорий и Унтуан играли на гитарах, а я молотил палками по двум советским бонгам, накрытым полотенцем, дабы не раздражать соседей Григория, на квартире у которого и происходили эти великие репетиции. Официальным спонсором драйва и вдохновения для нас тогда являлось крайне дешёвое и ядовитое зелье производства Кабардино-Балкарии, продававшееся под этикеткой «Портвейн-777» (печально знаменитые «Три Топора»).

Надо сказать, что знакомство с Григорием и участие в АХН определённым образом сказалось на моей школьной успеваемости и, как следствие, на отношениях с родителями. Если до описанных событий я, четырнадцатилетний оболтус Лёха Подшибякин, являлся учеником школы номер 21, нередко прогуливающим уроки и имеющим репутацию твёрдого троечника, то после вступления моего в славные ряды АХН я, можно сказать, стал лишь формально числиться учеником означенной школы, перестав появляться там вообще и с утра до вечера пропадая дома у Григория, где осваивал новые песни, поглощал и постигал уйму невиданной доселе информации музыкального, философского и культурологического свойства. Ну и, естественно, скотски напивался, с трудом приволакивая домой своё проспиртованное туловище на непослушных ногах в довольно недетское время суток. Мои интеллигентные и не на шутку православные предки были не на шутку обеспокоены таким положением дел, вполне логично предполагая, что корни сего зла произрастают прямоком из «нехорошей» квартиры странного парня Григория Потапова. Но об этом чуть позже...

Пребывание своё в АХН-ской тусовке я находил для себя полезным и познавательным. С подобными людьми мне ранее не доводилось общаться, и многие вещи, происходящие в этом тесном, закрытом и обросшем мифами сообществе, меня в то время неслабо удивляли и шокировали. Приклеить данной формации какой-либо субкультурный ярлык было невозможно в принципе, поскольку любые общественные стереотипы, под которые кто-либо пытался подогнать АХН, доводились Григорием и компанией до полнейшего абсурда или причудливо выворачивались наизнанку.

Например, большой доблестью считалось исполнить на ядрёном панк-фесте какие-нибудь вырвиглазные «сюрреализмы» с чтением стихов и всевозможными камланиями под аккомпанемент расстроенной акустики и жалейки, нарядившись в советские, разящие нафталином, пиджаки. Или наоборот, совершить диверсию на какой-нибудь вечер бардовской песни, победоносно проорав перед тихо опизденевающими «духовно богатыми девами» свой эпохальный распиздяйский гимн «*Марш Африканских Гомосексуалистов*», желательно играя при этом хуем на гитаре или просто размахивая оным во время исполнения а капелла последнего куплета:

Зачем надо жить, если потом умирать?

Зачем надо кушать, если потом надо срать?

Впрочем, подобное хулиганство и ниспровержение замшелой общественной морали мне пришлось по вкусу, и я довольно быстро настроился на эту волну приятного и увлекательного идиотизма. Впоследствии Григорий, через [самиздаты](#), чуть ли не официально пытался декларировать подобную «идеологию», как стремление к идеалам Детства и, соответственно, к детской модели поведения, когда не стыдно «играть в песочнице, трогать писюлю» и заниматься прочими радостями жизни, глубоко начхав на наносные и надуманные правила «взрослого мира». Считайте меня кем угодно, но вся эта дурь, абсурдизм и скоморошество на самом деле явились для меня настоящим откровением, началом долгого и непростого самоанализа, преодоления пределов на пути к невиданной внутренней свободе!

В музыкальных же предпочтениях я совпадал с Григорием и его командой чуть более чем никак. В этом узком кругу столь любимые мною хард-рок и хэви-метал были, мягко говоря, не в почёте, и я за свои «металлургические» пристрастия порой подвергался беспощадному стёбу и троллингу разной толщины. В окружении Григория объектами почти религиозного поклонения были наиболее отмороженные персонажи глубочайшего отечественного андеграунда, деятели так называемой «контркультуры», наиболее известными и одиозными из которых являлись Егор Летов, Александр Башлачёв и Янка Дягилева. Они считались

непререкаемыми авторитетами, их имена произносились с почти религиозным благоговением. Среди прочих «канонизированных» персон были такие как АДАПТАЦИЯ, Чёрный Лукич, Роман Неумоев, ТЁПЛАЯ ТРАССА, КРАСНЫЕ ЗВЁЗДЫ, СОЛОМЕННЫЕ ЕНОТЫ, Кузьма Рябинов, Пётр Мамонов, Александр Непомнящий и ещё пара десятков исполнителей подобного рода. Надо сказать, я серьёзно заинтересовался и с головой погрузился в изучение этого доселе неведомого мне культурного пласта, в результате чего плотно подсел на творчество Летова и АДАПТАЦИИ. В этих мелодиях и словах чувствовалась какая-то «соль земли русской», то, что называют русским экзистенциализмом. И, несмотря на то, что девяносто девять процентов их творческого наследия было сыграно и записано на редкость дерьмово, в этом всё равно чувствовалась какая-то магическая притягательность и запредельная откровенность авторов. По мере ознакомления с творчеством вышеуказанных деятелей я стал гораздо лучше понимать то, что делали АХН. Это не было музыкой каких-нибудь пафосных полубардов с мудрой ухмылочкой и «поучительными» песенками «со смыслом». По духу своему это было ближе к западному року 60-х и бесстыжим первопроходцам панк-рока 70-х, с поправкой на раздолбайский, курьёзный и трагикомичный русский менталитет.

Тем временем наступил день долгожданного квартирника. Уже с утра меня не покидало ощущение большого праздника: как-никак, приближалось первое моё выступление на публике! Праздничное настроение в немалой степени было обусловлено и тем, что к этому славному дню я сэкономил на школьных обедах весьма внушительную, по моим скромным запросам, сумму, каковую намеревался торжественно и с треском прокутить в честь сего великого события. За пару часов до мероприятия я повстречал своего товарища Димана с нетривиальной фамилией Тур. Интеллигентный неформал Тур сочинял и с долженствующим пафосом исполнял неплохие патриотические песенки, мечтал собрать свою команду и был отнюдь не дураком по части выпивки и, так сказать, сведения обхождений с дамами, да и вообще человеком компанейским, поэтому моё приглашение затусить в слегка ебанутой творческой атмосфере принял с радостью. Впоследствии этот человек надолго станет частью пёстрой и шумной АХНской тусовки и запишет дома у Григория несколько сольных альбомов. У меня до сих пор присутствует чувство некоторой гордости по этому поводу.

Квартирник проходил в доме какой-то олдовой тусовщицы в посёлке ГЭС. Если описывать данный населённый пункт в двух словах, с точки зрения расположения и привлекательности для проживания, то такие клише, как «жопа мира» и «глухая пердь» кажутся непростительно мягкими и легковесными. Ветхий домишко, до которого мы кое-как дошкандыбали по непролазной грязище, был до отказа забит всевозможными странными личностями. Худощавые и прыщавые, «ботанического» вида парни, «филологические девы» и прочие присутствующие представители «интеллектуальной элиты», с ума сходявшие по АХН, предпочитали изъясняться довольно витиеватыми речевыми конструкциями, густо насыщенными различными эстетскими словечками из области на хуй никому не нужных наук. Ни одного человека, хотя бы внешне похожего на завсегдатая панк-концертов, мною идентифицировано не было. Честно признаться, я был готов к чему-то подобному, хотя и искренне недоумевал, отчего у панк-группы (пусть даже и несколько своеобразной) столь непостижимая аудитория, и вообще, за что мне всё это! Впрочем, как показали дальнейшие события, между рафинированными эстетами и самыми ядрёными панками практически не остаётся различий, когда они находятся на концерте АХН. Пока «разогревающий» нас Тур, с небывалой даже для него проникновенностью, исполнял свои потенциальные хиты, почтеннейшая публика, предавшись экзистенциальной русской тоске, весьма активным образом налегала на водку и портвейн. Последнюю песню Тур пел особенно отчаянно, со смертельно-горькими интонациями, достойными какого-нибудь всё просравшего белого офицера на чужбине:

*Знайте, я ухожу без обид
И прошу - не держите обид
Пусть будет смех - ну хотя бы сквозь слёзы
Умирая, вам завещаю жить
Гулять по проспектам ночью и днём
Шагать по лужам
Гулять под снегом и дождём
Трястись от стужи
Улыбаться прохожим с кислыми минами*

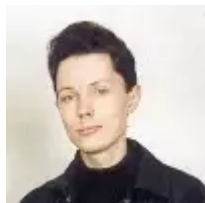
*Любить, как дворян, тепло
И быть любимыми...*

И все присутствующие, до самого последнего сноба, накрытые невероятным катарсисом, подхватывали за Диманом слова впервые услышанной песни. И наверняка каждый из них при этом мысленно разрывал на груди воображаемую тельняшку. Я много раз до этого слышал все эти туровские сочинения, но до описанного момента даже не задумывался о том, что они могут иметь столь магическую силу воздействия! После такого мощного «разогрева» сплеховать было бы просто неприлично, с нашей стороны!

На импровизированную сцену мы вышли вчетвером: помимо Григория, Унтуана с гитарами и вашего покорного слуги с двумя советскими бонгами, к составу внезапно присоединился странный кучерявый парень невысокого роста, с целым арсеналом диковинных инструментов (от вполне тривиальной блокфлейты до жалейки и варгана), лихо исполняя на них запредельно-шаманские импровизации. Этот человек оказался одним из основателей АХН Николаем Жуковым, известным в определённых кругах как Ник Философ. В андеграундной тусовке Жуков имел репутацию совершенно отмороженного суперавангардиста и шамана, и пользовался почти легендарной славой. Именно он создавал своими «сопелками-дуделками» упомянутый мною ранее «шум сказочного леса» в ранних записях АХН, а также являлся автором и соавтором большинства композиций «сюрреалистического» цикла. Скажу без всякого бахвальства: усиленный таким образом состав ничем не уступил бы и полновесной электрической панк-команде по безумной энергетике и угару. Почтеннейшая публика, вышвырнув к хуям все интеллигентские комплексы, орала, прыгала и кривлялась вместе с Григорием, как матёрые пункеры на сейшене. Я нещадно лупил палками по бонгам, почти физиологически ощущая витающий в воздухе концентрированный драйв, и вдохновенно осознавая свою непосредственную причастность к происходящему волшебству. Это был мой первый в жизни концерт. И хоть он проходил в богом забытом посёлке, на окраине богом забытого бывшего Сталинграда, но клянусь чем угодно, я чувствовал себя как минимум Дейвом Гролом на фестивале в Рединге!

★ 2000-2001. Солдаты неудачи

Андрей "Витамалист" Косынкин

Началось это в августе 2000 года... Хотя нет - началось всё ещё в том самом 1997-м, когда некие незнакомые мне ещё товарищи организовывали АХН, а я как раз вернулся из армии, где мне как следует дали кирзовым сапогом по башке и другим конечностям, а также основательно потоптались по душе (да я поэт!). После нелепо-неуклюжих попыток стать добропорядочным обывателем и семьянином я решил удалиться от суеты и пошёл по сторожедворникогрозчицкой стезе...

Сторожил себе я, значит, детский садик, наслаждался там относительными покоем и волей, курил, дробил, плясал, дёргался как хотел, орал песни, играл одним пальцем на пианино в актовом зале... До этого, кстати, я музыкой отродясь не занимался, если не считать карьеру вокалиста в группе «Третья батарея дивизиона обеспечения учебного процесса», а тут вдруг разобрался как-то в нотах, найденных в детских журнальчиках, и обнаружил даже, что могу различать их на слух!

А по дороге в детсад я обычно покупал газету бесплатных объявлений «Всё для Вас» в надежде найти какую-нибудь престижную работёнку. Газета, правда, предлагала в основном вакансии проституток, но в ней были и другие интересные странички. Был даже обзор местной культурной жизни, где пару раз как-то упоминалась некая волгоградская группа, играющая «смесь питерской психоделики и владивостокской угловатости» (название группы я, конечно, ни фиги не запомнил, а позднее выяснилось, что это было АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ).

А ещё там была такая рубрика «P.S.». Этакий Интернет для бедных: вырезаешь купончик, пишешь на нём какой-нибудь бред старого индейца, посылаешь и, если повезёт, сия лабуда публикуется, а если очень повезёт, то можно дожить даже до шквала откликов и ажиотажа вокруг твоей тщедушной персоны. Воодушевлённый подобными перспективами, я с апреля

1998 года начал печатать в «ВДВ» свои великие стихи (кстати, приблизительно в это же время в «P.S.» появился некий псих по кличке Гомо Советикус, но о нём - позже...).

Поселился я, значит, в этой PSихушке, пытался там кое с кем общаться, только все они почему-то оказывались говнюками. Пока наконец в № 98 от 15.12.98. не прочитал следующее: «У меня ничего нет, я ничего не знаю и не умею, я бессмысленно повторяю чужие слова, хотя сам в них не верю. Говорят, что я - мажорный попсняк, возомнивший себя невесть кем. А ещё я играю на пианино одним пальцем». И подпись – Идиот.

Тут я забился в оргазменных конвульсиях, почуяв родственную душу, и кинулся строчить послание с предложением совместного музицирования в четыре пальца. Правда, в тот раз ответа так и не дождался. Зато позднее у нас завязалась-таки переписка, являвшая собой в основном полемику между безнадёжно-героическим борцом непонятно с чем и за что и постаревшим усталым скептиком.

Продолжалась эта бодяга полтора с лишним года. За это время я узнал, что лиц у Идиота больше, чем у бодхисаттвы Авалокитешвары («У-у-у, какие ты слова знаешь!» - сказал бы сейчас Коля Жуков), что Идиот – это ещё и тот самый Гомо Советикус (а я А. Зиновьева страсть как любил!), и Синеглазый Андруша, и Медведь домашних труб, и Григорий Потапов, и Багров Ярослав Александрович, и даже Олечка... Одно время я подозревал в «идиотстве» ещё одного пээсовского юродивого по прозванию Бубенец, но потом выяснилось, что Бубенец – совершенно другое физическое тело, принадлежащее... Стасу Ефросинину, легендарному ахээновскому гитаристу.

И вот, наконец, наступил Великий Август 2000 года. В тот месяц на наше Отечество обрушились всяческие сокрушительные пиздецы: взрывались подземные переходы, тонули подлодки, горели телебашни... А подобные катаклизмы частенько сопровождались пертурбациями и в моей личной жизни: так, например, когда американцы бомбили сербов и когда уже самих америкашек взрывал Бен Ладен, я как раз менял места работы, а для меня это события революционного порядка.

Так случилось и на этот раз. Идиот – Г. С. через «P.S.» дал мне свой телефон, и я с мистическим ужасом обнаружил, что этот дурак близок мне не только духовно, но и географически, то бишь живёт где-то по соседству. Несколько раз я порывался звонить и бросал трубку, обуреваемый экзистенциальным страхом и трепетом перед непостижимостью (попросту говоря, ссал). Наконец я решился. Между нами состоялся вполне психический разговор, пересказать который я сейчас не берусь, и мы забили стрелу на 28 августа возле памятника жертвам варварских немецко-фашистских бомбёжек Сталинграда... возле Бомбы, короче.

В назначенный день и час припёрся я к Бомбе и никого там не застал. «Ну что ж, чудес не бывает», - подумал я, но решил-таки ещё немного побродить в окрестностях. Бродил, бродил, вдруг смотрю – подходит кто-то и садится на гранитную лавку возле Бомбы. Подошёл и я. Гляжу – и впрямь Идиот: весь какой-то взъерошенный, пучеглазый, в мятых брюках и дурацкой полосатой безрукавке (впрочем, и сам я был тогда хорош: на мне была ярко-голубая рубашка производства Социалистической республики Румыния времён Чаушеску, брюки производства Армянской ССР и обувь, вошедшая впоследствии в историю как «сандалии дяди Володи»).

Общение своё мы начали, естественно, с музыкальных вопросов, причём почему-то с обсуждения творчества композитора Игоря Крутого. А потом прошатались по набережной вдоль и поперёк ещё часа три, переговорив обо всём (от рассказов Хармса до проблем подростково-юношеской мастурбации), куря одну за одной папиросы «Беломор» и сигареты «Сталинградские».

Напоследок Григорий (так он тогда представлялся, Багров же Ярослав был, по его утверждению, каким-то загадочным сорокадвухлетним мужиком) взял для ознакомления томик моих виршей, мне же торжественно вручил кассету без каких-либо опознавательных надписей...

Это были легендарные альбомы АХН **«Акустика (Для Маленьких)»** и **«Сюрреализм В Действии»**. То есть названия группы и альбомов я узнал потом, а тогда этот поганец никак

не предупредил мой грядущий культурный шок. Я, конечно, нешуточно охренел от всех этих винегретов из бредовых психоделизмов, акустическигитарнофлейтовой хипповской музыки и а la ранний «Крематорий» и панковских текстов и вокала. Также я обнаружил среди участников записи некоего картавого типа и девушку с небесно-эротичным голосом – а я-то думал, этот псих Григорий совсем уж вселенски одинок по жизни (его-то великий голос на плёнке я сразу узнал, хотя ни разу до этого не слышал, как он поёт... да и не подозревал об этом!).

Второй шок поджидал меня ближе к концу сентября, когда Григорий привёл меня в свою обитель. Я такого угла не видал со времён просмотра мною фильма «Асса» (у Бананана была похожая биндежка). Там на стенах висели одновременно Летов, Ленин, Битлы, SHOCKING BLUE и чуть ли не весь состав Политбюро ЦК КПСС 70-х годов! А ещё там были клавиши, гитара, всякие там пульта, усилки и разные прочие провода (вот тебе и однопальцевое пианино!). Мы хрен знает сколько сидели и орали всякую летовщину и ахээнщину, причём доблестный Г. Потапов разбил себе пальцы в кровь о струны! А потом пришёл ещё один Человек. Он же Философ. Он же Святой Я. Он же Кололай. Короче, это собственно и был Николай Жуков – тот самый картавый тип с **«Сюрреализма»** и ещё один обитатель РСихушки, толкавший там эзотерические телеги про небесных оленей. А на выходе из подъезда я узрел и третьего отца-основателя АХН – великого и ужасного Толика Попкова.

С этого дня на меня едва ли не еженедельно стали обрушиваться разнообразные откровения и потрясения. Выяснилось в частности, что в Волгограде есть до фигища всевозможного рока и прочего андеграунда (вопреки утверждению одного ныне покойного рок-барда) и даже проводятся квартирники (я-то по темноте своей думал, что подобные дела остались где-то в далёком ленинградском прошлом). Один такой квартирник (вернее, «дачник») состоялся вечером 30 сентября, перешедшем в ночь 1 октября 2000-го года, на даче у Рианы (была такая девушка-толкиенистка – не путать с негритянкой, которая про зонтик поёт). АХН там выступало в следующем составе: Григорий Потапов, ударник Алексей Подшибякин (вошедший впоследствии в историю как Слайвер, Станислав Похмелкин, «патриот, алкаш и гопник – волгоградский Юра Хой», а тогда просто трудный подросток) и... всё. Потому что нечего. Точнее, некого. А Коля Жуков, представившийся мне на этот раз как Зигмунд Фрейд, выступал сам по себе со своей шаманщиной. Также в концерте принимали участие: ещё не зазвездившаяся группа КАПЕРНАУМ под предводительством Евгения «Ку» Кубынина, впервые явленный народу эпатажный проект КУДА, ГРИГОРИЙ? (соответственно, Ку да Григорий, исполнявшие срамные песенки), одиноко-героический и низкоголосый Дмитрий Тур (можно было б его бардом обозвать, да только никакой грушинщиной там и не пахло) и другие неофициальные лица, среди которых выделялся колоритный гопник Вася. Да, ну и ваш покорный слуга вышел и проорал дурным голосом дуэтом с Григорием песню про пианино и палец. Закончилось всё грандиозным хэппенингом с элементами эксгибиционизма, гомосексуализма и других хороших предметов быта.

Следующее эпохальное событие той осени случилось 30 октября. Шлялись мы с Григорием по городу, обсуждая какие-то очередные свёрточки, и вдруг в его светлую голову пришла гениальная идея обессмертить мои и без того бессмертные стихи, положив их на музыку. Незамедлительно мы пошли к нему, и за один вечер были написаны и записаны на магнитофон «Рига» через встроенный микрофон три песни: *«Солдат Неудачи»*, *«Некрофилическое»* и *«Тормоз»*, причём пел автор текстов. Впоследствии все три вошли в репертуар АХН и её, не побоюсь этого слова, side-проектов.

А потом как-то так получилось, что я стал исполнять в АХН функции свободного от умения играть на чём-либо вокалиста. Пел я в то время тоже весьма велико, ибо представления о нотах, ритме и разных прочих тональностях имел самые приблизительные. Впрочем, в общую концепцию группы это вполне вписывалось. А тут как раз у АХН в кои-то веки наклюнулся один концерт. На «зоне». Организовывал этот концерт некто Майор, вызывавший поначалу самые зловещие летовские ассоциации. Потом, правда, оказалось, что Майор – не звание, а погоняло одного Остапа Бендера волгоградского шоу-бизнеса, возглавлявшего мифический продюсерский центр, носившего малиновый пиджак, но постоянно стрелявшего сигареты и мелочь на левую водку. А намечен концерт был на 3 декабря...

И вот пришёл он – Декабрь 2000 года (в великости, пожалуй, не уступающий Августу). Великие события начались 2-го числа с весёлой и раздолбайской генеральной репетиции на квартире у Григория. А потом была не менее весёлая ночь на одном флэту... Э-э-э-э-э-э-э-

э-э-э-эх!!! Как говаривали Д. Боуи и М. В. Науменко, where have all the good times gone?! Утром после бессонной ночи и с небольшого бодуна мы поехали в Тюрягу.

Концерт был тоже весьма весёленьким. Эклектик Майор набрал всякой твари по паре. Выступали всякие фанерные попсовые девочки, великая (по габаритам) волгоградская поп-звезда Руслан, какие-то брейкеры, которые чуть не раздавили меня в автобусе своим здоровенным листом ДВП (это у них такой мобильный танцпол был)... Ну и две живые акустические группы: жуковское ДЕРЕВЯННОЕ ОБЛАКО и АХН. Причём у обеих групп был один и тот же состав. Причём оба гитариста в этом составе (Д. Тур и некий гопник Андрей, пришедший из ниоткуда и ушедший затем в никуда) играли одну и ту же партию (очевидно, как говаривал покойный Дюша Романов, «для большей плотности звука»). Григорий наяривал на балалайке, сопровождая это дело плясками в стиле Ангуса Янга, Коля пел в своём проекте и дудел во всякие фольклорные дудки, флейтист КАПЕРНАУМА Еремей Антипов играл, соответственно, на флейте, а я пытался изображать вокалиста, впервые в жизни выйдя на сцену в этом качестве! А в зале сидели одни зеки и даже какой-то типа звукарь по фамилии Потапов (!) был зек. Но приняли нас относительно тепло (ещё бы: я, когда в армии служил, от духовной жажды и не такому говнищу обрадовался бы). Запись концерта производилась на кассетный диктофон (были такие), лежавший где-то в глубине сцены на раздолбанном рояле, поэтому качество её получилось соответствующим... а впрочем, и ту мы умудрились проебать!

Да, красотулечку-то я пропустил... то бишь ноябрь. А в ноябре наш город посетил с гастролью великий русский рок-бард Александр Непомнящий. Тогда-то и прозвучала историческая фраза: «В Волгограде рока нет». Беспощадный вердикт сей Александр Евгеньевич, царство ему небесное и вечный покой, вынес, насмотревшись на местных талантов, развлекавших публику в перерыве между отделениями. Была там, в частности, такая парочка: хипповского вида девушка с фолковым голосом и патлатый парень, прохрипевший песню, в которой упоминались фенечки, хаир и майка с портретом Егора. Мы, конечно, по-снобски скривились от подобной одиозности, а выступавший следом Тур даже отдельно представился: мол, нет, не Егор я, я другой. Непомнящий же, надо полагать, скривился и поболее того, благо что означенная майка также упоминалась у него в одной песне и в весьма саркастическом контексте.

К чему я это всё припомнил? А вот к чему. Была в «P.S.» такая Мариша, писавшая там всякие пропанковские вещи. Мы давно к ней присматривались, но Григорий терзался смутными сомнениями, а Стас-Бубенец, будучи тогда яростным экстремистом и опираясь на свой богатый жизненный опыт, вообще считал, что женщины в принципе не могут ни хрена петрить в делах духовных. Я же как проницательный читатель разгадал в «P.S.» маришевскую загадку насчёт фамилий, образованных от причастий, и понял, что на концерте товарища с такой фамилией она тоже была. Перелопатив старые номера «ВДВ», я откопал телефончик Мариши и, дабы не терзаться вновь экзистенциальным страхом и трепетом, перепоручил сей важный звонок Григорию...

Григорий позвонил, наговорил, как водится, всякой мистификационной херни про ментов-гомосексуалистов – и никто из нас об этом звонке уже никогда не пожалел. Мариша оказалась человеком во всех отношениях нашим, Григорий Потапов в который уж раз взял да и поверил, и однажды тёмным холодным декабрьским вечером мы отправились к некоему мужику Николаю на Спартановку (такой гоповский посёлок в Волгограде, что-то навряд ли какого-нибудь Южного Бутова в Москве – брррр... хотя, пожалуй, есть в нашем городе-герое места и позже). На квартире у Николая располагалась этакая студия звукозаписи и Григорий сподвиг нас с Маришей петь бэки в песне «Так И Будем». Никакой кабинки со стеклом там, естественно, не было и в помине, и для пущей звукоизоляции Николай накрывал поющих одеялом. Стоит такой человек, укутанный с головой, и в гробовой тишине (фонограмма-то только в наушниках!) орёт мимо кассы: «Ла-а-ай-лай-лай-лай-лай-лай»... Зрелище жестокое! Получившийся шедевр так и вошёл в альбом «Ловушка».

Великий Декабрь завершился великими же новогодними праздниками. XXI век мы встречали на флэту из тех, что любил посещать лирический герой Майка, в компании всяких богемных панков, анархистов и антифашистов. Кто-то как всегда нёс чушь о тарелках (серьёзно!), из двух колонок доносился ЛЕНИНГРАД (уже не верится, но тогда – дико андеграундная группа!)... А ещё там был такой панковский дуэт МУЗЫКАНТЫ ВСЕЯ РУСИ, состоявший из двух студентов-художников. Один из этих музыкантов играть умел только на обратной

стороне гитары, а другой подобно Эндрю Олдхэму и Волку из «Ну, погоди!» был убеждён, что электрогитара втыкается прямо в электророзетку. Что же касается вокала, то слыхивал я разных поющих художников (Летова там, Шевчука, Макаревича), но эти ребята были здесь ближе, скорее, к молодому Олегу Судакову. На этом, впрочем, сходство и заканчивалось: во всякую сибирщину они конкретно не врубались, а великими панками считали Децла, Белоусова, Юру Шатунова, ну и, так уж и быть, Мамонова. Хотя чего уж там: поржали мы знатно над их эпатажными песенками про родившую в 80 лет бабушку и детей-садистов, надругавшихся над осликом Иа, и настроение они мне подняли до абсолютно хорошего... К утру, тем не менее, всё это розовое шампанское нас подзатрахало и мы поехали к Марише пить портвейн и плясать на кровати под SEX PISTOLS. А на следующий день мы пили в одной общаге... нет, не то, что вы подумали, а чай с печеньем (бля, как же мало мы тогда бухали!). Чаёвничали мы с ещё одним дуэтом под названием КАРАНТИН (он же впоследствии ТВЕНТИН КАРАНТИНО) – и это была та самая одиозная парочка с концерта Непомнящего! Хипповско-фолковую девушку звали Алёной, а патлатого парня – Вальдемаром, причём он оказался родным братом Мариши и одним из крутых музыкальных авторитетов Михайловки (это я не дерёвню из эпопеи «Вечный зов» имею в виду, а город в Волгоградской области). Душевно так посидели, попели-поиграли и своё, и ихнее, и про Егора, и самого Егора, и Янку – и не было в этом, чёрт возьми, никакой ниферской пошлости!..

Да, вот ещё что. В том же Великом Декабре я узнал, что Багров Ярослав Александрович – не загадочный сорокадвухлетний мужик, а Григорий Потапов по паспорту. Он сам показал мне этот паспорт 2 декабря в троллейбусе. Я так офигел от факта наличия у Г. Потапова паспорта, да ещё и на другое имя, что мы проехали нужную остановку и как ошпаренные выскочили на следующей, впопыхах подбирая раскатившиеся по троллейбусному полу бутылки с портвейном. Впоследствии мне, как и многим другим представителям волгоградской пьюще-поющей братии, частенько доводилось голосить под окном у Багрова-Потапова, дабы свыше был ниспослан ключ от подъезда. При этом обнаружилось, что имя с ударением на последнем слогe орать не в пример удобнее. Так что в дальнейшем повествовании я буду именовать Григория Ярославом. Потому что нечего.

Но, однако, мы уже встретили живыми 2001 год! Первые три его квартала прошли для АХН под знаком «халявной хиппистской акустики» (как охарактеризовал раннее творчество другой группы на букву **А** другой рок-историк на букву **К**). Некоторое время мы ещё заморачивались с великим организатором DJ Майором, пробившим нам концерты в таких престижнейших местах как тюряга в Кировском районе, приют для трудных детей в Красноармейском и ДК посёлка Гумрак (для незнакомых с топонимией Волгограда: относительно центра города это жопеня, ебеня и пизденя соответственно). Причём в Кировском и в Гумраке всё в итоге обломалось! В Кировском это стало очевидным минут через 15 после нашего прибытия. А мы-то ради столь изысканной публики вырядились в пиджачки да в галстучки... Вот в этих-то костюмчиках мы с Ярославом, Туром и Еремеем и залезли в бескрайние кировские поля, где организовали концерт для самих себя, сопровождая это дело фотосессией. Я когда выбрался с того поля, на моих ботинках налип слой грязи, по толщине превышавший толщину подошвы. Происходило это веселье то ли 1 апреля (в наш профессиАнальный праздник), то ли 22-го (тоже, в общем, наш праздник). Ярослав, по крайней мере, склоняется к первой дате, посему данное событие вошло в историю как Первоапрельские Пиздецы.

В Гумраке же для того, чтобы понять, что карнавала не будет, нам потребовалось проторчать весь день. К вечеру выяснилось, что желающих послушать живую музыку из числа аборигенов набралось всего 5 (пять) человек. Мы-то охотно сыграли бы и для этих пятерых, но администрацию ДК и Майора такой расклад явно не устраивал. Пришлось по сложившейся традиции вновь направляться на поиски какого-нибудь поля. Но облом подстерегал и тут: поле-то мы нашли, но сыграть на нём не представлялось никакой возможности, потому что это было лётное поле волгоградского аэропорта. В общем, посмотрели мы на самолётики, а потом сели в автобус и покатали в центр, всю дорогу развлекая пассажиров песнями (особенно эмоционально прозвучала летовская *«Лёд под ногами Майора»*, посвящённая в данном случае понятно кому).

А в Красноармейском пристанище для заеденных средой ребяташек выступление таки состоялось! Уж не знаю, насколько оно было надо тамошним деткам в клетке... Их волновало, в основном, два вопроса: нет ли у нас закурить и не сыграем ли мы чего-нибудь из СЕКТОРА ГАЗА? СЕКТОРА мы не сыграли, зато сыграли *«Увезу тебя я в тундру»*, украшенную

живописными шаманскими плясками Коли Жукова в лохматой меховой шапке и его же игрой на варгане, и ерменскую «Жизнь в полицейском государстве». Во время исполнения последней отрубился аппарат, но отряд не заметил потери и доорал песню до конца а саррелла. Самое чудовищное, что при этом притопывали, прихлопывали, приплясывали и чуть ли не подпевали какие-то толстые педагогические тётки, это самое полицейское государство собой и олицетворяющие.

Вообще, экстремизму мы в тот год предавались изрядно. Устроили, например, акцию протеста против проведения в Волгограде «Ночи пожирателей рекламы» в духе каких-то комсомольских шествий 20-х годов XX-го века. Ярослав там был наряжен таким буржуином недорезанным и волочил на поводке Маришу, изображавшую оболваненного рекламой потребителя, а Жуков шёл и горланил в самодельный картонный рупор антирекламные лозунги. Коля тогда как раз работал оператором на волгоградском телевидении и благодаря ему вся эта порнография была заснята и показана затем по ящику. Сбылась мечта фрёкен Бок! Правда, после этого показа у меня приключился небольшой шутейный конфликт с менеджером по рекламе в фирме, где я тогда трудился...

Другой наш мощнейший идеологический удар был нанесён по такому столпу постиндустриального общества как PR. В институте подготовки связников с общественностью проводилось некое торжественное мероприятие (что-то типа выдачи дипломов, кажется), музыкальное сопровождение которого обеспечивали какие-то пиплы хипповско-бардовского пошиба – а потом вышли мы с Ярославом и Еремеем и дали говна с дикими танцами, переворачиванием стульев и перепутыванием тональностей, а Коля снимал всё это безобразие на камеру. [\[видео\]](#)

Среди охреневавшей публики в аудитории находился и некто Александр Романович Акжигитов, вошедший в ахээнскую историю как просто Санёк. Незадолго до описанного события он позвонил нам по объявлению в газете «Всё для Вас» (ох, и рекламу я делаю этому изданию!) и предложил свои услуги в качестве гитариста. Вот мы и зазвали его на концерт к пиарщикам в целях ознакомления с творчеством и другими необходимыми особенностями группы. Поскольку потенциальный гитарист не съехался немедленно в ужасе от увиденного и услышанного, мы пришли к выводу, что работа пойдёт. До сих пор, кстати, не понимаю, как к Саньку приклеилась его погремуха: ничего простецки-пацанского в его облике не было. Внешне и внутренне этот олдовый рокер с роскошным хаиром чем-то неуловимо смахивал не то на Чижа, не то на Майка, не то на всю мировую историю блюза и рок-н-ролла (в саньковской фонотеке присутствовало едва ли не полное собрание сочинений DEEP PURPLE и LED ZEPPELIN!), за что и был впоследствии нещадно стебаем нашей прогрессивно мыслящей ритм-секцией. Моё же отношение к этому человеку было наилояльнейшим: я ведь и сам не лишён доли санькизма, приобщение к року начинал с ROLLING STONES и, прости Господи, RAINBOW... Хотя таких живописных плащей и шляп из советских шпионских детективов, в каких щеголял Александр Романыч, не носил даже я при всех своих «сандалиях дяди Володи».

★ 2001-2002. Дороги, дороги...

Ярослав Багров

Санёк Акжигитов был прелюбопытнейшей личностью. Этот школьный учитель физики жил в крошечной комнатухе в общежитии возле Мамаева Кургана. В той же общежитии он подрабатывал мусорщиком, и однажды пришёл получать зарплату прямо в том виде, в каком ходил в школу – пальто, шляпа, дипломат, дорогие очки. «А Вы у нас кем работаете?» - «Я мусорщик».

На момент нашей встречи ему не было и тридцати, но выглядел он так, будто лично пил чай в гостях у Джона Леннона с Йоко Оно и плясал под проливным дождём на Вудстоке. Короче говоря, это был классический Старый Рокер.

Состава у группы тогда фактически не было. Был я, худо-бедно умевший сочинять песни и орать их под гитару или балалайку. И был Витамалист, который играть вообще ни на чём не умел.

Существовали ещё, разумеется, Коля и Толик. Отцы-основатели – как же без них. Положа руку на сердце, могу сказать, что Коля Жуков всегда больше интересовался реализацией собственных амбиций, чем коллективным творчеством. Да и не было у нас с ним коллективного творчества никогда, разве что некоторые «сюрреализмы» были рождены в своё время совместно-спонтанным образом. Толик же Попков никогда и не скрывал, что он тщеславный «kozyрный типан», что его призвание быть крутой рок-звездой, а мы все – чмошники и уебаны, которые всю жизнь просидят в дерьме. К тому времени он был уже даже и не Толик, а Толян, он плотно тусил с Ку и мечтал о том, как они завоюют весь мир. У нас по-прежнему были добрые дружеские отношения, и я знал, что всегда могу рассчитывать на жуковские дудки и на толяновский бас. Но крепкого музыкального «плеча» я не чувствовал, да и просто человеческой поддержки не чувствовал, если уж на то пошло. Я ни в коем случае не хочу ни в чём обвинять своих старых товарищей – я говорю, как обстояло дело на тот момент времени. А дело обстояло так, что никому, кроме меня, **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** было не нужно и не интересно.

Витамалист стал моим другом и соратником с первого же дня знакомства, мы проводили вместе очень много времени и разговаривали обо всём на свете. Но поначалу он не относился всерьёз к тому, что делало АХН, считая это просто приятным времяпровождением. Вот когда мы вновь заиграли электричество и стали везде выступать, когда нас начали узнавать на улице, – тогда-то Андрюша и воспринял всё всерьёз, да ещё как воспринял! Человек, впервые вышедший на сцену в 26 лет, запел с такой болью и остервенением, какие и не снились многим из нас, варившимся с юности в рок-н-ролле. Но всё это было ещё впереди, а пока было то, что было.

И был ещё гипотетический барабанщик Слайвер, с которым мы познакомились примерно тогда же, когда и с Витамалистом, и на которого я возлагал большие надежды. Но никакой репбазы тогда не было и в помине (первые коммерческие точки начали появляться в городе лишь несколько лет спустя), а репетировать со Слайвером у меня дома мы не могли по некоторым не зависящим от нас причинам.

Кстати говоря, вдвоём со Слайвером мы записали осенью 2000 г. безумный и безобразный миниальбом **«Лёша И Гриша Ебут Вола»**, который благополучно куда-то канул (и слава Богу!).

А чуть позже, в декабре, была предпринята отчаянная попытка хоть как-то зафиксировать старый материал. Ради такого дела подтянулся даже Стас Ефросинин, с которым мы не играли уже почти год. Он приехал ко мне и любезно исполнил свои партии в нескольких песнях. На другой день мы планировали дописать всё, что осталось, но тем же вечером у Стаса в голове что-то щёлкнуло – он позвонил мне и довольно сухо сообщил, что от дальнейшего участия в записи отказывается и утром заедет ко мне, чтобы забрать свою гитару и примочку. Судьбе было угодно, чтобы в этот самый момент у меня сидел Толян, который уже собирался ехать домой. Услышав о Стасе, он остался у меня до утра и записал все оставшиеся гитары. Толян в то время был страстным почитателем RED HOT CHILI PEPPERS и особенно их басиста Фли, поэтому никогда не отказывал себе в удовольствии «посракопиздить слэпом» (это его собственное выражение). Бас и правда в его руках звучал по-перцевски агрессивно, поэтому я чуть ли не со слезами умолял Толяна хотя бы с гитарой обращаться более сдержанно. Куча всевозможных дудок в исполнении Коли и Еремея лишь усилила общую картину гнетущего пиздеца, поэтому получившийся альбом был назван **«Ловушка»** и до лучших времён убран в стол. Впрочем, даже не в стол... В марте 2001 г. альбом был оцифрован, худо-бедно реставрирован и записан на диск. Единственный экземпляр этого диска, первого в истории группы, был, как всегда, благополучно проёбан, но сохранились его кассетные копии, с которых нам впоследствии пришлось делать повторную оцифровку (кассета-оригинал была проёбана ещё раньше). Помимо всего вышеизложенного, альбом был замечателен тем, что в нём впервые в истории АХН прозвучал голос Андрея Косынкина (пока что на бэк-вокале).

Так вот. Начал-то я про Санька. На первую же нашу встречу он явился с маленьким магнитофончиком и попросил меня исполнить под запись несколько песен в акустике. Спустя несколько дней устроили первую репетицию, и Санёк явился с готовыми аранжировками всех песен. Каноничный вариант песни **«Дороги»** появился именно тогда. «Гарная песня», – говорил Санёк.

Какое-то время мы бренчали с ним на двух гитарах, и однажды Санёк как бы невзначай осведомился, умею ли я играть на басу. На всякий случай я сказал, что умею (а я не умел), не чувствуя в его словах никакого подвоха. На следующий день он привёз ко мне свой бас и здоровенный гитарный комбик. «Так репетировать – это не дело, берись-ка ты за бас, барабаны будем с клавиш пускать, а Андрюха пускай поёт». На том и порешили. Роль басиста пришлось мне по нраву, я знал энергетические возможности этого инструмента. Сам инструмент, правда, оставлял желать лучшего: это была самопальная бандура с корпусом странной треугольно-ромбовидной формы, которая позволяла играть исключительно стоя. Санёк увлечённо пилил на гитаре дремучие хардрокковые и рок-н-рольные ходы, которые, надо сказать, вписывались в общий контекст весьма органично.

И тут на горизонте появляется Ку, он же Евгений Кубынин. Познакомил нас Еремей Антипов ещё летом 2000 г. на кретинском фестивале «Рок против курения». Ку приезжал ко мне, мы выпивали, беседовали, слушали музыку, играли друг другу свои песни. У него тоже была «своя группа», пребывавшая на тот момент в том же плачевном состоянии, что и АХН. Играли они «романтически-депрессивный попс», причём Ку даже и не пытался это скрывать, и нисколько не возражал против такого определения. В один из своих визитов ко мне он пересёкся с Толяном и предложил ему место басиста в своей группе. Что, собственно, и являлось изначальной целью этих визитов. Да, этот умный еврейский мальчик хорошо знал, что ему нужно. Они начали играть попсу по кабакам, у них появились какие-то арт-директора, какие-то рекламные агенты. Я тут же в ужасе расплевался со всей этой гоп-компанией и больше слышать ничего про них не хотел (разве что с Еремеем продолжал общаться по старой памяти). Кстати говоря, Ку пытался привлечь к себе и Слайвера в качестве ударника, и они даже сыграли вместе несколько концертов, но к чести последнего надо сказать, что он довольно быстро сообразил, чего стоит подобное «искусство», и предпочёл удалиться в мир андеграунда.

А летом состоялось у нас очень странное спонтанное выступление на каком-то концерте с бардами в одном из дворов Центрального района. Если память меня не обманывает, это был тот самый двор на улице Гагарина, где впоследствии жил Слайвер. Самого Слайвера в тот день с нами не было, как и Витамалиста. Был Коля с дудками и я с балалайкой. И ещё почему-то был Ку, причём в качестве гитариста. Совершенно не помню, каким образом его туда занесло и с чего ему взбрело в голову взяться за гитару. Мы не общались уже с полгода, у него были свои дела, у меня – свои. Как бы то ни было, мы впервые оказались с ним на одной сцене. Ку играл очень экспрессивно, плясал, подпевал, а в конце выступления изо всех сил крикнул в микрофон «Хой!», переполошив всех ворон во дворе. После концерта мы очень сильно напились портвейна и Ку заявил, что желает получить от меня индульгенцию. Я был уже чересчур «невразумителен», чтобы понять, что он имеет в виду, и Ку сказал прямо – «я хочу играть в АХН». Такое желание с его стороны мне показалось очень странным, но Ку сказал, что всегда завидовал моей свободе играть то, что хочешь, что он испытал жуткий кайф от этого идиотского выступления. Я видел, что он говорит предельно искренне. И я смутно догадывался, что в глубине души Ку считает себя виноватым в том, что я остался один. Что ж, Ку протянул мне руку – и я протянул в ответ. В тот вечер мы обсудили ещё много всего. Вторая гитара была в АХН ни к чему – у нас был Санёк, и его хватало более чем. Поэтому мы с Ку остановились на том, что когда-нибудь попробуем его в качестве барабанщика.

В июле я во второй раз отправился на фестиваль «Балаклея» под Белгородом, где вволю пообщался с Володией Двадцатьвосьмым и записал на диктофон его новые песни. И «Небо», и «Память», и многое другое, вошедшее впоследствии в репертуар АХН и других волгоградских групп, – всё это пошло с той кассеты, что я привёз в Волгоград в июле 2001 года. В последний вечер перед моим отъездом, оставшись с Володией наедине у него на кухне, я задал ему вопрос, который мучил меня уже несколько лет и который я не мог задать никому из своих товарищей, потому что знал, что никто из них не сможет ответить мне объективно. А вопрос был такой – стоит ли мне и дальше заниматься своим делом, петь-играть? Есть ли в этом смысл, нужно ли это кому-нибудь, кроме меня самого (дело осложнялось тем, что я только-только закончил университет, получил диплом, и вопрос выбора стоял наиболее остро)? Двадцатьвосьмой посмотрел мне в глаза и совершенно серьёзно сказал: «Нужно. Ещё как нужно, даже не сомневайся».

В Волгоград я вернулся другим человеком. Все наши мелкие местечковые дразги и обиды больше не имели никакого значения. Двадцатьвосьмой разбудил в моей душе нечто

невероятно важное, что когда-то жило и горело, а потом незаметно угасло и забылось. Нужно было делать своё дело максимально честно и с полной отдачей. И двигаться дальше, несмотря ни на что.

Коля Жуков всегда славился умением пробивать странные концерты в странных местах, но в этот раз он превзошёл самого себя. Группа **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** выступила в прямом эфире волгоградского ТВ. Играли расширенным акустическим составом: Витамалист, Санёк, Коля, Еремей и я. Это была дичайшая авантюра, потому что никто из нас никогда не был на ТВ и не знал, как себя нужно вести, а репетиция у нас, как обычно, была в лучшем случае одна. По ходу передачи мы более-менее освоились, осмелели и начали нести всякие телеги. Как я уже сказал, это был прямой эфир, периодически в студию звонили телезрители и высказывали свои соображения по поводу пиздеца, творящегося на экране. Ничего ужасного, впрочем, мы там не делали: сидят приличные молодые люди на стульчиках, на всяких дудочках-балалайках играют. Но вопросы ведущего и зрителей распалили наше и без того болезненное воображение. Санёк Ажигитов выступил с парадоксальным объяснением принципа *do it yourself*: «Встал с утра, сам позавтракал, сам зубы почистил. Сам, всё – сам». Я же разразился странной историей о таракане, что сидит за рулём синего троллейбуса, идущего на Луну. Витамалист специально для передачи отрастил себе дурацкие усы и многозначительно в них усмехался, похлопывая себя по коленям и произнося своё знаменитое «Да-а-а...» [\[видео\]](#)

В августе мы с Ку записали у меня дома альбом нашего проекта **КУДА, ГРИГОРИЙ?** под названием **«Вершина Маразма»**. Я ещё весной приобрёл в комиссионке неплохую кассетную деку «Aiwa», потом появилась подержанная, но ещё рабочая «Нота» – было интересно попробовать, что из этого выйдет. Записывалось всё до смешного просто: Ку играл барабанные партии пальцами на клавишах, я играл на басу. Затем кассета с ритм-секцией ставилась в воспроизводящую деку, я играл на клавишах или на балалайке, Ку играл на гитаре. Вторым наложением шли наши с Ку голоса. Никакого «сведения» и «мастеринга», естественно, не было и в помине. Все появления и затухания делались на пульте вручную. Ку, как более-менее знакомый с электрическим звуком человек, говорил: «Вот, смотри – тут бас много середины даёт, надо на гитаре средние прибрать, чтобы не сливалось оно». Присутствовала и своеобразная драматургия: «Ты тут в конце сначала издали заори, а потом поближе к микрофону, и я задержку ревера на полную выкручу». Тексты песен были преисполнены абсурда и нигилизма в наивысшей степени. Песня «Хочу» была написана мной в 15-летнем возрасте для группы МАЯК.

Пришёл сентябрь, и тут выяснилось, что нам предстоит играть на Дне Города. Разумеется, о том, чтобы опять по-нищенски брэнчать акустику, не могло быть и речи. При огромном скоплении людей, на открытой площадке в центре города... Электричество, только электричество!

Тут-то и пришло время узнать Ку как ударника. За то время, что мы писали **«Вершину Маразма»**, он успел научиться стучать на клавишах, и я был уверен, что он не подведёт. Мы начали репетировать, и дело пошло даже лучше, чем я ожидал. Отрепетировав всю программу на клавишах, Ку сказал, что было бы неплохо попробовать сыграть всё это и на живых барабанах. Сказано – сделано! Мы вытащили из шкафа малый барабан, альт и тарелку, что остались ещё с доахээновских времён, и соорудили из этого некое подобие установки. Я так и продолжал играть на басу, потому что Толян хоть и намекал, что не против поиграть в новом составе АХН, но на репетициях не появлялся, ссылаясь на занятость. А Коля и вовсе продолжал по инерции считать, что он великий импровизатор, которому репетировать не нужно в принципе. Короче говоря, первый «большой» концерт АХН состоялся без них.

Ку лупил так, что каждый удар отдавался в заднице (за что впоследствии был назван «самым экспрессивным барабанщиком фестиваля»), мы с Витамалистом верещали как мартовские коты, а вконец зашедшийся Санёк вообще пребывал где-то в районе Сан-Франциско 1967 года. Мы отыграли нашу программу, и вот тут-то я и постиг в очередной раз весь идиотизм игры, в которую мы ввязались. Спонсором фестиваля была довольно известная фирма по производству безалкогольных напитков. Ведущий вручил нам по бутылке лимонада на брата, при этом изящно напомнив зрителям, что это была молодая и перспективная группа АХН, а сейчас давайте все дружно поблагодарим музыкантов и выпьем прекрасного лимонада от нашего замечательного спонсора. Когда мы спускались со сцены, Витамалист разбил свою бутылку о перила ограждения, облив лимонадом мента из охраны.

Буквально на следующий день после Дня Города я угодил в больницу с жесточайшим отитом. Отит – это воспаление в ухе, если кто не в курсе. То ли наслушался я говна за последнее время, то ли продуло во время концерта. Лежал я в палате с колхозными дядьками, писал рассказы и письма своим друзьям. Навещали меня и Витамалист, и Ку, и Толян, но всех затмил Санёк, явившийся в больницу с огромным арбузом.

Товарищ Попков снова вернулся в наши ряды, и мы приступили к домашним репетициям – Санёк, Толян, Ку и мы с Андреем в качестве свободных вокалистов. Этому составу суждено было просуществовать почти год, и это был лучший состав АХН на тот момент времени.

10 ноября 2001 г. по любезному приглашению Вальдемара мы совершили первый визит в город Михайловку, имевший заслуженную репутацию столицы андеграунда Нижнего Поволжья, да впрочем, и всего Юга России. Кассеты михайловских групп ходили у нас по рукам уже давно, и вот настал великий день, когда мы смогли воочию лицезреть Лёху Литвинцева, Ирку Вербенко, Саню Устиныча и, разумеется, самого Вальдемара. Приехали мы целой делегацией: пятеро музыкантов АХН плюс Еремей Антипов в качестве сессионного флейтиста, плюс Коля Жуков в качестве сольного исполнителя, плюс пара человек из куевско-толяновской тусовки просто за компанию. Концерт проходил в пыльном зале маленького советского ДК, звук был чудовищен даже по панковским меркам – на сцене не было слышно ровно ничего, поначалу я пытался хоть как-то петь, а потом плюнул и стал просто орать изо всех сил. Но бескорыстный энтузиазм Вальдемара и его друзей поразил меня в самое сердце – у нас в городе такими вещами никто не занимался: были отдельные люди, более-менее близкие по духу, однако в плане организации концертов и вообще каких-то реальных дел беспросвет был полный. Михайловская публика приняла нас очень дружелюбно, и это чувство было взаимным. Санёк по своему обыкновению вырядился как Градский, Толян же выглядел как якобы «брутальные» альтернативщики из глянцевого журнальчика по музыкальному общепиту. Как-то раз Толяну даже довелось пострадать за свой имидж: он шёл по улице в чёрном капюшоне, в чёрных очках, заросший чёрной щетиной – его остановили менты, приняв за наркомана, и Толян просидел сутки в камере с бомжом, которого взяли за то, что он торговал ежевикой (с тех пор Толян ежевику не ел). Я же в то время вопросами внешнего вида совершенно не заморачивался и мог, например, выйти на сцену в той же майке, в которой спал.

1 декабря 2001 г. был отличный концерт в ДК им. Петрова совместно с какими-то «тяжёлыми» группами. Я увидел афишу концерта на двери музыкального магазина, в углу был написан контактный телефон. Набравшись наглости, я позвонил по этому номеру и заявил, что АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ желает принять участие в данном мероприятии. Да, в начале 2000-х пробивать концерты иногда приходилось и так. Нормальных мест, где можно играть музыку, в городе просто не было. Время от времени появлялись одинокие энтузиасты, которые организовывали концерты на свой страх и риск. Но выступать они, естественно, приглашали только «своих», а мы никогда ни к одной тусовке привязаны не были – поэтому и к числу «своих» ни для кого не относились. Возможно, в этом была какая-то глупая гордость. Возможно, нет.

Мы принялись записываться по той же схеме, по которой писалась **«Вершина Маразма»** – сначала шли барабаны и бас, затем гитара, затем голоса. В некоторых вещах я добавлял то балалайку, то клавиши, причём записывалось это одновременно с гитарой, чтобы уменьшить число наложений. От духовых мы отказались, если не считать проникновенного соло на флейте в концовке *«Да Не Померкнет!»*, исполненного Еремеем в манере «Дяди Миши» Чернова.

Этот альбом с рабочим названием **«Завершилась Зима»** нами завершён так и не был, несмотря на то, что работа растянулась на всю зиму 2001-2002. Мне вдруг резко разонравилась эта запись, эти аранжировки, этот звук. То, что так мощно и радостно звучало на концертах и репетициях, в записи стало безнадежно унылым. Более всего меня удручал вокал – я вбил себе в голову, что в домашних условиях нам никогда не добиться нужного звука, и желания продолжать работу у меня не было.

С подачи Толяна мы перезаписали все голоса в студии Алексея Итюжова, лидера группы НАЧАЛО ВЕКА, но результат оказался столь чудовищен, что альбом был закрыт окончательно. Качество записи вокала было просто прекрасным, но с грязно записанным инструменталом оно не сочеталось вообще никак. Всё это звучало в лучшем случае как караоке, поэтому

данная запись нами никогда и никак не распространялась. Но главной проблемой было то, что в силу некоторых внутренних причин я попросту не смог спеть свои песни с тем настроением, с которым они сочинялись и с которым должны были звучать. Это был чувствительный удар для меня, и я на долгое время потерял интерес к студийной работе. Мне всегда приносили удовольствие концерты и репетиции, но как только дело доходило до записи, во мне включался какой-то ступор. Прошло несколько лет, прежде чем он исчез.

Работал я в то время воспитателем в подростковом клубе. Звучит увесисто, но на самом деле работа моя заключалась в том, что я сидел на телефоне, поливал цветы и кормил попугая. Первое время там присутствовала начальница и ещё несколько непонятных «сотрудников», но потом они все резко и надолго куда-то свалили, оставив помещение клуба в моём полном распоряжении. Какую, я быстро превратил детско-юношеское учреждение в нечто, не вполне соответствующее его официальному статусу.

Беспробудное пьянство и беспорядочные половые связи меня в конце концов несколько утомили - я уволился из клуба и устроился балалаечником в оркестр местного театра, где работал Толян. При поступлении на работу я честно признался, что никакого музыкального образования у меня нет, но местное начальство не видело в этом никакой проблемы. В оркестре я продержался довольно долго и не только научился более-менее сносно играть на балалайке, но и приобрёл опыт написания аранжировок и вообще понятие о том, как делается музыка.

15 марта 2002 г. безумный Майор устроил безумный фестиваль в ДК им. Петрова, куда пригласил вообще все волгоградские группы, которые он знал. Само собой разумеется, что при таком количестве участников время выступления каждой команды стремилось к нулю. Мы бодро отыграли «программу» из трёх песен и укатили домой, а на другой день стало известно, что фестиваль завершился погромом и вмешательством ментов. [\[видео\]](#)

Той же весной я сыграл акустику на панк-фестивале в клубе «Гороскоп», после чего опять было какое-то побоище, которого я опять не застал. Волгоградские панки тех лет в большинстве своём придерживались «традиций» раннего Свина, однако без присущего Свину артистизма и юмора. Неудивительно, что музыка АХН в этой среде воспринималась в лучшем случае с недоумением и про нас ползли самые нелепые слухи, что мы гомики, наркоманы, нацисты, евреи и так далее. Впрочем, мы и сами отчасти способствовали росту этой мифологии.

Работа в театре отнимала много времени и сил. Надо сказать, что я никогда не принимал всерьёз театр как таковой, считая его таким же условно-прикладным видом искусства, как балет или опера. А тот «храм», в котором служили музам мы с Толяном, и вовсе представлял собой всё то, что так беспощадно описал Куприн в своём рассказе «Как я был актёром» (если не хуже). Да, театр, как и рок-н-ролл, имеет оборотную сторону, и эта сторона отратительна.

А летом наступил очередной апофеоз ахээнщины, и был это очередной День Города. Городом в данном случае была Палласовка – небольшой населённый пункт на северо-востоке Волгоградской области, рядом с казахской границей. Устраивал это дело местный комитет по культуре, в котором совершенно случайно работал приятель Санька Акжигитова. Обращались с нами как с какими-то звёздами: прислали за нами и нашими инструментами машину, по прибытии на место поселили в гостиницу. Кормили нас несколько раз в день в местной столовой, там было холодное пиво и вообще всё было очень прилично. И ещё там был бильярд.

Весь первый день мы только и делали, что шатались по городу и пили. Осмотрели и место, где нам предстояло играть. Это была центральная площадь Палласовки, с одной стороны стояло здание городской администрации, с другой стороны протекала речка с лягушками. Концерт должен был состояться вечером второго дня, поэтому решено было не нажираться чересчур сильно. Очень уж не хотелось ударить лицом в грязь перед гостеприимными палласовцами.

На разогреве у нас была группа РАСКАТ ВЕСЕЛЬЯ, которая гнула романтическую раннецоевскую линию и гитаристом которой был мой старый знакомец Дима Назаров, он же

просто Назар. К утру второго дня «раскатовцы» добрались до Палласовски автостопом, разделившись на две группы.

Выпив неимоверное количество минералки с кумысом, мы пришли в норму и были исполнены решимости устроить палласовцам незабываемый День Города. И мы действительно это сделали. Правда, не совсем в том смысле, в каком нам хотелось.

Санёк был единственным из нас, кто жил не в гостинице, а у своих палласовских друзей. Возможно, на радостях он выпил там больше своей нормы (раньше за ним такого не водилось). Возможно, просто перенервничал почему-либо (такого я тоже никогда за ним не замечал). Но факт остаётся фактом – как только мы вышли на сцену, Санёк заиграл нечто ужасное, не имеющее отношения ни к песням АХН, ни к нашему миру, и продолжал играть это в течение всего выступления.

Народ, впрочем, реагировал весьма положительно. Самое удивительное, что некоторые даже знали слова и подпевали. Никогда не угадаешь, что человеку нужно.

Утром третьего дня мы отправились домой, и у меня возникло чувство, что очередная глава нашей истории закончилась, пора переворачивать страницу и писать новую. Собственно, она начала писаться в эти же дни сама собой, когда на нашем пути появился Петёк, он же Ерофей Петрович Непьющий.

Сохранилась курьёзная запись под названием **«Песни Моря И Людей В Нём»**. Жарким летним вечером прогуливались мы с Витамалистом в пойме реки Царицы и набрели на заброшенный долгострой, известный в народе как Море или [Морятник](#), где обнаружили группу ВОЗРОЖДЕНИЕ (впоследствии - ДИКТАТУРА СЕРДЦА) в полном составе и со Слайвером во главе, которые пили пиво и орали песни. Нам тут же было предложено принять участие (и в пьянке, и в сейшене), и предложение было с удовольствием принято. Всё это дело записывалось на диктофон. Кассету-оригинал я впоследствии отобрал у Ерофея Петровича и сделал из неё небольшую выборку. Аннотация на обложке, написанная Ерофеем, была настолько великолепна, что привожу её целиком с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«Акустический сейшин в Море (на балконе) - 20.06.02. Записан на звукозаписывающий агрегат, работающий от автономного питания, чёрной окраски, имеющий маленькие габариты, который наблюдается в собственности у Талалаево Олега. Песни исполняли следующие исполнители: Григорий Потапов, Витамалист, Sliver, Ваню, Талалай. Голос изредко подавали: Ерофей, Bond, Юля. Аплодисменты обеспечивал Ерофей. На песне "Пусть людям хватит Хлеба" голос, отнимающий гитару принадлежал Юле. Витамалист находился в сандалях».

★ 2002. Мы не умеем

Ярослав Багров

Вспоминаю промозглую осень 2002-го: вечер, стою в переполненном троллейбусе, чему-то загадочно ухмыляясь. Нетвёрдо стою. Однако неуклонно продвигаюсь в интересующем меня направлении, поскольку имею при себе двухлитровую бутылку пива, к коей, невзирая на тесноту и тряску, время от времени и прикладываюсь. На работу еду.

Собственно, так происходило почти всякий раз. Утром я уходил в театр, оттуда сразу ехал в «Копейку» на репетицию ВОДИТЕЛЕЙ, после чего возвращался в родной гадюшник на вечернюю репетицию. Иногда после работы происходила ещё и репетиция АХН, так что домой я попадал ближе к полуночи.

В первый раз мы собрались ещё в августе, дабы выступить на фестивале «Эскапада». О том, чтобы играть в электричестве, не могло быть и речи – Толян и Ку к тому времени уже настолько искозырялись, что предложение ехать на другой конец города, чтобы сыграть на убогонькой сцене, с дерьмовым звуком, всего одну (!) песню, просто-напросто вызвало бы у них издевательский смех. Так что, вероятно, больше от отчаяния, нежели по каким-то принципиальным соображениям, решено было сделать что-нибудь акустическое. Вначале,

кажется, предполагалось, что нас будет двое – Витамалист и я, но тут каким-то таинственным образом к нам присоединился Ерофей Петрович Непьющий.

Я пересекался с ним ещё в 2001-м, на каких-то дурацких квартирниках, причём даже не знал, как его зовут. И он всё время рвался мне подыграть, но я отнекивался в том смысле, что нечего музыку портить. Потом он стал играть со Слайвером, и они периодически приезжали ко мне что-то записывать. То, что он псих, я заподозрил, когда он не пожалел кассет и переписал у меня всё АХН. То есть, ВСЁ – и концерты всякие, и репетиции, и Толика, и Жукова, и КУДА, ГРИГОРИЙ? – весь мой архив. Никто ещё на такое не решался. Как-то раз он позвонил мне и предложил встретиться. Я удивился, но сказал: «Ну, давай...» Петёк встретил меня после работы – я, кажется, как раз получил зарплату и мы, естественно, зашли в магазин. Я встал в очередь за пивом, дал ему деньги и говорю: «Купи, пожалуйста, сигарет, пока я стою». Петёк побелел лицом, весь затрясся и еле слышно проговорил: «Я не умею...» «Что?» – не понял я. Он ещё больше прижух и прошептал: «Я не умею покупать...» Ну что тут было ответить?! В тот же день мне довелось увидеть ещё много чего – Ерофей упирался лбом в батарею, залезал в шкаф, внезапно замирал, наклонившись вперёд и стоя на одной ноге. В эти моменты он, похоже, ничего не видел и не слышал, да и вообще был где-то не здесь. Из его путаных объяснений я понял, что таким образом он пытается обрести душевное равновесие (другими словами, свихнуться окончательно). В кармане у него всегда лежал портрет Пущина. То есть просто нарисована ручкой какая-то рожа и подписано: «Пущин».

Ну так вот. Ерофей Петрович изъявил желание поиграть с нами на гитаре. Первой песней, за которую мы взялись, была песня «Романс». Получилось очень здорово и необычно – такого мы ещё не делали. Всегда хотел попробовать что-нибудь по-настоящему красивое и лирическое, не впадая при этом в пошлую стилизацию. Собственно, это одна из немногих вещей, что действительно вышли КАК НАДО, а не притянулись за уши. Поскольку АХН к тому времени, если быть откровенным, из живого организма эволюционировало в компанию случайных людей, со скрипом собирающуюся раз в несколько месяцев, пора было или прикрывать лавочку хотя бы на время, или отправляться в новое путешествие – с новыми людьми и новыми песнями. Название проекта предложил Петёк – и попал в точку. Дело в том, что ещё в хлебобулочные времена я написал рассказ «[Водитель киоска](#)», посвящённый Витьку Ягнакову и, на мой щедушный взгляд, не только отразивший все наши мечты и надежды (равно как и мою личную мифологию), но и... В общем, рассказик этот, довольно-таки неказистый с художественной точки зрения, для меня – едва ли не единственное, над чем не хочется стебаться и отрешиваться. Даже не то, о чём он – идея весьма банальна – а то, что ВНУТРИ. Не уверен даже, что это я написал.

Короче говоря, сделали мы «Романс» и отправились в Красноармейский на «Эскападу». Фестиваль был двухдневный: в первый день играли в кинотеатре «Ровесник», а во второй – на открытой площадке перед каким-то музеем, без сцены, без ничего. Совок там, конечно, царил полнейший: какие-то папики в пиджаках расхаживали, первокурсники всякие в фенечках-писечках-сисечках (Витамалюга эхал) стишки читали, барды, юмористы, ВИА пэтэушные... Да! Самое страшное! Перед фестивалем было прослушивание (!), где каждый участник должен был заплатить по 10 рублей (!!) и залитовать тексты (!!!). Мне всё время казалось, что вот-вот из-за угла появится «дорогой Леонид Ильич» и всех расцелует. В фойе «Ровесника» проходила выставка экзотических животных, и мы ходили и рассматривали всяких игуан и мартышек. Я впервые в жизни увидел живого крокодила!..

Когда объявили, что на сцену приглашается группа ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ, я чуть не задёргался от такого маразма. Но назад пути уже не было – вышли и отыграли. Петёк настраивал гитару прямо посреди песни... Во всём фестивале было лишь несколько светлых пятен – Стас Ефросинин со своей группой ВАХТА-СТЕПЬ, Коля с бессмертной «Весной» и акустический РАСКАТ ВЕСЕЛЬЯ – Фан, Коля и Назар.

На следующий день было ещё веселее: сумасшедший дедок приставал ко всем с байками о Ленине, а потом развлекал панков игрой на баяне, устроили атонально-авангардный джем с Алёшей Литвинцевым, что-то орали, падали... Я пошёл в киоск за пивом и слышу: «А сейчас выступает группа ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ!» Помчался со всех ног к сцене, ведущий меня увидел и говорит: «Водитель никак от киоска не отлипнет...» Завершился фестиваль коллективным исполнением «Поперёк Горла» под аккомпанемент группы ВОЗРОЖДЕНИЕ.

А потом этот, в общем-то, одноразовый проект неожиданно перерос в полноценную группу. Ерофей Петрович поступил учиться в Колледж Потребительской Кооперации (сокращённо – «Копейка») и чуть ли не в первый же день разузнал, что там есть «каморка, что за актовым залом», где имеются барабаны, аппарат и можно играть всякие музыки. Культурно-массовыми мероприятиями в «Копейке» заведовал некто Дмитрий Назаров (!). Пиздец в том, что когда мы придумывали название группы перед прослушиванием на «Эскападу», одним из вариантов было как раз ДМИТРИЙ НАЗАРОВ – в честь одноимённого любезного гитариста.

Первоначально в качестве басиста и ударника предполагались Димок и Роман из михайловской группы МЕДПУНКТ, но что-то не срослось, и Петёк предложил взять на бас Фана. Причём как только он это сказал, открывается дверь (дело было у меня) и заходит Фан. Мы тут же без обиняков ему заявляем: «Фан, ты – басист», и проблемы как не бывало. А я всегда мечтал поиграть на барабанах, хоть и не умел совершенно (разве что на клавишах иногда постукивать пытался) – вот вам и ударник! Играть на гитаре и петь мне не хотелось, потому что это было бы АХН, а от этого как раз нужно было отойти. По той же причине ни к селу ни к городу был и Витамалист. Да и на барабанах я хотел поиграть лишь первое время, для собственного удовольствия – а там, глядишь, и нормальный ударник бы отыскался. У меня была идея: собрать группу, желательно из людей с нулевым опытом, но очень энергичных и восприимчивых, направить «куда надо» и даже, может быть, подбросить кой-какой материал – а потом отойти в сторонку и посмотреть, что получится. То есть ни в каком музицировании не участвовать, а быть таким «духовным руководителем», что ли.

На ритм-гитару Петёк пригласил маленькую худенькую девочку по имени Дина, что привело нас всех в дикий восторг – такое юное застенчивое Avril Lavigne-подобное создание в нашей компании должно было смотреться просто сногшибательно! Играла она, конечно, весьма условно – да это было и не важно, поскольку функции её были чисто внешними. А место вокалиста было предложено Ване «Паяльнику», фановскому другу и редкостному дураку, замечательному прежде всего тем, что он никогда в жизни не играл в группе и не выступал на сцене. Ну и певец он, разумеется, был великий.

В общем, где-то в октябре мы начали репетировать в «Копейке». Ещё раз напомним: я никогда прежде не играл на барабанах, а тут сел – и сразу начал стучать. Просто понял, как это делается. Так же, как и с балалайкой в своё время – берёшь и играешь! Нас, что называется, «пёрло», мы могли играть часами без остановки, невзирая на любую лажу. Останавливались, пожалуй, только когда у меня ломались палочки или педаль – колошматил я немилосердно. Коля Жуков, прознав о том, что в кои-то веки появилась база, тут же решил собрать состав для своей мифической группы ДЕТСКИЙ КОМБИНАТ – естественно, с теми же самыми рожами, поскольку других просто не было. Причём на гитаре у него сначала должен был играть Витамалист. В конце концов все остались на тех же местах, что и в ВОДИТЕЛЯХ КИОСКОВ (то есть кто на чём не умеет). Так что группы отличались друг от друга только вокалистами (и к тому же Витамалист всегда пел вместе с Колей «*Полетел Снежок Над Обью*»). Андрюша, кстати, так и остался петь в ВОДИТЕЛЯХ, поскольку «штатный вокалист» Паяльник свихнулся на почве рыбалки и не ходил на репетиции.

Надо сказать, что собирались мы всегда на удивление легко – только позвонишь, а все уже тут как тут. Да и вне репетиций мы общались регулярно, сопровождая сие изрядными возлияниями. Помню, какого труда в то время стоило устроить репетицию АХН – за неделю всех разыщешь, предупредишь (чтобы найти Саньку, нужно было ехать к нему в общагу и оставлять на вахте записку), а в самый последний момент случится какой-нибудь облом. С «молодёжью» же никаких обломов не возникало – Фан даже специально отпрашивался с работы, чтобы поехать в «Копейку». Наверное, во всём этом присутствовала некая пассионарность, неизвестно от кого и чего исходящая. Было ясно, конечно, что «музычка» наша, мягко говоря, не ахти, да и вообще это бред – само существование такой группы, но мне почему-то ничего было не страшно. Я просто был уверен, что мы – НЕПОБЕДИМЫ. Да мы, наверное, и были такими. Всё было максимально честно, без дурацких претензий и амбиций – прямо как в «старые добрые времена». Мне казалось, что примерно так же было у американских гаражников 60-х годов, да так оно и должно быть на самом деле. Сидит какой-нибудь дурак (допустим, я), играть ни хрена не умеет – но ведь он же играет!!! Я изобрёл свой собственный стиль игры на барабанах, довольно кретинский с точки зрения мало-мальски приличного ударника – непрерывно, на протяжении всей песни бьющая бочка и брейки, состоящие из одного-двух ударов. Такого даже у группы КИНО, по-моему, не было.

29 ноября мы устроили «второе пришествие» в Советском ДЮЦе. Три группы (ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ, ДЕТСКИЙ КОМБИНАТ и АХН) играли одним и тем же, по сути, составом. Впервые оказавшись на сцене в качестве ударника, я чувствовал себя полным идиотом (а тут ещё Ку сбоку сидит и со смеху покатывается), но, как ни странно, всё прошло на удивление благополучно. [\[видео\]](#) С АХН же произошла следующая история: за день до концерта была единственная, как водится, репетиция (причём без Витамалиста – он работал), и Санёк почему-то приехал без гитары. Ну, делать нечего, я отдал ему последние деньги и отправил домой за инструментом. Времени, думаю, ещё порядочно, сейчас съездит, вернётся и нормально поиграем. Проходит час, другой – Санька нет. И тут Ку с Толяном говорят: «Да ну и хрен с ним, с блэкмором этим! Давай вообще без гитары играть». Я такой: «Как это?!» А они мне: «Нормально, на балалайке сыграешь». За балалайку я уже не брался давненько (в последнее время всё больше за палочки от детской кровати), да и не было у меня её с собой – поэтому пришлось петь под барабаны и бас. А Санёк так и не приехал. Не приехал он и на другой день. Вот так, спонтанно, у нас появился новый удивительный звук: бас, барабаны и балалайка! Лукьянов спросил: «А где же гитара?» А гитары нет. Получилось неплохо, хоть и статично (а куда я с балалайкой от микрофона денусь?), и звук на сцене... в лучших традициях. В концовке «Попсовой Песенки» Андрей пытался голосом изображать «pitch» на несколько октав вверх, а я мерзко проблеял: «She's running out again...» [\[видео\]](#) Очень уж допекли нас все эти бритпопско-альтернативные кастратики во главе с группой RADIOHEAD. В общем, Полный ПизДЮЦ, как и следовало ожидать, состоялся. Санька я потом ещё очень долго не видел и ничего о нём не слышал. Запись выступления ВОДИТЕЛЕЙ, являющая собой единственное сохранившееся свидетельство существования этого в высшей степени оригинального состава, была впоследствии включена в качестве бонуса в альбом **«Мы Не Умеем»**.

В декабре был второй, и последний, концерт ВОДИТЕЛЕЙ и КОМБИНАТА в «Копейке». Там было ещё более свирепо. Играли на хорошем аппарате, предоставленном какой-то якобы крутой группой (название забыл), Коля с Витамалистом нарядились в костюмы, а я напялил драный зелёный пиджак, найденный на помойке. Поганое, конечно, словечко – «драйв», но там он самый и был – ого-го! Даже Дина приплясывала.

На Новый 2003 год мы собрались вместе в последний раз. К сожалению, всему настоящему Великому обычно приходит тихий и незаметный конец – как само собой разумеющееся. А у нас с самого начала всё было так хорошо, что даже не верилось. Наверное, это правильно, что группа (именно Группа, а не вымышленный мир красных «Запорожцев») просуществовала так недолго – не дай Бог, превратились бы потом в обыкновенный «бэнд», «лабали» бы на всяких «сейшенах», записывали всякие «демо»... В этом нет, конечно, ничего такого уж страшного. Просто кончилась бы Сказка.

★ 2003. Родом из детства

Ярослав Багров

В течение 2003 года не происходило практически ничего. Не было ни концертов, ни репетиций. А были лишь разговоры, сомнения и метания крайне тревожного свойства. Происходило всё это на почве алкоголизма в основном.

Первая рюмка водки была выпита мною в 14 лет. Никакой рюмки, конечно, не было – это просто так говорится. Пили на улице из горла. Довольно долго я выпивал лишь несколько раз в год – на днях рождения и так далее. Особой тяги к алкоголю не было – я даже удивлялся, как некоторые могут пить целыми днями. Когда мы познакомились с Колей, он тоже был не любитель выпить, мы пили с ним вино или пиво раз в несколько месяцев, и этого было достаточно. Позже, когда появился Стас, мы начали понемногу отдавать предпочтение водке, но это по-прежнему происходило очень редко и никаких проблем нам не создавало. Шли годы, появился Витамалист, появился Слайвер, мы стали пить больше и чаще, но нас всё же в первую очередь интересовала музыка, а алкоголь был просто приятным фоном.

Первые серьёзные проблемы появились у меня в 2002, но в то время я ещё мог сдерживать себя и не уходил в запои, к тому же мы всё-таки время от времени репетировали и

выступали. А в 2003 АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ в том виде, в каком его видел я, перешло в воображаемую плоскость (да и вообще всё в жизни пошло наперекосяк), что отчасти и послужило причиной того, что я на много лет провалился в пьяную яму. Выбираться оттуда мне удавалось лишь в краткие светлые моменты, которых с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Должен сказать, что я не вижу ничего экстраординарного в том, что произошло в тот момент со мной и с проектом в целом. И уж тем более ничего трагического. Бывают взлёты, бывают и падения. Алкоголизм – это всегда (или почти всегда) результат крушения надежд. Не я первый, не я последний. Это была финишная прямая, и казалось, что с неё уже не свернуть. До сих пор удивляюсь, как я не сошёл с ума, не стал инвалидом да и попросту не умер от чудовищного количества выпитого мною спиртного (зачастую весьма сомнительного качества). Да-с. Что было – то было.

Как-то ночью мы пили с Витамалистом у меня дома, и внезапно ко мне заявился Толян (разумеется, не с пустыми руками). Он с ходу оседлал любимого конька и принялся громить мировую музыку от Вивальди до Леннона. «Взять хоть Летова, от которого все так тащатся – там же слушать нечего: научился квинтами играть и пошёл хуярить». В тот раз мы лишь посмеялись, но через несколько дней Витамалист пришёл ко мне, взял гитару и сказал: «Есть одна идея». Так появилась песня «Летов», довольно известная впоследствии.

Весной 2003 г. мы зачем-то записали две песни в студии нашего старого знакомого Балакина. Это были «Романтика» и вышеупомянутый «Летов». «Что за Летов? Серёга, что ли?» – спрашивал Балакин. «Нет, не он, а его младший брат, Егор», – смиренно отвечали мы. Результат записи очень порадовал нас с Витамалистом, и у нас даже была мысль записать у Балакина целый альбом, но всё упёрлось в финансовую сторону вопроса.

Летом того же года я совершил поездку автостопом в Москву к Коле Жукову. Коля перебрался в столицу ещё весной, работал там оператором на ТВ. Мы посетили какой-то фестиваль, где познакомились с ТЁПЛОЙ ТРАССОЙ и с Ником Рок-н-Роллом, а по возвращении домой я узнал страшную новость – в Михайловке погиб Саня Устиныч.

Всевозможные «мэтры», «монстры» и прочие старые ослы, говоря о своей «бурной молодости», любят упоминать, что в воздухе что-то такое «носились». Дух или ещё что-то. Не знаю, что носилось в воздухе в начале 2000-х... Может, и не носилось ничего. Мы, во всяком случае, ничего необыкновенного не ощущали. Было ясно, что у всех свои заботы, и никому мы с нашими претензиями не нужны и не интересны. И что это, в общем-то, нормальный и неизменный порядок вещей. И мы не хотели вписываться в этот порядок. И даже не пытались. Смогли бы мы или нет – этот вопрос значения не имел. Мы часто весьма уничижительно отзывались о себе, в том числе и публично – говорили, что мы лохи, растыки и так далее. Разумеется, ни лохом, ни растыкой никто себя не считал. Но говорилось всё это отнюдь не из кокетства. Система ценностей, в которой нам волей-неволей приходилось существовать – мы презирали её. И не желали иметь с ней ничего общего. Ведь как обычно принято? «Стану известным, бля, разбогатею, на хуй, и всего себе накупаю!» Я не говорю, что это плохо. Но это никогда не было ЦЕЛЬЮ. «Успех» – КАК Я ЕГО ПОНИМАЮ – не может и НЕ ДОЛЖЕН измеряться мещанским говном вроде бабок, известности, уважения и так далее. Все эти вещи – всего лишь СРЕДСТВА, которые можно использовать, а можно игнорировать. Как это ни банально, для меня всегда самым важным было остаться честным перед самим собой. Это не всегда получалось. И тем ужасней были разнообразные внутренние терзания. Возможно, именно поэтому и я, и все мы были такими, какими мы были. Мы часто шутили – мол, «среда заела» и всё такое, но каждый понимал, что причина кроется в нас самих.

Однажды утром, трясясь от похмелья, я вышел из дома и встретил Ку. Кажется, мы шатались вдвоём по центру, и я наговорил ему кучу горьких вещей. Помню, что он покупал мне пиво и пытался говорить что-то утешительное. Потом я обнаружил себя сидящим на скамейке рядом с Сурскими банями, что неподалёку от Горсада. Не успел толком очнуться, как в голове само собой зазвучало: «Порою по улицам ходишь, молчишь...» Это чуть ли не единственное «нормальное» стихотворение, написанное мной, мы потом прочли с Витамалистом под запись на два голоса.

Что касается стихов – ещё весной того же года я «выпустил» самодельную книжечку с безумным названием «УТЁС, или Сублимация радостей жизни» – сборник ранних (1998-1999) миниатюр, частично использовавшихся в Сюрреализмах, Хлебобулочных Изделиях и прочих домашних проектах. Конечно же, это были никакие не стихи, но я был невероятно горд, что

«написал книгу». Ещё больше я гордился тем, что книга была выпущена анонимно. По моему замыслу это должно было преподноситься как некий эпос, где автора нет вообще. Набирать текст помогала Лада Жолобова – та самая, которая «гипотетический вокал» в альбоме ВОДИТЕЛЕЙ КИОСКОВ. Это была девушка из нашего «ближнего круга», с которой мы иногда что-то пели под гитару просто так, для себя. Когда мы репетировали в «Копейке», была идея попытаться использовать женский вокал. Я пригласил Ладку на базу, мы попробовали с ней песню «Любовь», но никому, кроме меня, её пение не пришлось по душе. Тем дело и кончилось.

Осенью возникла мысль собрать и привести в божеский вид наследие АХН, накопившееся за пять с лишним лет имитации бурной деятельности. Кассетные времена подходили к концу, большинство наших знакомых уже слушало музыку на CD и не без ехидства осведомлялось, когда выйдет диск АХН. У нас, по сути, не было ни одного нормального альбома, то есть коллекции песен, представляющей собой целостное произведение. Были удачные моменты и в «Акустике», и в «Ловушке», и даже в несостоявшемся альбоме «Завершилась Зима», но никаким единообразием в этих «работах» и не пахло (не говоря уже о том, что сыграно и записано всё было чёрт-те как). А жизнь вокруг нас бурлила вовсю. Лёха «Фан» Гривенко ещё в 2002 записал у меня дома альбом своего проекта РАСКАТ ВЕСЕЛЬЯ «Время Идиотов» (в котором я с превеликим удовольствием побасил и побалалаил), а уже весной 2003 объявил о создании новой группы ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ, куда я был приглашён в качестве соло-гитариста. Даже Слайвер записал в том же 2003 у меня дома и с моей помощью свой сольник «Я Знаю, Кто Я», а уж на что распиздай.

Короче говоря, пошарили мы с Витамалистом по сусекам и вытащили на свет Божий все кассеты АХН, которые уцелели за пять горемычных лет и которые нам удалось найти. Концепцию альбома полностью разработал Витамалист. Я, правда, с трудом припоминаю, в чём она заключалась. Мы наметили список песен, которые нужно нести на оцифровку. А потом он уже сам составил треклист – мы сидели то ли у меня, то ли у него, он показывал мне этот список и комментировал каждую песню – почему она именно тут должна стоять. Потом кассеты были отвезены Итюжову, который оцифровал и подчистил нужные песни.

Так появился альбом [«Родом из Детства»](#), этакий Greatest Hits 1998-2003, который долгие годы впоследствии считался нашей первой и единственной официальной работой. Рисунок обложки я решил выполнить собственноручно, хотя последний раз сознательно рисовал что-то ещё в школе (да и тогда у меня это не очень-то получалось). Кудрявого колченогого человечка с раскинутыми руками я нашёл в тетради со своими детскими рисунками. Рисунок назывался «Лёвушкин». В той же тетради присутствовал и траурный портрет Андропова под названием «Гротик», поэтому появление Лёвушкина можно с большой долей вероятности отнести к 1983-1984 г. А 20 лет спустя я воспроизвёл его на обложке альбома, которого я ждал всю сознательную творческую жизнь.

Судьбе было угодно вновь добродушно усмехнуться, и в ноябре-декабре состоялись два концерта в Михайловке. Первый концерт был с Толяном, Ку и Фаном в роли приглашённого вокалиста. Фан пел несколько песен в начале, потом выходил Витамалист. Мне же опять пришлось – спустя годы! – взяться за гитару. Витамалист был в клетчатом пиджаке на голое тело, а шею для пущей важности обмотал шарфом а-ля Боря Усов. Где-то в середине концерта он всё это снял и остался «топлесс» (что было ему совершенно не свойственно).

Второй концерт был гораздо эпичнее. Это был большой во всех отношениях вечер «Когда Друзья Уходят», посвящённый памяти Устиныча и других михайловских музыкантов. Ритм-секция АХН в лице Ку и Толяна ехать в Михайловку отказалась, поскольку у них в этот вечер был очередной супер-важный концерт в каком-то кабаке. Причём сказано мне это было за день до отъезда. Что поделать, пришлось спешно собирать состав из тех, кто был под рукой. Витамалист, как ему и полагалось, был на вокале. Я взялся за балалайку, а Фан за ритм-гитару. На второй гитаре играл невесть откуда взявшийся тип по прозвищу Дурень. У него, разумеется, было имя, но я его не назову, потому что это был совершенно нулевой музыкант, к тому же законченный мудака. Пускай этот случайный человек так и остаётся в нашей истории как Дурень. Мы были единственной группой, игравшей в акустике, к тому же с единственной репетицией за плечами, но прозвучало всё довольно убедительно. Иначе и быть не могло. [\[видео\]](#)

Это был очень важный момент. Мы все и всегда очень сильно зависели от собственных внутренних заморочек. И это подчас выматывало все силы, отвлекало да и попросту мешало жить. Я же продолжал оставаться идеалистом и «экстремистствующим уебаном». Мне страстно хотелось, чтобы маленький мир, которым являлось АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, не подчинялся никаким законам, кроме своих собственных. И чтобы в нужный момент мог отказаться и от них.

Тогда же было решено зафиксировать и материал ВОДИТЕЛЕЙ КИОСКОВ. Единственным из нас, у кого был компьютер, был Петёк. Первоначально планировалось записать всё от начала до конца у него дома, но Петёк к тому времени подался в религию и в танцы, поэтому работать с ним стало весьма затруднительно. Я приезжал к нему два или три раза, мы забили с ним в секвенсоре дорожки баса и барабанов, поскольку сделать запись живой ритм-секции не представлялось возможным. Петёк записал эти дорожки на диск, я отнёс диск к Витамалисту и переписал на его музыкальном центре на свою кассету. И только потом мы стали у меня дома накладывать на эту изуверченную ритм-секцию всё остальное.

Кажется, именно тогда я сообразил, что с помощью имеющихся у меня двух дек можно осуществлять примитивное сведение и даже (!) «разбрасывать» инструменты по каналам. Что тут же с энтузиазмом и попробовал.

Альбом получился маленький, но бодрый. В песне «Тормоз» я записал живое пианино (что мечтал сделать уже довольно давно), а Фан исполнил прекрасное наивное соло на блокфлейте. В песнях «Любовь» и «Безумный Мир» (принадлежащих Двадцатьвосьмому и ТЁПЛОЙ ТРАССЕ, соответственно) проникновенно спела Юля Сушкова, преподаватель русского языка, литературы и просто прекрасный человек. Юля приносила на запись горькую настойку, совершенно серьёзно говоря: «Это - чтобы связки прогреть... Ну и для души, конечно». Но подлинным воплощением нашего тогдашнего безумия стал «Блюз Водителей Киосков». Витамалист сочинил несколько куплетов, стоя под душем, и на очередной посиделке со смехом показал мне. Я тут же за один присест дописал оставшиеся куплеты, и новый «хит» был готов. Мы несколько раз пробовали взяться за эту песню ещё на базе в «Копейке», но как-то не сложилось, и она так и осталась в акустике. На записи же мы сделали вот что. Я настроил довольно дурацкий звук гитары, мы порепетировали с Витамалистом и поняли, что в песне необходима какая-то перкуссия, иначе будет звучать чересчур голо. А у Андрея была привычка во время пения отстукивать ритм ладонями по коленкам. Не мудрствуя лукаво, я поставил ему два микрофона, по одному к каждой коленке, мы быстро отстроили звук и так и оставили.

Альбом был закончен к Новому году (чуть ли не 31 декабря) и назван [«Мы Не Умеем»](#). Название, я полагаю, говорит само за себя. Таких идиотов, какими в то время были мы, не должно было быть в принципе. Но мы были. Так записывать альбомы тоже нельзя было в принципе. Но мы записали.

★ 2004-2005. Нищие духом

Ярослав Багров

После Михайловки мы ещё сильнее сблизились с Фаном. В отличие от меня, он пил в то время довольно мало и к пустопорожнему трёпу был совершенно не склонен. «Нужно что-то делать», - говорил Фан. А я сидел дома, варился в собственном соку и ничего делать не собирался. Из театра меня вышибли ещё осенью, искать какую-то другую официальную работу я не хотел. Песни почти не писались, а если и писались, то обычно выходило такое унылое мракобесие, что я тут же всё рвал и спускал в унитаз. Довольно часто (да чего там - почти каждый день) ко мне приходили разные знакомые и полужнакомые люди, и их карманы не бывали пусты. Мы выпивали содержимое карманов, но пустоту в душе это не заполняло. Не было настоящего ДЕЛА - и не было сил что-то менять. Казалось, ещё немного - и всё наладится само собой, кто-то наверху нажмёт кнопку и жизнь снова обретёт смысл и заиграет яркими красками. А пока что я сидел в четырёх стенах, бухал, толстел - ничего не менялось. Удивительно, не правда ли?..

Но наступил 2004-й и что-то задвигалось. В январе мы с Фаном записали совместный акустический альбом «**Придётся Забыть**». Две гитары и два голоса - ничего особенного. Но

впечатление от прослушивания оказалось столь апокалиптическим, что было решено эту запись не распространять, а оставить для личного, так сказать, пользования. И я, и Фан всегда придерживались, пусть и неосознанно, какого-то образа в своих песнях (не говоря уже о публичных выступлениях). Но в данном случае ситуация вышла из-под контроля - всё прозвучало чересчур пронзительно и откровенно. Наверное, петь на голом нерве можно и нужно далеко не всегда... Не думаю, что когда-нибудь эта запись будет доступна широким массам, но сам факт записи этого альбома явился немаловажной вехой в истории как АХН, так и ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ.

Тогда же мы узнали потрясающую новость: у нас в городе открывают рок-клуб! Это была первая попытка объединения разрозненных волгоградских движух, свидетелями которой мы стали. Само собой разумеется, что мы тут же с восторгом возжелали стать ещё и участниками.

Петровский рок-клуб, как следует из названия, базировался в хорошо известном нам ДК им. Петрова. Кажется, я только тогда узнал, что этот самый Петров был одним из бакинских комиссаров, а вовсе не тем, что тусовался с Васечкиным.

Руководителем клуба был звукооператор ДК Виталий Проулочнов. Несмотря на свою молодость, он здорово смахивал на комсомольского активиста со стажем и страшно любил всякие объявления, заявления и прочие бюрократические штучки. Каждый рок-клубовский концерт начинался с того, что часов этак в 12 дня Виталия собирал всех музыкантов в зале ДК и в подробностях рассказывал о нелёгкой судьбе рок-н-ролла в России и вообще. Это у него называлось «проводить собрание». Когда собрание заканчивалось, из подсобки выносились и расставлялись барабаны, аппарат и всё остальное, необходимое для проведения концерта. После чего все были свободны до вечера. Поскольку времени до концерта был вагон, а ехать по домам никому не хотелось, музыканты разбредались по окрестностям и делали сами понимаете что. Случалось, что до концерта «доживали» не все.

АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, формально существовавшее 7-й год, в умах людей на тот момент являлось уже чем-то полулегендарным. Ситуация была совершенно абсурдной: все знали, что есть такая группа, знали о каких-то безумных безобразиях, якобы учинённых нами, но при этом похвастаться тем, что видели АХН живьём, могли единицы. Витамалист как-то раз услышал «*Так И Будем*» в исполнении каких-то молодых панков в подземном переходе и остановился послушать. Но никто из них его не узнал и даже не обратил внимания. Когда он рассказал мне об этом случае, мне, конечно, было очень приятно, но вместе с тем это показалось чем-то диким. И тогда мы решили, что нужно играть везде и всегда. Во что бы то ни стало.

В составе, как и три года назад, были два человека - Витамалист да я. С «козырными типами» Толянном и Ку не то что сотрудничать - просто общаться-выпивать уже не хотелось. Если раньше противоположность взглядов была интересна и даже по-своему продуктивна, то теперь она не вызывала ничего, кроме отвращения. Мы с Андреем к тому времени с головой ушли в изучение панк-рока, причём это нисколько не противоречило всему, что мы любили ранее. В течение одного и того же вечера у нас преспокойно звучали DEAD KENNEDYS, Утёсов, Двадцатьвосьмой, Литвинцев, Дассен, RAMONES и ТЁПЛАЯ ТРАССА. По части кинематографа же наши предпочтения были стабильны. Смотрели мы преимущественно советское - от Эйзенштейна до Абдрашитова. Один раз я узнал, что в 6 утра по ящику будут показывать «Чапаева», и специально встал, чтобы посмотреть и записать этот великий фильм (это сейчас сделал пару кликов мышкой и скачал хоть «Чапаева», хоть порнуху XIX века - а тогда такие вещи были редкостью даже на кассетах, да и не было у меня денег на кассеты тогда).

Дошёл до меня как-то маловразумительный слух, будто в годовщину гибели Пушкина состоится возле памятника ему некое собрание волгоградских поэтов. «Надо же», - думаю. «Сходить, что ли? Ни разу живых поэтов не видел». Народу пришло немного - какие-то трухлявые члены Союза Писателей да девочки-старшеклассницы. И ещё несколько раздолбаев со мной за компанию. Чушь была оглушительная! Девчонки ещё туда-сюда (Эх, молодость, молодость! Ни тебе цинизма, ни иронии беспонтовой... Где мои 17 лет?!), а вот старпёры эти... Бедный А. С., наверное, просто в гробу кувыркался, кроя их отборнейшим матом. И тогда я вышел и вежливо сказал: «Разрешите, я прочту».

Чуть-чуть пованивает чем-то –
Тухлятиной? Дерьмом ежа?
Рыгнёт? Засохшею кончиной?
Носками старого бомжа?

Не знаю. Чем же тут воняет?
И вроде в комнате прибрал,
Всё вытер и пропылесосил,
Подмёл, погладил, постирал.

А запах всё не утихает,
Мешает жить, мешает спать,
Подёргать хуй – и то мешает!
Пиздец, короче, на хуй, блядь.

Не в силах вынести вонищи,
Я вышел покурить во двор.
Стою, курю – а рядом нищий
Святой мочой кропит забор.

«Что, парень, тяжело жить на свете?
Дай, докурю... В твоей судьбе
Есть вонь, и за неё в ответе
Один всевидящий Уэ.

Ты вспомни сам – ведь было время,
Когда любил, мечтал, порхал,
И рвался в бой, и ногу в стремя
Готов был сунуть, но – просрал...

И вот всё кончилось, бедняга –
Угробил ты свою мечту.
Стоишь и слушаешь бродягу,
Как мент позорный на посту.

А вонь... Что вонь? Ты к ней привыкнешь,
Войдя в прекрасный новый мир,
И за дорогу к Свету примешь
Тропинку, что ведёт в сортир».

Читатель! Дабы пыл умерить,
Засунь-ка рожу в унитаз.
Так будет в сто крат легче верить,
Что ты – поганый пидарас.

Всё это было, конечно, очень хорошо, но для электрического концерта нужно было набирать электрический состав. Тем более что и репетиционная точка имелась в том же ДК. Вот тогда-то Лёха Слайвер и занял наконец давно предназначавшееся ему место за ударной установкой! На гитаре по-прежнему играл Дурень, и играл на редкость ублюдочно, считая себя при этом последователем Сатриани (более того, он себя именно так - «Сатриани» - и величал). На бас был приглашён давний соратник Вальдемар, в чьей способности подготовить за один вечер все песни с нуля никто не сомневался. И ещё я захотел задействовать балалайку. Это была копеечная пластмассовая балалайка с гитарными струнами и звуконосителем из батарейки от часов. Купил я её ещё осенью 2000 г. у бабки по объявлению. На ней и учился играть, собственно. Я оклеил её ГДРОВскими наклейками с цветами, зайчиками и собачками - получилось очень жизнерадостно. Была у меня мысль обозвать этот проект НИЩИЕ ДУХОМ или ещё как-то парадоксально... Но на первой же репетиции стало ясно, что всё, что мы делаем - это АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, и юродствовать тут нечего.

28 февраля 2004 г. состоялся фестиваль Петровского рок-клуба под условным названием «Начало Оттепели». Как говаривал Карабас-Барабас, это был просто праздник какой-то. Это было именно то, чего мне так давно и страстно хотелось. Да, это был РОК-Н-РОЛЛ!!! Я наконец-то почувствовал, что и я, и все мы - не просто тусовка, а настоящее живое Движение. Нас было немного, но вместе мы были сокрушительной силой, способной противостоять всеобщему охуению. Я свято верил в это тогда. Продолжаю верить в это я и сейчас, хотя прекрасно понимаю, что в этом нет и не может быть никакого смысла. Наверное, так оно обычно и бывает. Надо сказать, что нормальных концертов у нас в Волгограде не было на тот момент уже года два. А были лишь полупьяные домашние междусобойчики, которые и квартирниками-то назвать язык не поворачивался. Поэтому воодушевление было просто чудовищным! Вся наша партизанская обойма наконец-то была в сборе. Ещё никогда не случалось, чтобы в одном концерте играли АХН, ВОЗРОЖДЕНИЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ, РАСКАТ ВЕСЕЛЬЯ, ДЕТСКИЙ КОМБИНАТ, ВАЛЬДЕМАР, ЗА И ПРОТИВ. Я принимал участие в 5 проектах (не считая спонтанных выбеганий с плясками и подпевками), для чего привёз с собой полный пакет шмотья - по «костюму» на каждый выход. Во всех этих группах, по сути, играли одни и те же люди, поскольку даже мало-мальски «врубающихся» музыкантов тогда было днём с огнём не сыскать. С пидарасами же, мечтающими о бабках и тачках, никто из нас рядом и срать бы не сел. А за мою фразу «сейчас будет НАСТОЯЩИЙ рок» меня тогда, кажется, возненавидели все, кто не принадлежал к нашему мифическому творческому объединению. Сохранилась видеозапись этого безумия, сделанная Колей Жуковым и его подругой. Коля тогда как раз взял отпуск и приехал в Волгоград, чтобы как следует с нами покуролесить, а тут - бац! - концерт! Как упустить возможность выступить?! Всё бы хорошо, но кларнет его остался в Москве, а в Волгограде взять инструмент хотя бы на день было решительно не у кого. И тогда Коля опять поехал в Москву, забрал кларнет и вернулся. [\[видео\]](#)

После концерта состоялось грандиозное «обсуждение» у меня дома, в котором участвовали человек 15 как минимум. Были люди из Михайловки, из Воронежа... Кончилось тем, что Жуков женился на Ирке Вербенко прямо у меня на кухне. Вместо обручальных колец были кольца с водочных бутылок. Я был у них свидетелем (а может, и священником, не помню). А утром мы ни с того ни с сего отправились на Лесобазу, где сняли на камеру несколько странных сюжетов. Никто даже приблизительно не представлял, что мы будем снимать и что из этого выйдет. Это был полнейший экспромт. В 2010 году из этого материала был смонтирован короткометражный фильм «Не Было И Нет». [\[видео\]](#)

Концерты в ДК Петрова шли всю весну. ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ, где я был задействован как гитарист, было одной из самых активных рок-клубовских команд, мы постоянно репетировали и выступали. Именно тогда я сделал для себя пару не совсем приятных открытий. Первое - когда концерты происходят слишком часто, это приедается и перестаёт быть Праздником и Откровением. Превращается в ремесло. Собственно говоря, ничего ужасного в этом нет, это всегда происходило и будет происходить со всеми, кто взял в руки гитары. Но очень важно не пропустить момент, когда нужно переступить через это в своей душе и не позволить делу своей жизни превратиться в «хобби» или в «работу». Второе же открытие заключалось вот в чём. Во всём, что было связано с концертами - от организации до реакции зрителей - появился необъяснимый привкус говна. Меня не покидало чувство, что никому ничего нафиг не нужно и нас держат просто за развлекуху. Либо играй на потребу, либо оставайся вечным маргиналом и аутсайдером. А я не хотел ни того, ни другого. В этом смысле с АХН было гораздо проще, потому что после февральского концерта у нас опять всё заглохло, элементарно не хватало людей - Вальдемар уехал к себе в Михайловку, а Дурня я в тот же день отправил восвояси с тёплым напутствием - «Пошёл нахуй, мудака».

17 апреля мы сыграли в ДК минимальным составом: Витамалист и я. Коротенькое акустическое выступление под гитарку внезапно прозвучало очень душевно. Когда мы закончили, Виталья поднялся на сцену и удивлённо сказал: «Да, панк-рок бывает и таким»... Сохранилась запись этого концерта (Виталья записывал все концерты с пульта и составлял сборники, которые потом продавал на последующих сейшенах).

А 15 мая 2004 г. там же состоялся сольник АХН и ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ. Играли не в зале, а на маленькой сцене в фойе, причём барабанщик вместе с барабанами располагался на балконе на втором этаже. Звук при таком раскладе был - сами понимаете... Вдобавок ещё «чувство локтя» пресловутое. Я только тогда понял, как много оно на самом деле значит.

Поскольку никаких новобранцев у нас не предвиделось, я решил не рисковать и пригласил проверенную ритм-секцию. О чём не раз пожалел впоследствии. Толян и Ку, при всех своих профессиональных достоинствах, были людьми из другой Вселенной. На сцене они держались подчёркнуто отстранённо, всем своим видом показывая - мы тут, в общем-то, случайно, мы к этому отношения не имеем, нас просто пацаны помочь попросили. Сыграли мы всё более-менее ровно (насколько вообще было возможно сыграть в составе бас-барабаны-балалайка), но осадок остался пренеприятнейший. Вскоре после этого мы смотрели с Андреем акустический концерт Саймона и Гарфанкела. И Витамалюга сказал что-то вроде «а хорошо в акустике всё-таки» и многозначительно на меня покосился. С тех пор мы больше не работали с Ку и Толяном. Да больше и не встречались почти.

За лето не произошло ничего. А осенью Петровский рок-клуб благополучно загнулся. И тогда Фан пробил базу у Лукьянова в Советском ДЮЦе. Состав ГП к тому времени устоялся, мы репетировали раз или два в неделю, уже была готова небольшая программа. А с АХН дело обстояло точно так же, как и в начале года (то есть никак). Активность наша сводилась к вечерним посиделкам вдвоём с Витамалистом, почти всегда переходящим в ночные. Иногда, правда, я сочинял странноватые песни, переполненные понятными мне одному намёками на различные события моей жизни. Текст «Мудака», например, я решил просто из спортивного интереса написать в форме акростиха, а потом увлёкся и получилась совершенно беспощадная к себе вещь. О, это сладострастное самобичевание!.. Кажется, как раз тогда я впервые услышал в свой адрес одно ужасное слово. Когда Вальдемару, в очередной раз приехавшему в Волгоград, кто-то предложил пойти ко мне на вписку, он ответил: «К Ярославу не пойду - у него там Достоевщина». Впоследствии Вальдемар всячески отрицал, что говорил это, но Достоевщина действительно была полной.

Осень 2004 г. началась, как известно, кровавым терактом в Беслане, в связи с чем Вальдемар организовал в Михайловке масштабный фестиваль «Антитеррор», куда были приглашены АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ и ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ. И как-то само собой получилось, что все участники ГП оказались в АХН - попросту говоря, мы взяли и сделали две программы одним и тем же составом: Фан - ритм, я - соло, Никита Лощилин - бас, Санёк Паршиков - ударные. Фан с самого начала тяготел к реггей, старые панковские песни как-то не каналы - так что к осени ГП уже вовсю размахивало знаменем доброго бога Джа Растафарай. Это было ново и очень круто, тем более что реггей тогда в Волгограде не играл вообще никто. Но должен признаться, что всё-таки хотелось мне чего-то позлей и познергичней. И внезапно этот вопрос решился сам собой! Никита Лощилин был юн и амбициозен, склонен к «тяжелю», но хорошо относился к АХН и с большим уважением говорил о Толяне. Санёк Паршиков параллельно лупил ещё и в ВОЗРОЖДЕНИИ, так что ничего сложного в наших песнях для него не было. Кроме того, мы все тогда были не дураки выпить, поэтому общий язык у нас нашёлся молниеносно.

«Антитеррор» состоялся 9 октября 2004 г. в михайловском ДК «Строитель». Играла куча групп из Михайловки, Волгограда, Волжского и других городов. Что касается выступления АХН, то о нём можно говорить исключительно в превосходных степенях. Потому что это был какой-то сумасшедший, первобытный, озверевший крик, плач и смех одновременно. Выйдя на сцену, я понял, что всё происходит именно так, как должно происходить. И отпустил все мысли. Витамалист тогда только-только начал учиться играть на блокфлейте и не отказал себе в удовольствии исполнить несколько простых соляков... Не обошлось и без курьёза. Ни гримёрки, ни служебного туалета в этом ДК предусмотрено не было, поэтому мы всё время сидели за сценой, а курить выходили в тот же туалет, что и зрители. По каким-то неведомым признакам юный панк из местных распознал во мне и в Витамалисте музыкантов и начал приставать с расспросами, что за группа да что играем. «ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ», - без тени улыбки отвечаю я. «О, круто!!! Я знаю вас! То есть не знаю, но мне говорили, что вы крутые! А вы когда выступаете?» Ну, думаю, стрелять так стрелять. «После ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ», - говорю. Чувак теряет дар речи. И тут влезает другой парень с гребнем на голове: «Ты что, не видишь? Это же АХН!»

В декабре выступили в ДЮЦе урезанным составом - без Фана и без Витамалиста. Я ни с того ни с сего сказал в микрофон, что первая песня называется «Кастрат» (такой песни у нас сроду не было), и Лукьянов уже собирался вырубить нам звук, но Катя Архипова, которая хорошо знала нас и наши песни, успела сказать ему, что это такая шутка.

Саморазрушение продолжалось. Пили практически круглосуточно. Всё время появлялись какие-то люди... Я часто не знал, с кем я пью и где проснусь на следующее утро. Более того, меня это не очень-то интересовало. Ночевали в подъездах, в ментовке... Да и просто на улице. Это было что-то чудовищное. В феврале 2005 г., например, я очнулся в Москве без понятия, как туда попал. Денег - ни копейки. Куда идти - хуй знаю. Ни адресов, ни телефонов, ничего нету. Страшная история была, в общем. Хуже всего было то, что мне было уже наплевать, чем всё это кончится. Я сам себе опротивел и жил словно на автопилоте.

Популярность ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ тем временем стремительно приобретала угрожающий характер. На первый взгляд, всё шло очень хорошо - группа развивалась, мы регулярно выступали, записали той зимой неплохое демо. Но я не мог отделаться от мысли, что всё превращается в ширпотреб, и остановить этот процесс мы не можем, вернее - не знаем, как это сделать. Поэтому я предпочёл покинуть этот проект. Вместе со мной ушёл и Никита.

В марте 2005 г. состоялся совершенно адский концерт АХН в Советском ДЮЦе со Слайвером за барабанами и местным алкашом Пушкиным на втором вокале. Мне доводилось смотреть концерты раннего Мамонова... Примерно так там всё и было, если вы понимаете, о чём я.

А 4 апреля меня чёрт понёс играть акустику в ДК Гагарина на фестивале «День Русской Нации». Факт моего участия в подобном мероприятии был уже сам по себе преисполнен величайшего абсурда. Это было что-то вроде концептуального акта, то есть о серьёзном отношении к происходящему не могло быть и речи. АХН и националисты - что может быть нелепей?! Надо сказать, что я всегда крайне подозрительно относился к любым объединениям по национальному, идеологическому, религиозному и хрен знает ещё каким признакам. Это, собственно, и было причиной того, что мы никогда не «прилеплялись» ни к одной тусовке, будь то хоть мормоны, хоть коммуняки. Сам концерт был довольно унылый, и я бы и не вспомнил о нём, если бы не одно «но». После моего выступления ко мне подошёл Серёга «Мамай», которого я помнил по домашним джемам начала 2000-х, и предложил себя в качестве гитариста. «Помнишь, где я живу?» - спросил я. «Заходи, когда будет удобно - попробуем поиграть что-нибудь».

★ 2005-2006. Ничего не меняется

Ярослав Багров

Компания, к которой принадлежал Мамай, была мне знакома лишь шапочно. Все эти люди были моложе меня на 7-8 лет, то есть представляли собой другое поколение уже. Надо сказать, что я с интересом присматривался к этой компании - помимо большого самолюбия и желания нравиться девушкам в некоторых товарищах присутствовали и несомненные проблески таланта. Таковых там, впрочем, были единицы - основную массу составляли всё те же распиздяи и алкаши, что и везде. Кроме того, у них в большом почёте были разнообразные «вещества», чего я не одобрял просто категорически. Я считал, что увлекательные байки на тему «секс, наркотики и рок-н-ролл», которыми нам ссут в уши уже не первый десяток лет, - это всего лишь байки, притом рассчитанные на умственно отсталых. К 25 годам я плотно сидел на стакане и больше всего на свете мечтал с него соскочить, потому что это мешало мне страшнейше. К «веществам» же и идиотам, их употребляющим, я всегда испытывал в лучшем случае презрение, в худшем - невыносимое желание истребить всех тех, кто подсовывает людям эту отраву. Свобода, к которой мы стремились, не имела ничего общего со «свободой», которую предлагают синька и наркота. Я не хотел ничего, что могло бы влиять на меня. Как бы то ни было, сотрудничество с Мамаем обещало быть весьма занятным уже хотя бы потому, что он действительно умел играть на гитаре.

Первой песней, которую мы сделали с Мамаем, была «Ничего Не Меняется». Эта короткая вещь появилась ещё в начале 2002-го и тогда же впервые прозвучала на одном из квартирников. Скорый бесславный конец того, что гордо именовалось «волгоградским андеграундом», уже тогда был очевиден, поскольку преобладали в нём, как и много в чём, ленивые тусовщики и похуисты. О чём я и заявил перед тем, как сыграть эту песню, мило при этом улыбаясь (как оказалось впоследствии, это многих тогда задело). Мамай, как я говорил выше, относился уже к следующей музыкальной генерации и был плотно ориентирован на

всевозможную «альтернативу» и поп-панк, а о том культурном пласте, что вдохновлял нас в его годы, не имел ни малейшего понятия. Что было ему только в плюс.

Мы успели отрепетировать лишь три-четыре песни, когда мне позвонил Вальдемар и пригласил принять участие в очередном михайловском фестивале. Я честно сказал, что состава нет и мы можем сыграть лишь вдвоём с Мамаем в акустике. «Ну и нормально!» – ответил Вальдемар. Вот так, едва разучив несколько вещей, в апреле 2005 г. Сергей «Мамай» Кузьмин уже был представлен публике как новый гитарист АБСОЛЮТНО ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ. А чего тянуть-то, спрашивается? Вписывались мы у Лёхи Литвинцева, лидера ЗА И ПРОТИВ, и, разумеется, пили. А наутро пришёл Вальдемар и приготовил для нас гигантскую яичницу, на которой майонезом написал слово «АХН». Вот это я понимаю!..

В мае сыграли электричество в Советском ДЮЦе «переходным» составом - на басу и барабанах ещё были Никита и Слайвер, но на гитаре уже был Мамай. Я же вновь сделался свободным вокалистом. Неожиданный симбиоз принёс любопытные плоды - к примеру, именно тогда была впервые исполнена в электричестве песня «Лети», хотя до «канонического» варианта было ещё очень далеко, конечно.

Мамай приезжал ко мне довольно часто. Я показывал ему разные песни и он тут же предлагал огромное количество вариантов аранжировок. Постепенно у нас составилась небольшая, но мощная программа - «Ничего Не Меняется», «Полный Пиздец» и другие вещи, которые могли бы, по нашему мнению, здорово прозвучать живьём и в полном составе (о том, чтобы записать альбом, я тогда не думал, поскольку эксперимент только начинался и было ещё не совсем ясно, что из этого выйдет). Мамай довольно быстро сообразил, что творческая концепция проекта, в который его пригласили, весьма широка и свободна - в результате в АХН появилась новая ритм-секция, состоявшая из мамаевских друзей Витька и Сиды. Это было пока что на уровне разговоров, потому что репетировать было негде, да и концертов пока не намечалось никаких. Витька Масляя я знал с 2000 г., он часто устраивал у себя дома квартирники, которые не всегда заканчивались благополучно. Один раз, например, пьяная толпа перевернула вверх дном холодильник. Виталий Сидненко, он же просто Сид, был лидером группы ПАТОЛОГИЯ, состоявшей на тот момент из него одного. Я понятия не имел, какой он ударник (да и не знал, что он ударник), но решил довериться мнению Мамаю, который считал Сиду наиболее подходящей кандидатурой. Тогда же произошла одна связанная с ним история, которая произвела на меня огромное впечатление. Сид пригласил меня к себе в гости. Дай, думаю, съезжу, пообщаюсь с Сидом и вообще. Приехал, стали мы бухать и разговаривать. Не помню, до чего мы дошли в своих обсуждениях, но в какой-то момент произошло вот что. Мы вышли на балкон курить, и Сид перелез через перила и встал спиной к улице. А потом он сказал: «Смотри внимательно». Разжал пальцы и повалился со второго этажа спиной вперёд, ломая в полёте ветки деревьев. Немного полежал на земле и снова вскарабкался на балкон по стене дома.

Летом 2005 г. меня и Витамалиста посетило вдохновение весьма необычайного свойства - мы написали ряд откровенно издевательских песен, пародирующих наиболее одиозные жанры современной музыки. Песня «Растыканское Лето» была составлена Витамалистом из реальных укучных телег, детских высказываний своего младшего брата и собственных, весьма радикальных, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо. В этом жизнерадостном реггей Андрей умудрился не только высечь и высмеять UB 40, Марли, БГ, Олди, 5'nizza и уж не помню кого ещё, но и собрать в кучу все существующие реггей-штампы - лето, море, траву, Вавилон, Хайле Селассие и так далее. «Эх, Любовь!..» задумывалась нами как стилизация под подростковый дворовой фольклор и слезливую буржуазную сентиментальность одновременно, но почему-то возникла красивая лирическая вещь в духе советской эстрады 70-х. «Свалка» изначально должна была быть нарочито дубовой панк-песней, исполняемой от лица некой условной провинциальной панк-группы, обезумевшей от собственной никудышности. Однако наша давняя любовь к мистификациям снова дала о себе знать - по ходу сочинения песни мы стали рассматривать всё, что в ней происходит, как аллегорическое описание мытарств заблудшей души, стремящейся к очищению. А припев - «Мама, не пускай меня на свалку» - представлялся нам чем-то вроде молитвы, обращённой к Богородице. «Матерь Божья, сбереги меня от мира суеты и разврата». Звучит чудовищно, но в 2005 г. мы воспринимали эту песню именно так.

Примерно тогда же в Ворошиловском районе открылся новый клуб «Остап». Директором его был индус (а может, мулат) по имени Джеймс. Этот человек был совершенно не обременён

жанровыми предрассудками и охотно пускал играть всевозможных панков, хардкорщиков - вплоть до подзаборных алкашей с гитарами. Политика была крайне проста: играйте что хотите, лишь бы на вас люди ходили. Разумеется, туда тут же полезли выступать всевозможные «альтернативщики» и прочие феерические мудаки, коих в тот год почему-то развелось как собак нерезаных. Такое положение дел меня категорически не устраивало, и я твёрдо решил, что по осени, когда народ вернётся из тёплых краёв и мы подготовим программу полным составом, надо будет и нам забабaxать в «Остапе» как следует.

Возможность там выступить, однако, представилась нам несколько раньше. 14 июля Слайвер организовал в «Остапе» сольник своей группы ВОЗРОЖДЕНИЕ и пригласил нас исполнить «на разогреве» несколько песен в акустике. Поскольку в нашем арсенале только что появился новый и необыкновенный песенный цикл, решено было исполнить именно его. И тогда на сцену вновь вышла группа ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ - Витамалист, Юля Сушкова и я. Юля сперва стеснялась выступать, опасаясь, что среди публики могут оказаться её студенты. Витамалист надел белую рубашку с белыми брюками и сказал: «Я Джо Дассен». Что до меня - я к тому времени уже настолько философски относился ко всему происходящему (другими словами, не трезвел почти никогда), что мог преспокойно исполнить что угодно, где угодно и перед кем угодно в сопровождении абсолютно любых инструментов или даже вовсе без таковых. Концерт записывался на мою деку с пульта, но канал гитары оказался не включен, поэтому на записи остался лишь наш не вполне трезвый и не вполне стройный хор, блокфлейта и погремушки. В конце была спонтанно исполнена романтическая баллада «Без Хуя», сочинённая мной и Слайвером в припадке похмельного отчаяния.

Пару дней спустя Витамалист отправился по своим делам в Михайловку и неожиданно для самого себя сыграл там квартирник. Сохранилась запись этого беспрецедентнейшего и выдающегося во всех отношениях события.

Я устроился работать дворником в детский сад, что хоть и дало мне крошечную уверенность в завтрашнем дне, но по самолюбию ударило так, что мама не горюй. Я даже сам поразился тому, какая ужасная гордыня может таиться в душе опустившегося алкаша. Как так?! Я - такой умный, талантливый, харизматичный - и вдруг дворник?! Впрочем, я довольно быстро плюнул на никчёмные амбиции и устремил свой взор на грабли и метлу. Зарплата, конечно, была смехотворной, но работал я самое большее 2-3 часа в сутки, что было очень и очень весомым плюсом. За несколько лет до этого я подрабатывал в этом же детсаду ночным сторожем. Само собой разумеется, что редкое дежурство обходилось без собутыльников и собутыльниц. Нужно ли уточнять, что это был [тот самый садик](#), который посещал в детстве фронтмен АХН и в котором впоследствии исчез старый забулдыга Сан Саныч?!

Тогда же я открыл для себя дополнительный источник дохода, который, однако, стал приносить мне существенно больше, чем основной. Заняться этим мне предложил, как ни странно, Слайвер (а его, в свою очередь, натолкнул на эту мысль Мамай, который занимался этим уже довольно давно). Короче говоря, я сделался уличным музыкантом. Я играл на балалайке, гитаристы же постоянно менялись. Играли мы в основном всяческий говнорок, но случались и лирические отступления вроде Бреговича или Тухманова. Орать на улице ахээнщину мне не хотелось, да и вообще ничего орать не хотелось. Наверное, я всё-таки в глубине души считал это чем-то фальшивым. Поэтому я довольствовался скромной ролью балалаечника и играл с кем ни попадя. Большинство этих людей я сейчас не то что по имени - даже в лицо не помню. Чаще всего музицирование происходило на Квадрате. Квадрат - это небольшой участок Аллеи Героев в самом центре Волгограда. Сколько себя помню, там вечно торчали разномастные «неформалы» и прочая алкашня. В середине 2000-х же там тусила по большей части мелочь, которая смотрела на нас снизу вверх (чем мы время от времени беззастенчиво пользовались в алкогольно-сексуальном смысле). Такое времяпровождение быстро стало для многих из нас серьёзной ступенькой вниз, скажу честно. Напивались мы там до полного оебунения. Все наши «культурные» пьянки с Витамалистом и рядом не лежали. Довольно часто доводилось попадать в РОВД. И хорошо, если только туда... Один из участников тогдашней квадратовской тусовки Александр «Вокалист» Воронкин впоследствии опубликовал свои мемуары под названием [«Пять Писем»](#), к которым я и отсылаю всех интересующихся подробностями нашего морального падения.

В то лето случился ещё один концерт под вывеской ВОДИТЕЛЕЙ КИОСКОВ - я бренчал на акустике, а свободными вокалистами были Витамалист и Стас Ефросинин. Стас уже несколько лет как переехал в Москву, но время от времени приезжал навестить родные места. В

очередной стасовский приезд мы допились с ним до того, что решили исполнить спонтанный акустический хэппенинг в баре «Белая Лошадь». И это было прекрасно.

В сентябре состоялся совместный концерт с Денисом Третьяковым, лидером ростовской формации ЦЕРКОВЬ ДЕТСТВА, известной нам не только весьма необычными песнями, но и великими телегами об их кровавых спектаклях, где они распинали живых собак и так далее. Познакомились мы ещё в 2000 г. в Ростове, куда я ездил играть акустику на фестивале «Последнее Лето Детства». С тех пор и не виделись, собственно. Но я помнил об этом странном человеке в очках и с крючковатым носом. Рано или поздно мы просто обязаны были пересечься ещё раз. Концерт, разумеется, был акустическим и проходил в клубе «Здоровье» (!) на улице Ткачёва, недалеко от дома Коли Жукова. Это был типичный подростковый клуб вроде того, в котором я работал после универа. Пинг-понг, макраме - ну, вы понимаете. Тем удивительней было то, что нам предстояло там играть, да ещё и в компании такого маргинального артиста, каким в то время был Деня.

И тут появляется Паша Балеевский, с которым я был очень поверхностно знаком лет за пять до того. Это был довольно активный деятель местной рок-сцены 90-х - я слышал его имя ещё тогда, когда в глаза его не видал. Паша был старше меня лет на 10, выпускал свой журнал, коллекционировал всевозможный рок-н-ролл и с высоты своих познаний иногда высказывал такие странные суждения, что я просто не знал, как к ним относиться. «Ярослав, ты нарцисс», - говорил Паша. «Почему у тебя в песнях так мало соляков? Слышно же, что музыканты играют пиздато - почему ты им не даёшь побольше соляков поиграть? Ты нарцисс, я точно знаю - я таких, как ты, не раз встречал». Ну и вот, через несколько лет этот товарищ объявляется вновь и предлагает нам выступить в Волжском совместно с какими-то хардкорщиками из Новороссийска. Я, естественно, тут же с радостью согласился, несколько не парясь о том, что состав группы пока что является гипотетическим. В чём проблема? Есть концерт - надо играть. Звоню Мамаю - ну что, вот и выступление наконец-то замаячило, подтягивай Витьку и Сиду, будем готовиться. Сид, как выяснилось, был занят и поехать с нами в Волжский не мог. Отказаться от концерта - такая мысль мне и в голову прийти не могла. Нет барабанщика? Не беда! Есть вокалист, у которого руки-ноги ничем не заняты. Короче говоря, за барабаны мне пришлось сесть самому.

Единственная репетиция состоялась на точке ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ в какой-то школе или ДЮЦе на Красном. Мамай с Витьком успели заранее разучить все песни дома, а Витамалист, как всегда, пел всё уверенно и чётко. Самым слабым звеном в конструкции были ударные, но тут уж ничего было не поделать. Примитивный «водительский» панк-бит категорически не канал, требовалось что-то более забойное и разнообразное, но научиться играть это за одну репетицию было, мягко говоря, трудновато. Как бы то ни было, мы подготовили небольшую программу и отправились в Волжский. Концерт проходил в клубе под названием «Шансон», что уже само по себе было очаровательно. Народу набилось под завязку - я даже слегка струхнул, тем более что нам предстояло играть этим составом впервые. Но получилось очень неплохо. В начале мы с Витамалистом исполнили под гитару «Свалку» и «Растыканское Лето», потом вышли Витёк и Мамай, я сел за барабаны и пошло-поехало.

Через несколько дней должен был состояться ещё один концерт, на этот раз в Волгограде, в «Остапе», с питерскими дадаистами АНКЫЛЫМ. Я сдуру решил, что играть «нормальные» песни электрическим составом, да ещё и с такими хедлайнерами, - это попс и мейнстрим, и сказал организатору (которым был всё тот же Паша), что АХН не будет, а будут ВОДИТЕЛИ в акустике. Задумку эту, однако, осуществить не удалось, потому что Витамалист и Юля в тот день были заняты. К тому же об этом концерте как-то прознал Мамай и недвусмысленно намекнул мне, что акустика - говно и мы должны дать панк-року по полной, тем более что Сид как раз доделал свои дела и рвётся в бой. Что ж, АХН - так АХН. Я позвонил Паше и заявил, что мы вернулись к первоначальной концепции, он был только «за», но оказалось, что он уже напечатал афиши, в которых крупными буквами стояло - ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ. Ну и Бог с ним. Какая, в принципе, разница?

Репетиция полным составом была у нас, как водится, одна. Тогда только-только начали появляться платные репетиционные точки, и база на улице Балонина, рядом с автовокзалом, была одной из первых таких точек. Забегая вперёд, скажу, что такие базы очень быстро расплодилось по всему городу, что отчасти и привело к возникновению огромного количества новых групп, бешено желавших «всех порвать» и продаться как можно дороже (да только

покупатель что-то не спешил появляться). Я никогда не боялся никакой «конкуренции» со стороны кого бы то ни было (да и не видел её), но молодых конъюнктурщиков тогда развелось просто немерено, и необходимость как-то жить с ними рядом и играть с ними на одной сцене очень удручала.

Концерт в «Остапе» 11 октября 2005 г. стал первым нашим появлением в новом составе (Волжский - не в счёт). О чём я и сказал перед началом выступления, особо отметив, что это не ВОДИТЕЛИ КИОСКОВ, а АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ. Я уже успел отвыкнуть от роли свободного вокалиста, и мне снова всё было в новинку и в кайф. Мамай, Витёк и Сид рубились насмерть, я вещал и верещал - публика отвечала нам тем же. Короче говоря, эксперимент удался. [\[видео\]](#)

Мы принялись репетировать на базе у автовокзала. В основном это происходило ночью, поскольку все работали. Огромный пустой зал, где мы репетировали, к ночи остывал так, что приходилось играть в куртках и в свитерах. Единственная газовая пушка прогреть помещение как следует, естественно, не могла. Поэтому мы предпочитали прогревание изнутри (что иногда занимало столько же времени, сколько сама репетиция).

20 ноября 2005 г. я встретил свой день рождения не где-нибудь, а в Михайловке, причём на сцене. Фестиваль назывался «Рок за здоровый образ жизни». Фантастика! Уж кто-кто, а мы здоровым образом жизни никогда не страдали. И совершенно напрасно, как мне сейчас кажется. В ночь перед концертом у нас была генеральная репетиция, а в 6 утра мы пришли ко мне домой, чтобы немного поспать перед дорогой. А потом опять отправились на автовокзал. Отмечать мы начали, разумеется, ещё ночью на базе, поэтому сам концерт мне запомнился очень смутно. Врезался в память только респиратор на лице Сида. И ещё какой-то гопник, по-пацанячьи напряжно интересовавшийся, что лично я хочу сказать своим творчеством.

В декабре должен был состояться концерт в «Остапе» на вечере памяти какого-то питерского антифашиста, о котором никто из нас до этого и слыхом не слыхивал. Что ж, наше дело простое: нас приглашают - мы играем, нас не приглашают - мы не играем. А разного рода политическая подоплёка нами всегда рассматривалась как нечто из другого мира, не касающееся нас вообще никаким боком. Подобные воззрения, однако, разделяли не все. Большинству людей почему-то жизненно необходимо быть за или против кого-то там. В самом начале концерта некие юноши с «активной гражданской позицией» бросили в клуб дымовую шашку, вследствие чего мероприятие было прекращено и наше выступление не состоялось.

На Новый 2006 год ко мне заглянули в гости товарищи из Астрахани, группа ЕНТЕТКРЫТ - Коля Юдин и Игорь Морозов. Произошёл маленький джем, который был записан астраханцами на диктофон и включён в сборник **«Год Коллективного Доёбывания»**, изданный ими же маленьким тиражом «для своих».

Несмотря на то, что никаких концертов в ближайшее время не намечалось, мы продолжали репетировать. Я начал понемногу задействовать в наших песнях клавиши - звук становился всё интереснее и интереснее. Но в целом наблюдался какой-то спад. Повторялась старая история - я видел, что никому, по большому счёту, ничего не нужно и нас ничего, кроме совместных пьянок, не связывает. Пьянки происходили абсолютно на каждой репетиции. Время от времени, когда не мог прийти Сид, его подменял на барабанах Слайвер. А Слайвер - это Слайвер. Поскольку база находилась на территории какого-то предприятия, вход и выход там был через вахтёрскую будку. Чтобы каждый раз не «светиться» перед вахтёром, Слайвер придумал лазить за бухлом через забор. Что мы и делали по нескольку раз за ночь. Однажды вечером, прямо перед репетицией, меня вдруг охватило какое-то злобное отчаяние и я за один присест написал песню *«Мартышки»*. Придя на базу, я тут же показал эту вещь остальным, мы быстро её разобрали и начали играть круг за кругом, придумывая всевозможные нюансы. Это великое чудо и великое счастье, когда только что написанная песня сразу же обретает готовый вид. Чарльз Дарвин и Редьярд Киплинг знали, о чём говорили. Знаю и я.

В апреле 2006 г. мы сделали попытку записаться на базе «живьём» через советский микшер «Электроника». К великому сожалению, по-человечески отстроить звук нам так и не удалось - всё записалось крайне убого. К тому же никто из тогдашних музыкантов всерьёз к нашему музицированию не относился - все наши репетиции и концерты воспринимались ими просто

как «крутой оттяг», и для них оно так и было, по сути. Эта единственная запись того состава стала последним, что мы записали на кассету.

9 мая мы провели в «Остапе» концерт «День Победы Над Собой». Играли ЕНТЕТКРЫТ, МАНДАРИНЫ (группа Витька Масля) и АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ. Народу было немного - 9 мая всё-таки, но я был горд, что мы в кои-то веки сами организовали что-то без посторонней помощи и даже какие-то деньги получили за это.

В июле был ещё один концерт в «Остапе», где почему-то был всего один вокальный микрофон и мы с Витамалистом, обнявшись, орал в него. И ещё с нами играл на тромбоне наш старый знакомец Дима «Пузырь». Играть он, собственно говоря, не умел (хоть и служил в военном оркестре), но дудел с огромным воодушевлением, и звучало, как будто так и задумано.

А потом был фестиваль на заводе «Пивовар»... Вы представляете себе, что значит выступать на пивзаводе, учитывая моё тогдашнее состояние?! Это был один из моих самых «трэшевых» концертов - я крыл матом, снимал штаны и вообще истерил и иггипопил по полной. Удивительно, как меня там не убили. Гораздо позже я с удивлением узнал, что этот фест запомнился многим именно выступлением АХН, причём в сугубо положительном смысле.

В августе Балеевский пригласил нас на фестиваль «Real Art», что проходил на острове Сарпинский. Фест шёл два дня, выступала куча команд со всей России. Памятуя о недавнем «концептуальном» выступлении на «Пивоваре», мы подошли к делу ответственно - перед концертом не пили вообще (тот факт, что мне этот случай врезался в память, несомненно, говорит о многом). Выступать трезвыми неожиданно оказалось безумно кайфово! Сцена представляла собой довольно высокий бревенчатый помост, предательски поскрипывающий и покачивающийся под ногами. Будь я хоть малость поддатый - непременно свалился бы оттуда. Постоянные репетиции не пропали даром - отыграли мы как следует. Поплясать у нас, конечно, не получилось, ибо было попросту негде, но народ прекрасно колбасился и без нас. После того, как мы выступили, демон моих желаний вырвался наружу и окончание фестиваля мне запомнилось очень приблизительно. Даже грандиозный перформанс «Поп Ёб Татарина», исполненный тремя неизвестными мне людьми а капелла, я умудрился прозевать и лишь гораздо позже увидел его на видео. Я познакомился с Боряном, лидером группы ЛИСИЧКИН ХЛЕБ (что хотел сделать уже очень давно), и мы много чего с ним обсудили и употребили. Проснувшись в 6 утра с дичайшего бодуна, я увидел Витьку, пребывавшего точно в таком же состоянии, и мы отправились искать спасения. Набредли на незнакомую компанию, пьющую пиво за столиком. «Добрый вечер», - промямлил я первое, что пришло в голову. «О-о-о, парни, да у вас серьёзно всё! Присаживайтесь!» - сказали наши спасители. С тех пор у меня вошло в привычку приветствовать людей словами «добрый вечер» независимо от времени суток, и этой привычкой я заразил очень многих.

На этом всё и закончилось. «Real Art» оказался последним выступлением этого кратковременного и во многом случайного состава. Никто ни с кем не ругался, никто никого не выгонял - просто общение как-то само собой сошло на нет. Мы были слишком разными и хотели слишком разных вещей, только и всего. Но эксперимент на то и эксперимент, чтобы не бояться попробовать что-то новое.

★ 2007-2012. Время двигаться дальше

Ярослав Багров

Среди людей, посвятивших себя искусству - будь то восторженный прыщавый подросток или величавый маститый маэстро - широко распространено одно странное заблуждение. Возможно, это природная особенность индивидуумов, имеющих склонность рисовать, снимать фильмы или играть на музыкальных инструментах. Возможно, это проистекает из самой сущности искусства, вернее - того, что понимается под искусством в наши дни. Я не знаю, откуда взялось это заблуждение и отчего оно с завидным постоянством встречается у самых разнообразных «творческих личностей». Иногда мне кажется, что это что-то вроде инфекционного заболевания, поражающего некий особенно хрупкий участок психики. Им можно переболеть один раз, как свинкой, и это будет мучительно, и ты будешь содрогаться от одних лишь воспоминаний об этом, но дело сделано

– иммунитет приобретён, теперь можно не опасаться. Гораздо чаще это заболевание встречается в вялотекущей форме – люди считают себя абсолютно здоровыми и даже не догадываются, что уже много лет страдают психическим расстройством. Вернее, от них страдают. Я думаю, вы уже догадались, о каком именно заблуждении я говорю. Да-да, речь о необъяснимой убеждённости артиста – пусть даже **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** талантливого! – в своей неповторимой уникальности и самодостаточности. Человеку кажется, что всё, что им делается, по умолчанию имеет какую-то ценность и значимость. Мнение такого человека (а оно, как правило, имеется у него по всем вопросам на свете) преподносится нам как какая-то сногшибательная истина, поскольку мнение «артиста», несомненно, куда важнее мнения «обычного человека». В особо запущенных случаях человек уверяется в том, что он гений, а иногда даже умудряется уверить в этом всех остальных.

До поры до времени такая сосредоточенность на себе и своём внутреннем мире является безобидной. Сочиняет человек какую-нибудь хрень, бренчит на гитарке – кому он мешает, кроме своих близких, которым он срёт в уши? Но болезнь прогрессирует, и однажды человек приходит к выводу, что ЕМУ ВСЕ ДОЛЖНЫ. Должны по той простой причине, что он художник, поэт, музыкант и так далее. Напрямую эта мысль почти никогда не озвучивается (если только человек ещё не успел превратиться в совсем уж конченого мудака), но бешеное желание всевозможных благ и ярость оттого, что их нет, без труда угадываются при первом взгляде на такого товарища. С этого момента поэт и художник кончается и начинается, грубо говоря, пидарас и говноед.

Мне приходилось встречать немало людей, свернувших на этот гибельный путь (в большинстве случаев дело осложнялось неустроенностью личной жизни и алкоголем). Плохой из меня, наверное, гуманист, но мне не то что общаться с такими, а и просто находиться рядом – невыносимо. Когда человек не допускает и мысли, что он может быть неправ, помочь ему невозможно. Поэтому если вам вдруг встретится такой «страдалец», отвесьте-ка ему полновесного пенделя. «Падающего подтолкни», как говаривал Фридрих Карлович. Если человек действительно тот, за кого себя выдаёт, – он непременно поднимется, даже не сомневайтесь.

Но самым отвратительным является вот что. Человек решает, что с помощью искусства можно добиться каких-то своих личных целей. Известности, денег, ещё чего-то. Соблазн велик, что и говорить. В этом и заключается самое большое заблуждение и самая большая опасность, подстерегающая почти каждого, кто посвятил себя этому прекрасному делу. И именно поэтому всё, что нравится большинству и хорошо продаётся, – это, как правило, говно. Искусству, как ни банально это звучит, можно и нужно служить **ТОЛЬКО** бескорыстно, а всё остальное – это уже из области товарно-денежных отношений.

Когда в августе 2006 г. очередной состав АХН приказал долго жить, я не особо сожалел об этом. Во-первых, жалеть там было нечего – за год совместного музицирования мы даже не удосужились записать ни одной песни. А во-вторых, в силу некоторых причин личного характера мне уже ничего не хотелось и было на всё наплевать. В таких вещах непросто признаваться даже самому себе, но раз уж начал, придётся закончить – ужасное заблуждение, о котором говорилось выше, в тот период отчасти овладело и мной. Оставшись без музыкантов, я не только не попытался найти новых людей, но даже не предложил поиграть вместе никому из знакомых (многие из которых с превеликим удовольствием бы согласились). Я гордо сидел и «ждал предложений». Это было какое-то тупое упрямство, какая-то идиотская идея фикс: какой смысл утруждаться – всё и так сделается само собой. А не сделается – да и хуй с ним, и так сойдёт. Можно бренчать в одного, орать мимо кассы, и всё равно это будет божественно. А кто не врубается – те быдло и говно. Прекрасная позиция, что и говорить. Я до сих пор иногда встречаю самовлюблённых акустических олухов, в которых с ужасом узнаю себя – не нынешнего, а тогдашнего.

То, что происходило с проектом **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** во второй половине 2000-х, я могу охарактеризовать одним лишь словом – летаргия. Или кома, но это уж кому как больше нравится. Это было полнейшее разочарование во всём, падение на самое дно, просиживание всего и вся. Мне тяжело вспоминать об этом даже сейчас, когда всё давно позади, да и не так уж много там было моментов, заслуживающих упоминания, но история есть история, и в ней нельзя умолчать ни о чём, даже если очень хочется.

Основным моим занятием, смыслом жизни и наказанием к тому времени уже давно сделался алкоголизм. Я пил практически непрерывно днём и ночью, причём чаще всего один. На это уходили все деньги, что я зарабатывал на улице, плюс моя детсадовская зарплата. Из детсада меня, как и следовало ожидать, «попросили» где-то в районе весны 2007-го, так что от пьянства меня уже ничто не отвлекало. Тогда у меня уже появился компьютер и интернет. Первое время я слушал всяческих панков и играл в разные квесты, но очень быстро моим излюбленным времяпровождением сделался просмотр старых советских фильмов, сопровождаемый употреблением большого количества алкоголя. Временами я с трудом соображал, какой сейчас год и на какой планете я нахожусь.

В голову приходили такие мысли, что не приведи Господь. Однажды, например, мне представилось, что я китаец, да так отчётливо, что я похолодел. Ещё немного, и я окончательно забыл бы, кто я такой. Впрочем, меня это и так уже не очень-то интересовало. Я почти безвылазно сидел дома, месяцами не брился и почти ничего не ел (лишь пил пиво в чудовищных количествах, отчего и выглядел безобразным распухшим амбалом). Не хотелось ни играть, ни сочинять, не говоря уже о каких-то концертах. Время от времени я писал «в стол» бредово-болезненные рассказы - это было просто для себя, хвастаться этим мне не хотелось (ещё летом 2006 г. я «выпустил» свою вторую книжку [«Конфетки»](#) и на этом с писательством решил закончить). Песни, однако, продолжали появляться как-то сами по себе. *«Депутат»*, *«Лишь Бы Не Плакали»* - это из жизни всё, от себя я там ничего не добавил.

29 октября 2007 г. я выступил на квартирнике с Николаем Вдовиченко (бывшим басистом АДАПТАЦИИ и лидером собственной группы ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ). Это было моё первое появление на публике после более чем годового перерыва, поэтому переволновался я там капитально. Народ, однако, воспринял мои саркастические песнопения очень доброжелательно, что меня весьма и весьма воодушевило. Впервые был исполнен *«Депутат»* и ряд других новых вещей. [\[видео\]](#)

Возможно, я так и прозябал бы дальше, изредка играя на квартирниках, но вновь подобно deus ex machina появился Вальдемар и всё молча исправил. Ну, не совсем молча, конечно - Вальдемар позвонил мне и предложил выступить в Михайловке на фестивале «АКУнись». Фест, как ясно из названия, был акустическим, там выступали и безобидные барды, и жёсткие ребята вроде Литвинцева или самого Вальдемара, а год назад приезжал даже Чёрный Лукич. Витамалист по закону подлости в этот день работал, поэтому пришлось лихорадочно соображать, кого можно взять к себе в пару, да ещё и в грязь лицом не ударить при этом. Выбор был невелик - тогдашнее моё окружение почти сплошь состояло из забулдыг, знавших в лучшем случае три блатных аккорда. Единственным, кто знал на гитаре чуть-чуть больше и кому - самое главное! - я мог бы ДОВЕРИТЬ играть АХН-ские песни, был Сергей «Кипер» Курашев.

С Кипером меня познакомил, собственно говоря, Слайвер. Это был конец 2005 г., я тогда ещё в садике работал. Была зима, я колол на улице лёд, и тут передо мной нарисовалась эта нетрезвая парочка. Кипер был студентом какого-то ПТУ (то бишь колледжа), любителем маргинальной попсы 90-х и начинающим алкашом. Последний факт мне в тот момент пришёлся по вкусу пуще остальных, тем более что Кипер, как выяснилось, жил по соседству со мной, на площади Ленина.

Сергей сделался моим собутыльником, а впоследствии и напарником по уличному музицированию. Поначалу он просто тусовался поблизости, потом стал брать на себя функцию аскера (аскер - это человек, сопровождающий уличных музыкантов, который бежит за прохожими с шапкой, если кто не в курсе), а в конце концов решил сам играть на гитаре. Мы разучили с ним великое множество песен - от Утёсова до J.M.K.E., и лихо горланили их в два голоса, причём временами даже пытались петь в терцию и так далее. Пробренчали мы с ним так почти два года, а потом я сделал Киперу предложение, от которого он не смог отказаться.

На тот момент (конец 2007-го) Кипер был совсем ещё «зелёным» пацаном, не успевшим набраться житейского скепсиса, ему были страшно в кайф все наши пьянки и кухонные мудрствования на гитарах, он жадно впитывал всё это и почитал за великую честь общение с такими «титанами», как я и Слайвер. За то время, что мы бренчали с ним по подземным переходам, он более-менее сносно научился держать ритм на гитаре, так что нехитрые АХН-ские гармонии осилил бы без труда. Ну-с, моё нескромное предложение было Кипером с

радостью принято, мы подготовили небольшую акустическую программу и 24 ноября 2007 г. отправились в Михайловку.

По прибытии на место Кипера вдруг охватила паника - он сказал, что не помнит ни одной песни и мы непременно опозоримся, если не порепетируем ещё раз прямо сейчас. Я, естественно, был настроен отнюдь не репетировать, а общаться и пить пиво с михайловскими друзьями, которых не видел уже довольно давно, но ничего не поделав - мы поднялись на второй этаж ДК, нашли там свободное помещение и устроили генеральную репетицию. А потом был сам концерт. Серёга паниковал зря - всё прозвучало как надо.

15 декабря 2007 г. в честь 10-летия нашего мифического проекта был устроен квартирник «для узкого круга». Организовывать какое-то масштабное мероприятие не имело смысла, поскольку АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ, хоть и дотянуло до круглой даты, известно было лишь очень ограниченному числу «знатоков» - долгие паузы, вызванные частыми сменами состава, привели к тому, что постоянного слушателя у нас на тот момент попросту не было. Коля Жуков, специально приехавший из Москвы в качестве почётного гостя, был в очередном запое и прибыл на квартирник прямиком из-под капельницы, но всё же нашёл силы исполнить под гитару несколько своих песен. Слайвер и Кипер представили публике свои проекты ДИКТАТУРА СЕРДЦА и ААХОВ ТОВАРИЩ. Что касается АХН в лице Кипера и меня - всё было сыграно очень живо и весело, но чересчур криво и пьяно. Что ж, каков проект - таков и юбилей, видимо.

Примерно в те же дни я, Кипер и Дима «Пузырь» забрели в недавно открывшийся клуб «Бульдозер». Располагался этот клуб на первом этаже обычного жилого дома на Красном. Не помню, кто там играл в тот вечер, да мы и не на концерт шли, собственно. Бухали у входа, Пузырь бил по лицу молодых панков. Безумный вечер обязан был и кончиться безумно - пока я гнал телеги каким-то алкашам, Кипер умудрился просочиться внутрь, познакомиться с бульдозерской директрисой Светланой и пробить для АХН концерт в конце месяца.

Мы с жаром бросились репетировать втроём - Кипер, Витамалист и я. Происходило это попеременно дома у всех троих и сопровождалось употреблением определённого рода напитков, причём у меня и у Витамалиста пилось преимущественно пиво, а когда мы собирались у Кипера, всё часто кончалось очень сурово, поскольку к нам любил присоединяться киперовский батя, резонно полагавший, что пиво без водки - деньги на ветер. Программу мы подготовили довольно быстро - большую часть песен я успел показать Киперу ещё перед квартирником. Витамалист, истосковавшийся по репетициям, ликовал и кобзонствовал по полной, время от времени вставляя в наше с Серёгой нестройное брэнчание что-нибудь на блокфлейте или на губной гармошке.

27 декабря 2007 г. мы выступили в «Бульдозере», и получилось неожиданно круто. Казалось бы, что тут такого - гитара, балалайка и два голоса. Но мы умудрились так рассвирепеть во время нашего короткого выступления, что к концу от нас просто валил пар. И мы верили - это было не напрасно.

Тут хорошо было бы поставить точку, но этому акустическому составу суждено было продержаться ещё довольно долго. Вливание «свежей крови» в лице Кипера пошло только впрок - вновь появился энтузиазм, желание делать что-то вместе и вместе же радоваться результату. Конечно, у нас с Витамалистом уже была некоторая усталость от всего этого рок-н-ролла, и некоторое разочарование тоже было. Обидно, конечно, когда столько лет бьёшься-бьёшься, а никому ничего на хрен не нужно. Поэтому мы с изрядной долей иронии относились ко всему, что играли и пели (а песни, где подобное отношение было совершенно неуместным, мы по обоюдному молчаливому согласию решили не трогать до тех пор, пока не будем к ним внутренне готовы). Серёга же Кипер, впервые в жизни попавший в «настоящую» группу, весь искрился от счастья и жаждал играть как можно больше и чаще. Осилив немаленький набор песен, которым мы его озадачили, он принялся слушать АХН-ские архивы и пришёл в дикий восторг от композиций вроде «*Робин Гуда*» или «*Алёши*». Кипер даже предлагал играть это всё на концертах, но эта мысль нам тогда показалась чересчур смелой.

23 февраля 2008 г. в «Бульдозере» состоялся концерт памяти Егора Летова, куда были приглашены и мы. Я сразу же сказал, что никаких каверов на ГО мы играть не будем принципиально, поскольку не желаем паразитировать - хватит с нас и того, что мы ещё при жизни Егора записали идиотскую песню «*Летов*» (которая, кстати говоря, была насмешкой не

над самим Егором, а над ценителями «качественной музыки», презирающими его и таких, как он, вернее - над их тупым потреблением). То, что происходило на этом мероприятии, ничем не отличалось от того, что происходит на аналогичных «мемориалах» во всевозможных кабаках в наши дни. Молодые иждивенцы горланили *«Всё Идёт По Плану»*, бухали, плясали и вообще весело проводили время. АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ закрывало концерт, и надо признаться, что чувствовали мы себя не совсем в своей тарелке. Это был один из самых пронзительных концертов «доисторического» АХН. Сохранилось видео, снятое в тот день нашим хорошим знакомым Женей Плешивцевым. И в этих кусочках жизни мне видится нечто важное и дорогое мне даже сегодня. [\[видео\]](#)

17 мая у нас был сольный концерт в кинотеатре «Родина», организованный клубом «Бульдозер». Руководство клуба тогда начало искать новые площадки для своих мероприятий, поскольку проводить концерты в жилом доме стало затруднительно (не говоря уже об участившихся визитах местных люмпенов). Одной из таких площадок и был кинотеатр «Родина». Концерт мне запомнился чудовищным звуком на сцене и нашим столь же чудовищным нестрояком. Нелегко настраивать инструменты, когда ты ничего не слышишь, да к тому же когда в тебе сидит уже не один литр. По звуку это был панк-рок почище любого нашего концерта конца 90-х. Да и по исполнению, если честно. У Кипера порвалась струна на гитаре, и Витамалист пошутил насчёт Паганини, который играл весь концерт на одной струне. На что Кипер, подойдя к микрофону, ответил - «Значит, я воплощаю в себе пятерых Паганини». Этот концерт, как и предыдущий, был отснят Плешивцевым и стал одним из последних наших выступлений с участием Витамалиста. [\[видео\]](#)

5 августа мы с Кипером опять отправились в Михайловку, на этот раз - на большой фестиваль в лесу у озера Ямное. Это был первый Устиныч-Фест, ставший впоследствии ежегодным и широко известным мероприятием Юга России. Организовывал всё, разумеется, Вальдемар - один Бог знает, чего ему стоило поднять это огромное дело. Надо сказать, что всё хорошее, что когда-либо происходило в Михайловке, было для меня так или иначе связано с лидером группы РЕПРОДУКТОР Вальдемаром Вейманом. А тогда, в 2008-м, никто в такие вопросы не вникал - все ехали на готовенькое. Пить мы начали ещё утром в Волгограде, пили и в дороге. Едва мы прибыли на фест, Кипер тут же перезнакомился со всей местной алкашнёй - к моменту нашего выхода на сцену я был уже не просто пьян, а в самую что ни на есть тотальную жопу. Возможно, в сумме я выпил не так уж и много, но концентрация алкоголя в моём организме тогда была такова, что печень уже не успевала очищать кровь - достаточно было пары глотков пива, чтобы нажраться в сракатан. На сцену мы всё-таки выползли, но лучше бы мы этого не делали. Играть на балалайке я уже физически не мог, поэтому лишь изредка вешал аккорды (не те аккорды и не в тех местах, где нужно) - в остальное же время бессмысленно размахивал руками и заламывал их над головой. Петь я тоже уже не мог, поэтому почти все песни за меня пел Кипер. Это был не концерт, а какой-то омерзительный спектакль вроде «танца» бомжихи у пивного ларька. Смотрите, мол, какой талант погибает, как больно ему оттого, что мир не совершенен - он и пьёт-то лишь затем, чтобы Боль Свою Великую заглушить. Тьфу!.. После того, как мы «выступили», я совершил совсем уж гадкую выходку, в которой не было ничего человеческого. Если бы можно было навсегда вычёркивать из памяти нежелательные моменты, то первым делом я вычеркнул бы именно этот момент. И ещё пару-тройку похожих.

Очнувшись на другой день и осознав, что я натворил, я едва не умер от стыда и унижения. Бывало всякое, но ТАКОГО не было ещё никогда. Я понял, что жизнь моя кончена. Тут бы мне и завязать наконец, но какое там! Под откос-то лететь веселее. Среди огромного числа разнообразных «артистов», виденных мной, я более всего ненавидел истеричных мудаков с кривыми ухмылочками, якобы бескомпромиссно-честных, якобы оголённо-нервных, эффектно имитирующих надрыв, а внутри остающихся спокойными, как опытный урка, бьющийся в припадке, но готовый в любой момент вонзить тебе в горло заточку. Знакомый типаж, а? Теперь я и сам был как один из них. Разница была лишь в том, что я вовсе не ИГРАЛ - я был болен, я деградировал. Но кто знал об этой разнице, кроме меня самого?

В том же месяце мы с Кипером съездили на фестиваль, устроенный «Бульдозером» в посёлке Ерзовка. Там повторилась михайловская история, после чего руководство «Бульдозера» предпочло о нас забыть. Пожалуй, оно и к лучшему, потому что выходить на сцену в моём тогдашнем состоянии было равносильно публичному самоубийству.

Я неоднократно спрашивал себя - а что было бы, не начни я пить в 14 лет? Не возмись я за гитару в 17? Не встретить я на жизненном пути того-то и того-то? Ответ не найти, да и нет ответа, скорее всего. Всё происходит так, как оно происходит, а уже потом мы всё переосмысливаем и делаем какие-то выводы. Или не делаем. Нет ничего глупее, чем без конца ковыряться в собственном прошлом, и я давно уже, к счастью, забросил это неблагодарное дело, а что касается всех этих историй о том, как мы тщетно пытались играть какие-то музыки - наверное, необходимо облечь кое-какие мысли в слова, чтобы наконец-то преодолеть их и навсегда от них избавиться.

Где-то с полгода мы не делали ничего. То есть кое-что делали, конечно, но к творчеству это не имело ни малейшего отношения. Наилучшей иллюстрацией к тому, как мы убивали время, может послужить [отрывок](#) из дневника Кипера:

«Если честно, то я люблю похмеляться именно с Ярославичем. У нас в этом состоянии волны идиотизма находятся на одной частоте, оттого и начинаем гнать разные телеги, понятные зачастую только нам. Если в такие моменты рядом снами находятся люди обыкновенные, они непременно начинают с недоумевающим взглядами крутить пальцем у виска. А ну и пусть, зато настроение улучшается, мозг переключается с сопливых мелодрам на убойные и задорные комедии. Иногда чуть ли не до истерик доходит. Вот и этот раз не стал исключением, но, пожалуй, рассказывать то, что мы гнали в этот раз, не стоит. Неподготовленный человек вряд ли воспримет подобную информацию адекватно, у него появится непреодолимое желание вызвать мне скорую психиатрическую помощь. А мне туда как-то не хочется, мягко говоря. После нескольких бокалов пива мы, как обычно, решили размять косточки на музыкальных инструментах (Григорий играет на балалайке, а я соответственно на гитаре), да и деньги кончились, в общем, пошли подзаработать, веселя народ музыкой. В более или менее ясном уме у нас это не плохо получается».

Когда непрерывно пьёшь неделями и месяцами, неизбежно допиваешься до трясущихся рук, до блевания желчью, до скачущего давления - то знобит, то прошибает потом. Спишь урывками - несколько раз за ночь просыпаешься, глотаешь и засыпаешь снова (рядом с кроватью всегда должна стоять баклажка пива). Забиваешь хуй на внешний вид и элементарную гигиену - много месяцев ходишь в одном и том же и спишь не раздеваясь. А хуже всего то, что пьёшь уже не для того, чтобы получить удовольствие, а для того, чтобы хоть чуть-чуть прийти в «норму». И я, «толстеющий безработный алкоголик», познал тогда это всё в избытке.

Коля Жуков, 5 лет проживший в Москве, в итоге тоже спился, всё проебал и вернулся в Волгоград. Бывший оператор «Останкино» присоединился к уличным нищebroдам, и мы стали играть по переходам втроём - я, Коля и Кипер. Ни к чему хорошему это привести не могло, так как пить мы стали тоже втроём - начались выяснения отношений и прочее скотство.

Витамалист во всей этой чернухе не участвовал. Он уже много лет трудился у себя в типографии, потихоньку поднимаясь по карьерной лестнице - стал бригадиром или вроде того. А потом с ним произошло примерно то же самое, что в своё время с Майком - он нашёл свою любовь, нашёл свой дом да так и засел там, раз или два в год выбираясь на совместные пьянки (они с подружкой купили квартиру в Красноармейском, на проспекте Столетова - а это были ужасные ебенья относительно центра Волгограда, где жил я, поэтому и общались мы в последнее время очень редко, я к ним в Красноармейский приезжал от силы раза три, кажется). Концертов у нас тогда было мало, и каждый раз они таинственным образом совпадали с днями, когда Андрей работал, поэтому последним нашим более-менее адекватным совместным выступлением так и остался вышеупомянутый концерт в «Родине». А самый последний концерт состоялся два года спустя на Набережной, но это был даже не концерт, а хрен пойми что (впрочем, я ещё дойду до этого момента).

12 марта 2009 г. мы выступили в баре «Рассвет». К нашему с Кипером дуэту добавился Жуков, дудящий и свистящий в своей собственной тональности, и прозвучали мы весьма и весьма inferнально. Выглядели мы немногим лучше бомжей, чем кардинально отличались от опрятных мальчиков из молодых панк-групп, игравших в том же концерте. После нашего выступления ко мне подскочил юноша с безумным взглядом, оравший что-то восторженное. Пожалуй, только ради этого на самом деле и стоило играть. Потому что этим юношей был

Дима «Христос» Новокщёнов, который спустя три года станет гитаристом АХН и с которым мы наконец-то действительно станем ГРУППОЙ, а не сборищем самовыражающихся неудачников.

Возможно, если бы мы тогда брали себя хоть иногда за шкуру и по-нормальному репетировали, мы могли бы сотворить что-то стоящее. Три инструмента - это всё-таки не два, есть где разгуляться. Но мы предпочитали гнить в своём ленивом пьянстве, и к тому же по непонятной причине считали себя такими великими, что пиздец. «Какая разница, что и как я играю, если я великий». Поэтому никакой музыки у нас тогда не было, а было тупое бренчалово. Вклад Коли Жукова в наши концерты был весьма своеобразным. То он вообще не приезжал на них, мотивируя это тем, что ему жалко денег на проезд (потому что иначе не хватило бы «на ночь»), то аккуратно к нашему выходу нажирался и «давал Свина», то есть просто-напросто спал. Кипер же, хоть и бухал не меньше, к концертам относился ответственно и мог играть в любом состоянии. Поэтому мы так и продолжили выступать дуэтом - Кипер и я. В апреле сыграли в Средней Ахтубе, в мае выступили на «Улитке» на Центральной Набережной. А потом всё опять заглохло. [\[ВИДЕО\]](#)

Кипер не забывал о своём проекте ААХОВ ТОВАРИЩ и периодически приглашал меня записать для него то клавиши, то балалайку. Насмотревшись, как Серёга делает из сэмплов дорожки ударных и баса, я загорелся идеей сделать таким же образом альбом АХН. Летом 2009 г. мне наконец-то удалось на некоторое время уйти в «завязку» - я отлежался, отблевался и со свежими силами кинулся изучать основы электронной музыки, с которой до этого дела почти не имел. Довольно быстро я понял, что к чему, и соорудил партии барабанов, баса и клавишных практически на все песни, что были на тот момент в репертуаре. Живые инструменты и голоса предполагалось записать дома у Кипера или где-то ещё. Проекту этому, однако, не суждено было осуществиться - Кипер успел записать гитару лишь на несколько вещей, и тут у него полетел жёсткий диск. Все дорожки были утеряны и сделать их заново не представлялось возможным, поскольку «завязка» оказалась недолгой, и я опять ушёл в запой на несколько печальных месяцев.

Тогда же я начал цифровать наш кассетный архив - многим записям было уже больше 10 лет, ветхая плёнка грозила превратиться в труху, нужно было фиксировать всё как можно скорее. По качеству всё это, конечно, представляло собой лютый пиздец, но я не решился применять какие-то обработки - лишь вырезал щелчки между песнями и более-менее выровнял всё по громкости. Никакого шумоподавления, компрессии и иже с ними. Слушайте, как говорится, и наслаждайтесь.

Где-то в конце осени мне ненадолго полегчало, и я написал песню «А Воробьёв Стекло Не Выбивал». Это, разумеется, была отсылка к одноимённому рассказу Юрия Яковлева, чего я и не скрывал никогда. Что может быть прекрасней, чем Правда? Как не сломаться и остаться честным? Не врать самому себе - вот чего я хотел тогда до зубовного скрежета. Я понимал, конечно, что я давно уже никакой не поэт и не музыкант, а просто никчёмный алкаш, но ещё теплилась крошечная надежда, что это не навсегда, и однажды я вспомню, что когда-то был человеком. После «Воробьёва» я не писал ничего целых три года. Наверное, это был какой-то предел - сказать больше, чем было сказано, я был не в силах. И это было мучительней, чем все похмельные самокопания, вместе взятые.

25 декабря 2009 г. состоялся квартирник в Воронеже. Звали АХН, но Кипер то ли не смог, то ли не захотел, и я поехал один. Это была моя первая вылазка за пределы Волгоградской области с начала 2000-х, чему я был несказанно рад. Сам концерт неожиданно вышел очень уютным, как встреча старых друзей, хотя из воронежской публики я не знал ровным счётом никого. По просьбе организатора концерта я привёз ему наши архивные записи - **«Сюрреализм В Действии»** и прочее, что я оцифровал ещё летом. Вскоре все мои оцифровки погибли у меня дома вместе с жёстким диском, и вот тут-то и пригодились записи, что хранились в Воронеже.

17 февраля 2010 г. я выступил на сцене Волгоградского музыкального театра - официального учреждения с бархатными креслами, канделябрами и всем прочим (что уже само по себе представляло собой мощнейший абсурд). Олег Улитин, звукорежиссёр театра и организатор фестиваля имени себя, устроил в тот день феерическое шоу с клубами дыма и пригласил меня выступить там с песней «Лишь Бы Не Плакали», которая ему отчего-то понравилась ещё на прошлогодней «Улитке». Что я и сделал, собственно. Со мной должен был играть на флейте Жуков, но как только мы пришли в театр и оказались в окружении богемной

тусовки, он немедленно с кем-то напился и исчез. За пару минут до своего выхода я нашёл его в каком-то закутке за сценой - Коля спал, завернувшись в кулису. Я не решился его будить и пошёл выступать один под гитару. В самом конце песни я услышал, как кто-то за моей спиной очень коряво играет на флейте. Это, разумеется, был Коля, который услышал из кулисы, как я пою, и решил хоть напоследок внести свои пять копеек.

Пару дней спустя я играл акустику в каком-то клубе на окраине города. Там был очередной «мемориал» Летова, и это пахивало чем-то непередаваемо мерзким. Всё было ещё ужаснее, чем в «Бульдозере» два года назад. Самым ужасным было даже не то, что молодые группы играли как под копирку пустопорожнее говнище, а то, что народ был настроен очень позитивно и, по-видимому, считал всё происходящее совершенно нормальным. Я смотрел в эти весёлые прожорливые лица и охуевал. Я не понимал, что я здесь делаю и как здесь вообще можно всерьёз петь что-то. Вероятно, в своих смурных правдоисканиях я как-то пропустил момент, когда людям надоело сопереживать, и на концерты стали ходить только затем, чтобы развлекаться. Мне было 30 лет, но чувствовал я себя человеком из другой эпохи - я просто не мог взять в толк, что заставляет молодых людей слушать (а тем более играть) то, в чём нет ни формы, ни содержания, а есть лишь дешёвые понты и яростная жажда внимания к своей персоне. Я и сейчас это не очень-то понимаю.

Если исходить из предпосылки, что музыка должна лишь РАЗВЛЕКАТЬ и УСЛАЖДАТЬ, то достаточно было бы того, чтобы во всём мировом искусстве существовал лишь некий условный Цирк в самом широком смысле. Как основная тенденция. Однако греет душу мысль, что это далеко не так, и в мировом искусстве не один только Цирк живёт и процветает. Искусство НЕ должно заниматься эстетикой, радовать слух/взгляд/нюх и тому подобное. Искусство НЕ должно демонстрировать технические навыки - 200 нот в секунду, чудеса стихосложения и тому подобное. И наконец, искусство НЕ должно заниматься нравоучениями. Разумеется, все вышеперечисленные атрибуты встречаются и в искусстве, но не являются характерными его чертами. Характерной же чертой является то, что искусство НИКОМУ И НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНО.

10 мая был квартирник на 7-й Гвардейской. Играли вдвоём с Кипером. Тогда шла целая серия квартирников в поддержку какого-то фестиваля, организаторы уверяли - сейчас накопим денег, арендуем крутейший аппарат и будет у нас свой Вудсток, а пока поиграйте за «спасибо», ребятки. Нам-то, понятное дело, на всё это было наплевать, мы всегда были рады сыграть и бесплатно, тем более что организовано всё было действительно здорово - на каждый квартирник собиралось как минимум человек 30, что по тем временам было очень и очень круто. Фестиваль, как вы понимаете, так и не состоялся, а вырученные деньги загадочным образом исчезли. Да и хрен с ними! Потому что это был один из лучших квартирников, что мы когда-либо играли. За несколько дней до этого я в первый и последний раз в жизни был вынужден лечь под капельницу, чтобы выйти из запоя. Не думал, что когда-нибудь до этого дойдёт, но другого выхода не было - я трясся, блевал, умирал и никаких квартирников играть, естественно, не мог. Ежели по уму - мне следовало бы тогда отказаться от всех концертов и не вставать из-под капельницы несколько месяцев, чтобы очистить организм от дряни. Но концерт - пусть и квартирный - мне тогда казался важнее. И я ни разу потом не пожалел об этом. [\[видео\]](#)

31 мая мы снова выступили на «Улитке», на этот раз целой толпой - Кипер, Жуков, Витамалист и я. «Выступили» - это, конечно, очень громко сказано. Прыгали, орали, что-то бренча невпопад - короче говоря, это была уже просто пьяная клоунада. Потом я пошёл к Витамалисту, мы выпили ещё, но разговор не клеился - было заметно, что ему всё это в тягость. Что ж, я и сам себе был более чем в тягость тогда. Я попрощался и ушёл домой. Это была одна из наших последних встреч.

Летом Коля зачем-то потащил меня на Дон. Там проходил семинар йогов, там пахло благовониями и ходили тихие улыбчивые люди. А ещё там был вольер со страусами. Йоги, как им и положено, завязывались в узлы, а мы с Колей импровизировали под это дело на балалайке и на флейте. Потом мы решили достичь просветления более привычным способом - естественно, нажрались, и я заснул на камнях на берегу Дона, что очень скоро аукнулось мне жесточайше. В одно отнюдь не прекрасное утро я проснулся и понял, что не могу разогнуть спину. Кряхтя и держась за стенку, я кое-как поднялся с кровати и тут же упал. Я много слышал о том, что у алкашей отказывают ноги, но не мог и представить, что когда-нибудь это случится и со мной. Месяц или больше я просидел дома, потом начал понемногу выходить на

улицу, но первое время регулярно падал на ровном месте. Выглядело, наверное, это совершенно пиздецово: идёт человек, и вдруг - бац! - садится на жопу прямо посреди дороги. Менты принимали меня за инвалида и не забирали даже тогда, когда я был совершенно невменяем.

А потом мы с Кипером снова отправились в Михайловку, чтобы сыграть на той самой сцене, где я дал ужасного говна в 2008 году. Я очень боялся, что повторится история двухлетней давности, поэтому старался пить ровно столько, сколько мне требовалось для того, чтобы быть в «норме». Играть стоя я не рискнул - ноги ещё плохо слушались, поэтому сидел на стуле. Сыграли мы без особой лажи, но настолько бессильно и жалостливо, что впору было ложиться и помирать. Я был совершенно опустошён, у меня не осталось ничего, что я мог бы дать людям. Стараясь не смотреть по сторонам, я спустился со сцены, поддерживаемый под руку Кипером, и сказал ему, что всё, что мы делаем, - бессмысленно и бесполезно. Кипер не возражал. Это было наше последнее совместное выступление. В конце того же года Кипера забрали в армию, и больше я с ним никогда не встречался.

Остаток года пролетел в мрачном одиноком пьянстве. Я почти ни с кем не общался и выходил из дома лишь затем, чтобы заработать на очередную «дозу». А потом пил в тишине, закрывшись у себя в комнате. Мне было насрать на свою жизнь. Вернее, я её ненавидел. А в феврале 2011 г. меня вполне ожидаемо посетила белая горячка. Подробно останавливаться на этом моменте я не стану, скажу лишь следующее: это худшее, что со мной когда-либо случалось и, наверное, худшее, что может случиться с человеком. Хуже, чем смерть даже. Если бы мне сейчас предложили выбор: пережить всё заново или умереть, то я бы умер с радостью.

Некоторое время после этого я не пил ни грамма - меня пугала даже мысль о том, что этот ужас может повториться. Но потом как-то незаметно всё пошло по кругу, так что уже к лету я снова пребывал в глубоком запое. Однажды мне пришло в голову, что было бы неплохо сменить обстановку, и я не нашёл ничего лучше, чем поехать в Москву. Никаких концертов у меня там не было, да я и не планировал ничего такого. Хотелось просто пожить в новом месте, занять себя чем-то. Жил я у приятеля в Бирюлёво, работал курьером в рекламном агентстве. Ну и по переходам бренчал, разумеется. Деньги у меня были, тоска тоже была - как тут не пить? К тому же в магазине напротив регулярно случались распродажи - я набирал там водку и коньяк литрами, а про пиво уже молчу просто.

9 июля 2011 г. мы выступили на Устиныч-Фесте странным составом: Слайвер - ударные, Вальдемар - бас, я - голос и балалайка. Я приехал в Михайловку прямиком из Москвы, поэтому всё игралось без единой репетиции (более того - Слайвер и Вальдемар впервые увидели друг друга в тот день только на сцене), но я знал, что могу доверять старым соратникам как самому себе, и даже сверх того. Без лажи, конечно, не обошлось, но я был в восторге - это же был первый электрический концерт за 5 лет!

После Устиныч-Феста я вернулся в Москву и продолжил свои «исследования» в области алкоголя. А потом приятель, у которого я жил, предложил мне съездить с ним и с его другом на Утриш. «Развеешься», - говорил он. «Там такая благодать, что и пить не хочется». Об Утрише я уже был наслышан от многих, кто там бывал, и все единодушно называли это место под Анапой «русским Гоа».

Приятель выехал на день или два раньше меня, договорились созвониться, как я приеду. Добрался я до места, как он объяснял, вышел из автобуса, думаю - а где ж море-то тут? А там у них такой рынок - не рынок, хрен его знает, что это - короче, всё ларьками да магазинчиками загорожено. Я взял бутылку пива, поднялся на какую-то веранду. Это заколоченное кафе было, кажется. Веранда по всему периметру была. Ну и вот, захожу я за угол этой веранды и вижу внизу перед собой эту невероятно огромную голубую ширь, конца-краю нет. Я забыл и про пиво, и про то, что нужно приятелю позвонить.

Жили мы на горе посреди можжевельового заповедника. Добраться туда от посёлка Утриш можно было либо на лодке (что было недёшево), либо по берегу пешком, но идти надо было рано утром или поздно вечером, потому что днём на подходе к заповеднику стоял пост егерей, которые разворачивали всех искателей приключений обратно. В посёлок приходилось ходить почти ежедневно - я стал там местным Климом Чугункиным, т. е. сидел на рынке, орал под балалайку всякую дичь и тем зарабатывал себе на бухло. А вечером, если

был в силах, брёл берегом моря обратно в заповедник. Палатки не было, спали на земле в спальнях мешках. По ночам регулярно наведывались еноты и ещё какие-то зверьки вроде белок, поэтому продукты приходилось подвешивать к верёвке между деревьев. Москвичи постоянно где-то пропадали, поэтому большую часть времени я ночевал в нашем лагере один. Ночь, лес, вой шакалов - это было великолепно.

Народ, что обитал на Утрише, особыми комплексами не отличался. Стандартным приветствием у них было «доброе утро» независимо от времени суток - как мой «добрый вечер», только наоборот. Очень многие ходили голыми. Чтобы найти компанию, с которой можно наебениться, достаточно было просто пройти по берегу с инструментом - сразу же раздавались голоса: «Эй, балалайка! Давай к нам!», и я никогда никому не отказывал. Там был один мужик, который рассказывал мне о затонувшем корабле и даже примерно показывал место, где он лежит. Мы с ним собирались забраться туда. Меня спасло лишь то, что я в очередной раз попал под облаву егерей - меня не пустили на лагуну, где была наша стоянка. Я не привык унывать по столь ничтожным поводам - переночевал прямо на берегу, на камнях. А когда на другой день всё же добрался до лагуны, то этого мужика уже не было. Я думал, что он гонит насчёт корабля. Оказалось, что [нет](#).

Довольно быстро я попал в компанию таких же отбросов, как и я сам. Мы постоянно торчали в посёлке, стритовали, выполняли всякую мелкую работу в придорожных кафе. Наулюлюкивались так, что страшно вспомнить... Однажды, например, я заснул бухой на пляже и проснулся абсолютно голым! Из вещей у меня остался только рюкзак под головой, в котором лежали паспорт, телефон и ещё какая-то мелочь. И балалайка, ремень от которой я намотал перед сном себе на руку. Мои новые приятели, узнав о том, что я стал жертвой ограбления, долго ржали, но всё же прошлись по окрестностям и принесли мне майку, шорты и шлёпанцы, «позаимствованные» у таких же бедолаг.

Мы покинули Утриш и отправились в Анапу. Три недели я жил на улице, спал под прилавками с бомжами и алкашами. Пили чёрт знает что. Денег - ноль. Здоровью - пиздец. Так плохо мне ещё не было никогда. Постоянно трясло и рвало желчью и кровью. Я был уверен, что сдохну, и меня закопают где-нибудь на пустыре, как собаку. Одной дождливой ночью я вылез из-под промокших картонок, которыми был укрыт, и меня поразила внезапная мысль: говно вовсе не сосредоточено в какой-то одной области моего бытия (например, в том же пьянстве), а как бы растворено в нём, окрашивая в соответствующий цвет всё существование в целом. Проще говоря, я стал мудаком не потому, что стал пить, а стал пить именно потому, что стал мудаком. Эта гипотеза, кстати, отлично подходила и ко многим из моих знакомых. Я понятия не имел, можно ли как-то это исправить. Ясно было только одно: нужно срочно бежать из этой проклятой Анапы, иначе я тут просто погибну. В былые времена, говорят, генералы проигравшей армии стрелялись. Не потому, что было стыдно попасть в плен, а потому что было стыдно перед самим собой. А я чувствовал себя бойцом с последним патроном. И не мог оставить его для себя.

В конце концов не без помощи добрых людей мне всё-таки удалось выбраться из Анапы. Домой я ехал через Астрахань - был очень рад возможности посмотреть новый для себя город и встретиться со старым приятелем Игорем Морозовым. В Астрахани в 5 утра ко мне подошёл местный бомж - то ли татарин, то ли калмык. И сказал страшную вещь: «Не видел никого из НАШИХ?»

Вернувшись в Волгоград, я готов был целовать землю от счастья. Мне казалось, что мне улыбаются все люди, дома и деревья. Наверное, человек так уж устроен, что начинает по-настоящему ценить жизнь лишь после того, как с головой в говно окунётся.

22 октября 2011 г. мы с Жуковым оказались на квартирнике у Планетария, где выступала куча неизвестных нам молодых ребят. Это не был квартирник в традиционном понимании - когда музыкант играет, а люди сидят и слушают. Это, скорее, была просто большая пьянка - народ беспрерывно галдел, в разных углах квартиры игралось несколько песен одновременно. Всё это производило весьма удручающее впечатление, поэтому мы побыстрому проорали несколько песен и принялись бухать вместе с остальными. Бухал, собственно говоря, я, поскольку Коля тогда закодировался и из напитков употреблял только чай. А потом я отправился в магазин вдвоём с Христом - тем самым безумным юношей, что восторгался нашим выступлением в «Рассвете» весной 2009 г. Я уже знал тогда, что он тоже музыкант и у него есть своя группа под названием ИЗ ВНЕ, в которой он страшно орёт,

катается по сцене и на каждом концерте разбивает свою гитару. Христос очень тепло отзывался об АХН и много расспрашивал о разных событиях из прошлого и о том, что мы собираемся делать в дальнейшем. Поначалу я отвечал уклончиво, а потом вдруг взял да и сказал со всей прямоотой, на какую был способен - никаких «нас» давно уже нет, да и не было никогда, это просто дурацкие фантазии, и я даже приблизительно не знаю, что будет дальше. Христос тут же начал пламенно убеждать меня, что так думать нельзя, квартирники - это говно, нужно преодолевать свою лень, собирать состав и громить «вонючее волгоградское болото», в чём он с величайшей радостью мне поможет. «База есть, аппарат есть, всё есть! Я могу на гитаре поиграть, а могу и на басу, если барабанщик будет. Ты, главное, не забывай про меня - замути такое, что все обоссутся просто!» После того, что наговорил мне Христос, мне и вправду стало как-то неловко оттого, что я размениваюсь на пьяные посиделки, в которых каждому интересен лишь он сам, а что там на заднем плане играется-поётся - это дело десятое. С той поры я не играл на квартирниках, да и не горю желанием, если честно.

Христос был далеко не первым, кто указал мне на смехотворность и бесперспективность брэнчания в акустике. Таких упрёков от разных людей мне за последние годы довелось выслушать величайшее множество. Возразить мне было нечего, я и сам прекрасно понимал, что акустика - это просто от безысходности, «лишь бы хоть как-то». Кретинская гордость, однако, признаться в этом не позволяла, поэтому обычно я хитро шурился и отвечал - плевать я хотел на все стереотипы мирового рок-н-ролла. Плевать-то я плевал (да и до сих пор плюю), но «бардовщина» мне к тому времени уже до такой степени остопиздела, что встречу с Христом я воспринял как чудо. Христос был совершенно прав - нужно было собирать состав и играть в электричестве. На месте ударника я не видел никого, кроме Слайвера, но Слайвер тогда записывал свой альбом в Питере и раньше весны приехать не мог. Поэтому мы решили пока попробовать поиграть «как есть», а там видно будет.

Мы подали заявку на фестиваль, который должен был состояться в баре «InRock», нас приняли, и в январе 2012 г. мы начали репетировать у меня дома. Было нас пятеро: Христос - гитара, Ванёк Чеботарёв - перкуссия, Диман Руссков - бас, Коля Жуков - блокфлейта, я - голос и балалайка. Ванёк Чеботарёв был знакомым Христа и играл на джембе и дарбуке в акустическом составе ИЗ ВНЕ. В отличие от великого множества распиздяев, любящих терзать подобные инструменты, Ванёк подходил к своему делу скрупулёзно и даже записывал у себя в блокноте структуру каждой песни. Басист Диман Руссков, рекомендованный нам Ирккой Вербенко (которую он знать не знал), был угрюм, немногословен, носил усы и длинные волосы. Основной его специализацией была гитара, на которой он, по собственному признанию, занимался не менее 5 часов в день, причём предпочитал это делать почему-то у себя в туалете. Репетировали мы довольно часто и почти не пили при этом. И не хотелось, что самое интересное. Даже в те дни, когда репетиций не было, я старался не напиваться до полного скотства - я знал, что нужно держать себя в форме, тем более в присутствии новых людей. Я наконец-то увидел и услышал то, чего так долго хотел - серьёзное отношение к делу, и мне не хотелось ничем его портить. Довольно быстро мы сделали программу минут на 30 - мне очень нравилось, как всё звучит. «Погодите», - думал я. «Это ещё цветочки, скоро Слайвер из Питера приедет - вот тогда ягодки пойдут».

19 февраля 2012 г. мы впервые выступили в «InRock'e» этим полуакустическим составом. Звучало всё довольно камерно, но вместе с тем живо и непосредственно. Я вновь ощутил то чарующее волнение, которого не испытывал уже очень давно. Хотелось играть и наслаждаться общей энергией, а не корчить из себя какого-то там «пророка». Так оно и должно происходить на самом деле. Если основополагающим стимулом творчества служит желание как-то спроецировать вовне свой якобы глубокий внутренний мир, то это не творчество, а поебень, между нами говоря. [\[видео\]](#)

Двумя днями раньше, 17 февраля, был день рождения Витамалиста. Его телефонный номер я давно потерял, интернета у меня тогда тоже не было. Но в тот день я отчего-то проснулся с мыслью, что я во что бы то ни стало должен поздравить его с днём рождения. В соседнем доме было кафе с бесплатным интернетом. Заказываешь любую мелочь - чай, кофе, и сиди в сети хоть целый день. И я пошёл в это кафе и написал Витамалисту проникновенное поздравление, заодно намекнув, что у нас начинается образовываться новый состав и мне бы

очень хотелось его в этом составе видеть и слышать. Прочсть это он так и не успел - 25 февраля его не стало.

На следующий день, 26 февраля, у нас была акустика в баре «ГлавПивТрест». Играли втроём - Христос, Ванёк и я (Диман ещё перед концертом в «InRock'e» дал понять, что он не любитель такой музыки и вряд ли будет играть с нами постоянно, а закодированный Жуков в очередной раз отправился искать счастья в Москву). Я пил перед этим всю ночь и весь день, но оставался «трезвым как свинья» (так, кстати, Витамалист говаривал). Концерт прошёл словно в тумане - я даже не помню, что за песни там были. А потом я объявил со сцены о смерти Андрея, и ответом мне была тишина. Все молча уставились на меня, как будто ждали, что я скажу ещё что-то.

О последних днях Витамалиста я говорить не вправе, поскольку меня там не было - я даже не знал, что он был болен. Мы не общались уже очень долго - после «Улитки» 2010 года я видел его лишь однажды. Я понятия не имел, где он и что с ним, но пару раз до меня доходили тревожные слухи. Верить этим слухам я не хотел, хотя и понимал, что никто не вечен и мне тоже может в любой момент кирпич на голову упасть, образно говоря. Да и моё собственное состояние тогда отнюдь не способствовало общению с кем бы то ни было.

Хоронили Андрея на кладбище Красноармейского района. Приехали Вальдемар, Литвинцев, Ирка Вербенко. Был даже Никита Лоцилин, игравший с нами на басу в 2004-2005. Когда опускали гроб, все начали аплодировать - в этот момент я почувствовал, как у меня подгибаются колени. Я привёз с собой фотографию Андрея - самую первую из тех, где нас сняли вместе, и поставил её на свежий холмик. Потом были поминки в каком-то кафе, пили водку, и я предложил чокнуться за Витамалиста. Кто-то возразил, что за покойников не чокаются, на что я ответил: «Такие люди не умирают».

Нас снова начали приглашать в разные заведения. Сыграли в клубе «Серебро», сыграли в «Драккаре» в Волжском. Ещё совсем недавно я был искренне рад нашей возобновившейся активности - теперь же радости не было никакой. Я чувствовал, что вместе с Витамалистом исчезло что-то очень важное, какая-то часть меня самого. Люди, подобные Андрею Косынкину (хотя таких, как он, вообще нет), сами могут даже и не играть в группе, и не писать ничего - они необходимы скорее как дрожжи, как закваска, они не всегда на виду, но именно они делают из стандартного местечкового рок-н-ролла нечто сверхглобальное. И этого не хватало мне очень сильно. Своим уходом Андрей подвёл черту под целым куском нашей жизни - «старое доброе АХН» осталось отныне лишь в воспоминаниях.

31 марта 2012 г. мы провели в «ГлавПивТресте» концерт памяти Витамалиста. Собрать было решено только самых близких - были приглашены Тур, Фан, ИЗ ВНЕ, ДИКТАТУРА СЕРДЦА, РЕПРОДУКТОР, И БЫЛ ТАКОВ, ЗА И ПРОТИВ. Сам концерт я запомнил очень смутно, хотя в тот день практически не пил, пить уже попросту не мог - организм был отравлен окончательно, я был до предела измучен и близок к обмороку. Запомнилось лишь общее ощущение суровой торжественности. И слабые улыбки на лицах друзей, впервые за много лет собравшихся вместе.

Выступление АХН едва не сорвалось, потому что Диман Руссков, которого уговорили отыграть с нами ещё один - последний - раз, на концерт не явился. И тогда Слайвер изрёк: «Да сыграй сам на басу - делов-то!» Я не держал в руках бас больше 10 лет, но надеялся, что кое-что ещё помню. И память действительно не подвела. Выступление вышло крайне минималистским, без единого соло - балалайки и флейты не было, а Христос мог, по сути, играть только ритм. Но это было не важно. Потому что по эмоциональной отдаче это был один из сильнейших концертов, в которых я когда-либо участвовал. Это была какая-то немыслимая грань человеческих возможностей - всё, что происходило в тот вечер (как и всё, что мы делали все эти годы), не имело никаких сверхцелей, а происходило именно ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Это было как прощальный удар набата. Это был эпилог, и эпилог поистине величественный. [\[видео\]](#)

В тот день на сцене «ГлавПивТреста» мной была выпита последняя в моей жизни стопка водки, и на этом в отношениях с алкоголем я поставил жирную точку. Я не кодировался, не зашивался - просто решил, и всё. Мы отыграли, я ушёл в гримёрку, и тут силы меня оставили - я повалился на пол. Меня подняли, помогли одеться и усадили в такси - до моего дома было от силы десять минут ходьбы, но я не смог бы сделать и шага. Где-то с неделю я провалялся

дома в чудовищных отходнях, а потом силы понемногу стали возвращаться, и мне снова захотелось жить. Я был ещё очень слаб, когда решился вновь выйти на улицу. Была весна, звенели ручьи, светило солнце. Я глупо улыбался во весь рот, как это делают младенцы - впервые за 32 года я был по-настоящему свободен и счастлив.

На этом моя прежняя жизнь, полная придуманных «триумфов» и «трагедий», завершается вместе с мифической историей нашего мифического проекта. И начинается настоящая жизнь и настоящая история группы **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ**.

Напоследок хотелось бы сказать вот что. Я неоднократно сталкивался с ошибочным представлением о нас как о каких-то «ветеранах», «корифеях» и так далее. Многие до сих пор считают, что мы что-то там основали ещё в 90-е. Ребята, да выкиньте вы всё это из головы. То, о чём здесь было рассказано, не имеет никакого отношения к нам нынешним. Никакой группы **АБСОЛЮТНО ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ** в 1997-2012 не было, да и быть не могло - была лишь попытка (вернее - целый ряд безуспешных попыток) собрать коллектив с таким названием. Почти 15 лет этот проект существовал только в моём воображении, изредка воплощаясь на сцене и в записях с самыми разными людьми (которым я всегда буду благодарен). А в 2012 г. долгожданный миг настал, и началась настоящая история группы с концертами, записью альбомов и всем прочим. Возможно, когда-нибудь мы расскажем и об этом. А сейчас это принадлежит Настоящему.